КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ОКТЯБРЬ.

Годъ десятый. ТОМЪ XXXV. 1891 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская ул., домъ № 4.

1891.

Дозволено цензур. Кіевъ, 8-го октября 1891 г.

Рис. 1.

Рис. II.

ТРЕВОЖНЫЕ ГОДЫ.

Очерки изъ общественной и политической жизни г. Кіева и юго-западнаго края въ 1811—1812 гг.

I. ПОЖАРНЫЯ ТРЕВОГИ.

Кіевскіе пожары. Паника горожанъ. Слухи о поджигателяхъ. Слѣдствіе о причинѣ пожаровъ въ г. Кіевѣ. Открытіе злодѣйскаго замысла. Эртелевская коммиссія. Чрезвычайныя мѣры для поимки поджигателей. Прискорбныя недоразумѣнія. Приключеніе съ с-бернардскими монахами. Самозванный поджигатель. Неунывающій слѣдователь. Розыски въ Кіевѣ. Неожиданное открытіе. Дерзкій мистификаторъ.

Въ іюлѣ текущаго года исполнилось ровно 80 лѣтъ со времени страшнаго бѣдствія, постигшаго мать русскихъ городовъ: разумѣемъ пожаръ 9 іюля 1811 г., уничтожившій почти весь Подолъ. Чтобы представить истинные размѣры этого бѣдствія, надобно знать, что Подолъ въ то время составлялъ лучшую и самую многолюдную часть Кіева, точнѣе сказать—это и былъ въ собственномъ смыслѣ *городъ* Кіевъ: здѣсь именно было сосредоточено все, что давало ему значеніе извѣстнаго центра въ торговомъ, промышленномъ и образовательномъ отношеніяхъ. „Старый-городъ“ все еще оставался почти въ томъ же жалкомъ положеніи, въ какомъ онъ изображается въ описаніяхъ путешественниковъ и въ люстраціяхъ XVI—XVII ст. Окруженный древними валами, онъ, кромѣ Софійскаго собора, Михайловскаго монастыря и двухъ-трехъ церквей, представ-

Примѣч. При составленіи настоящихъ очерковъ главнымъ матеріаломъ служили старинныя дѣла изъ архивовъ кіевскаго губ. правленія и канцеляріи военнаго губернатора.

лялъ нестройное сборище хижинъ и лачугъ, между которыми тамъ и сямъ виднѣлись развалины древнихъ храмовъ. Нынѣшней Крещатицкой улицы не было и въ поминѣ, а на мѣстѣ теперешнихъ „Липокъ“ существовала большая липовая роща, отъ которой и получило свое названіе впослѣдствіи образовавшееся здѣсь поселеніе. Отдѣленный огромными пустырями Печерскъ представлялъ въ то время видъ незначительнаго уѣзднаго города, въ которомъ на тысячу съ лишнимъ частныхъ домовъ не было ни одного каменнаго; между тѣмъ какъ на Подолѣ числилось: церквей каменныхъ 15 и деревянныхъ 11, частныхъ домовъ каменныхъ 12, деревянныхъ свыше 2000, церковныхъ зданій каменныхъ 16 и таковыхъ же общественныхъ зданій 12. Въ числѣ послѣднихъ особенно славилось оригинальное зданіе кіевскаго *магистрата*, построенное въ стилѣ рококо въ концѣ XVII в. Оно стояло на площади нынѣшняго толкучаго рынка, близъ Сампсоновскаго фонтана, и было обращено однимъ фасадомъ къ Братскому монастырю, а другимъ, съ главнымъ входомъ, къ Успенскому собору. Надъ главнымъ фасадомъ возвышалась круглая съ балкономъ башня, высотою до 15 саженъ; въ ней были устроены городскіе часы, а надъ ними, вокругъ карниза башни, была надпись славянскими золочеными буквами: „Богомъ хранима града Кіева ҂ахчз (1697)“. Ниже, во всю высоту зданія, выходилъ обширный выступъ, въ которомъ помѣщались сѣни и парадная лѣстница. Вверху этого выступа устроена была открытая галлерея, или терраса, украшенная наверху фронтономъ, на которомъ стояла колоссальная мѣдная статуя Ѳемиды, съ мечемъ въ одной рукѣ и съ вѣсами въ другой. Въ лѣтнее время ежедневно, съ половины 11-го часа утра до половины 1-го, на высокомъ балконѣ вокругъ башни играли четыре трубача, а по вечерамъ въ открытой галлереѣ городскіе музыканты играли *зорю*. „Но особенное вниманіе и удивленіе простого народа (говоритъ очевидецъ) привлекалъ, по своему устройству, гербъ кіевскій. Это было мѣдное, въ кругу, до 4-хъ аршинъ въ поперечникѣ, барельефное изображеніе св. архистратига Михаила, который издревле почитается покровителемъ Кіева. Фигура архангела была такъ

устроена при часахъ на башнѣ, что во время ихъ боя она ударяла стальнымъ копьемъ въ кремнистую пасть змѣя, отъ чего сыпались изъ нея искры“ [1]). Пожаромъ 1811 г. это прекрасное зданіе было настолько испорчено, что его не признали возможнымъ починить, а велѣли разобрать, кирпичъ же былъ употребленъ на постройку нынѣшняго Контрактоваго дома, который до того времени помѣщался въ другомъ зданіи, близъ Покровской церкви.

Одинъ изъ очевидцевъ подольскаго пожара, впослѣдствіи извѣстный историкъ Кіева Н. Закревскій сохранилъ для насъ превосходное описаніе этой катастрофы, отъ которой такъ много потерпѣла его собственная семья. Правда, автору въ то время едва минуло шесть лѣтъ отъ роду; но кому не извѣстно, какъ рѣзко запечатлѣваются въ дѣтской памяти картины подобныхъ общественныхъ бѣдствій! Притомъ же Закревскій впослѣдствіи имѣлъ возможность провѣрить и восполнить свои дѣтскія воспоминанія письменными свидѣтельствами и устными разсказами старожиловъ. По его словамъ, пожаръ начался въ прекрасное лѣтнее утро (9 іюля), предвѣщавшее тихій, знойный день. Въ 10 или 11 ч. [2]) раздался первый набатъ съ колокольни Воскресенской церкви. „Любопытные устремились къ тому мѣсту, гдѣ впервые вспыхнулъ пожаръ; это было на пространствѣ между Житнымъ торгомъ и упомянутою церковью. Но изумленіе объяло жителей, когда они почти въ одно время услышали со всѣхъ колоколенъ несчастное извѣстіе и тогда же увидѣли страшный огонь въ четырехъ или пяти противоположныхъ концахъ города. Куда бѣжать? Кому помогать? Всякій обратился къ своему жилищу. Это обстоятельство было поводомъ, что многіе послѣ утверждали, будто при началѣ пожара полиціи удалось схватить нѣсколько жидовъ, поляковъ и даже французовъ, поджигавшихъ домы кіевлянъ посредствомъ зажженнаго трута, скоропалительныхъ свѣчей и другихъ удобно возгорающихся веществъ. Я не знаю (прибавляетъ Закревскій),

---

[1]) Закревскій Н., „Описаніе Кіева“, т. I, стр. 440—441.

[2]) По другимъ свидѣтельствамъ, пожаръ начался въ 1-мъ ч. по полудни.

справедливо ли это мнѣніе, или нѣтъ. Но и естественные случаи были причиною чрезвычайно скораго распространенія пожара кіевскаго. Тогда было лѣто жаркое и сухое, слѣдовательно деревянныя кровли домовъ легко возгорались отъ падающихъ искръ; усилившійся пламень нарушилъ равновѣсіе атмосферы и произвелъ бурю, которая разносила искры и головни на величайшее пространство и распространяла пожаръ съ такою скоростью, что въ продолженіе трехъ часовъ Кіево-Подолъ представился огненнымъ моремъ. Кто не успѣлъ заблаговременно спастись, бѣгая по тѣснымъ улицамъ, не могъ уже сыскать выхода и сдѣлался жертвою свирѣпой стихіи. Многіе погибли въ погребахъ или въ церквахъ; такъ нѣсколько монахинь, надѣясь найти убѣжище въ большой церкви Флоровскаго монастыря, задохлись отъ дыма [1]). Обгорѣвшія и оставшіяся безъ крышъ церкви густо дымились, потому что были завалены разною домашнею рухлядью, снесенною жителями туда для сохраненія отъ пламени. Старокіевскій валъ отъ Андреевской церкви до угла Михайловскаго монастыря надъ Крещатикомъ былъ усѣянъ нѣсколькими тысячами жителей Стараго-города и Печерска, которые отсюда могли удобно смотрѣть на несчастье своихъ собратій, потому что помощь человѣческая была тогда безсильна. Пламенныя волны, переходящія отъ одной части нижняго города до другой, сильный вѣтеръ, разносящій во всѣ стороны горящія доски, густой дымъ, паденіе домовъ на пространствѣ трехъ квадратныхъ верстъ и отдаленный крикъ спасающихся—все это представляло зрѣлище необыкновенное и ужасное".

---

[1]) По болѣе точному свидѣтельству другого очевидца, знаменитаго кіевскаго проповѣдника І. Леванды, во Флоровскомъ монастырѣ заживо сгорѣло *болѣе тридцати* монахинь и послушницъ. Считаемъ нелишнимъ привести цѣликомъ это вполнѣ современное свидѣтельство о кіевскомъ пожарѣ: „Вы очень помните — писалъ Леванда къ одной своей почитательницѣ — прекрасный городъ нашъ Кіево-Подолъ, но теперь его нѣтъ; онъ уже не существуетъ. 9 іюля истребилъ его страшный пожаръ, не щадя въ немъ ничего, при засухѣ, вѣтрѣ и пламенномъ вихрѣ. Церкви, монастыри, домы пали въ огнѣ и пеплѣ. Палъ и мой домъ съ нѣкоторою частью имѣнія, но немало и спасено. Въ городѣ (т. е. на Подолѣ) осталась одна Пречистенская базарная церковь, да за канавой... двѣ съ домами приходскими уцѣлѣли. Отъ

Къ ужасамъ разъяренной стихіи вскорѣ присоединились ужасы грабежа и насилій со стороны разнузданныхъ солдатъ и обезумѣвшаго съ отчаянія народа. „Дворъ нашъ (продолжаетъ авторъ), находившійся на улицѣ, называемая „Черная-Грязь“, былъ наполненъ множествомъ солдатъ и чернью въ лохмотьяхъ. Эти вандалы казались весьма озабоченными: они отбивали замки у нашихъ чулановъ, выносили въ банкахъ варенье и тутъ же ѣли, вынимая руками, а посуду въ дракѣ разбивали; то же было съ напитками,—словомъ, въ нѣсколько минутъ кладовыя и погребъ совершенно опустѣли. Потомъ принялись за вещи. Услужливость ихъ простиралась до того, что у насъ ничего не осталось бы, еслибы отецъ мой не успѣлъ спасти нѣкоторыхъ вещей“.—Нужно было, однако, поскорѣе уходить въ виду приближающагося пламени. „Съ трудомъ могли мы пробираться въ кривыхъ и узкихъ улицахъ, загроможденныхъ мебелью, людьми, экипажами. Со всѣхъ сторонъ огонь и дымъ, шумъ и крикъ приводили меня въ ужасъ. Наконецъ мы достигли до днѣпровскаго берега и на Оболони остановились. Тутъ необъятное множество вещей въ величайшемъ безпорядкѣ было разбросано на пескѣ; люди суетились, нѣкоторые были даже полуодѣты; общая горесть царствовала въ этомъ станѣ разоренія; иные горько плакали, смотря на гибель города и буйство пламени, котораго видъ во время ночи казался еще ужаснѣе“.

Пожаръ продолжался около трехъ дней. Окрестныя мѣста Кіева съ восточной стороны на весьма далекія разстоянія (наприм., Козелецъ, даже Нѣжинъ) были покрыты густымъ дымомъ. Отъ цвѣтущаго Кіево-Подола осталась лишь небольшая сѣверная часть за *Канавою*—Царекостантиновская, Введенская и Волошская улицы; все остальное представляло однѣ смрадныя, дымящіяся развалины. Улицъ нельзя было распознать, а тлѣющія бревна и вещи въ ямахъ и погребахъ, засыпанныхъ землею

стѣнъ каменныхъ что не догорѣло, то осталось въ безобразіи, поражающемъ сердца. Повсюду виды ужаса; но зрѣлище во Флоровскомъ монастырѣ, послѣ сгорѣвшихъ до основанія келій представившее тридцать слишкомъ тѣлъ монахинь и послушницъ, задохшихся и обгорѣвшихъ, превосходило ужасы другіе“ („Кіево-Софійскій протоіерей І. В. Леванда“, т. I, стр. 50).

и золою, дѣлали опасною всякую попытку ходить по пожарищу. Изъ всѣхъ церквей и публичныхъ зданій не было почти ни одного, которое не пострадало бы отъ этого страшнаго пожара. Церкви—Спасская, стоявшая на нынѣшней Спасской улицѣ, Вознесенская, близъ Флоровскаго монастыря, и Святодуховская, на берегу Днѣпра, были совершенно истреблены огнемъ, отъ нихъ не осталось никакихъ слѣдовъ. Монастыри—Греческій или Петропавловскій, Флоровскій и Братскій съ академіею, 11 каменныхъ и 5 деревянныхъ церквей съ колокольнями, Лаврское подворье и другія церковныя зданія были жертвою пламени. Разсказывали, что обширный дворъ Братскаго монастыря, соборная церковь и даже колокольня, загроможденные пожитками воспитанниковъ и сосѣднихъ обывателей, представляли собою наибольшую пищу для губительнаго пламени. Тогда погибло много книгъ изъ академической библіотеки[1]).

Еще развалины Подола продолжали дымиться, какъ 11-го, 12-го, 14 и 17-го іюля въ разныхъ частяхъ города снова вспыхнуло нѣсколько пожаровъ. Паническій ужасъ объялъ несчастныхъ жителей. Казалось, будто Кіевъ снова переживалъ тѣ давнопрошедшія времена, о которыхъ повѣствуется въ древнихъ лѣтописяхъ, когда „по вся дни загорашеся невѣдаемо, и не смѣяху людіе жити въ домѣхъ, но на поли живяху". Такъ и было на самомъ дѣлѣ. Въ дневникѣ тогдашняго митрополита Серапіона читаемъ: „14 іюля, въ 11 ч. вечера, паки былъ пожаръ на Печерскѣ, сгорѣлъ домъ войта Рыбальскаго, и сей пожаръ навелъ такой страхъ, что всѣ выбирали все имѣніе свое изъ домовъ и вывозили въ поле. И мы (прибавляетъ ми-

---

[1]) Закревскій, „Описаніе Кіева", т. I, стр. 116—118. Кстати, для большей полноты свѣдѣній о кіевскомъ пожарѣ 1811 г. приведемъ еще одно современное извѣстіе, сохранившееся въ записной книжкѣ кіевскаго гражданина Мис:авскаго: „1811 г., 9 іюля, случился въ Кіевѣ столь ужасный пожаръ по полудни, въ первомъ часу, и въ 9 или 10 часовъ превращено въ попелъ болѣе 2000 домовъ каменныхъ (sic!) и магистратъ, церквей каменныхъ 8, деревянныхъ 4, монастырей три: Братскій, Петропавловскій и Флоровскій, съ множествомъ имущества какъ церковнаго, такъ и обывательскаго. Въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ (іюля и августа?) въ Кіевѣ было всѣхъ вообще зажигательствъ около 20-ти" („Кіевск. Стар." 1884 г., апр., стр. 690). Но были „зажигательства" и раньше іюля: въ дневникѣ тогдашняго

трополитъ) всю ризницу выносили въ выходъ, что подъ полатнымъ амбаромъ, и ночь почти всю не спали, и мои коробы, и вина, и водки въ подвалъ же вынесли". Къ довершенію ужаса, какіе-то негодяи вздумали пугать и безъ того напуганныхъ горожанъ, разбрасывая подметныя письма и расклеивая по улицамъ угрожающіе аннонсы: подъ 4 авг. митроп. Серапіонъ отмѣтилъ въ своемъ дневникѣ, что „сказывалъ-де ему протопопъ Криницкій о *письмѣ*, стихами писанномъ и прибитомъ акибы къ дому часовщика Коробки, что̀ на Подолѣ, о сгорѣніи и остальныхъ подольскихъ домовъ" [1]). Это обстоятельство, въ связи съ ходившими въ народѣ преувеличенными разсказами о случившихся въ то лѣто довольно многочисленныхъ пожарахъ въ бо̀льшей части городовъ юго-западнаго края, породило въ Кіевѣ всеобщее убѣжденіе въ существованіи шайки, или даже нѣсколькихъ шаекъ поджигателей. Подольскіе погорѣльцы долго не хотѣли возвращаться на свои пепелища, боясь потерять послѣднее, спасенное отъ огня имущество, и продолжали жить въ шалашахъ на Оболони; между ними жилъ и знаменитый въ то время кіевскій проповѣдникъ І. Леванда, потерпѣвшій равную участь съ своими согражданами. Приняты были всѣ мѣры предосторожности: и днемъ и ночью ходили по городу военные патрули; воспрещено было позже извѣстнаго часа ночи имѣть въ домахъ огонь; брали въ полицію всякаго, проходившаго ночью по городу; ежедневно задерживали по нѣскольку человѣкъ мнимыхъ поджигателей. Бывшій въ то время кіевскимъ военнымъ губернаторомъ, извѣстный впослѣдствіи герой отечественной войны, Михаилъ Андреевичъ Милорадовичъ, донося Государю о катастрофѣ 9-го іюля и о неоднократномъ возобновленіи

кіевскаго митрополита Серапіона отмѣчены два пожарныхъ случая на Подолѣ въ маѣ 1811 г.: въ ночь на 10-е число въ притиско-никольскомъ приходѣ сгорѣлъ одинъ домъ „отъ пьяныхъ хозяевъ и въ немъ умершая дѣвица сгорѣла", а 28 мая погорѣло до 15-ти дворовъ близъ Введенской церкви. Вообще то былъ какой-то необычайно несчастливый годъ, когда губительные пожары свирѣпствовали по всему югу Россіи съ весны и до глубокой осени.

[1]) Отрывки изъ дневника митр. Серапіона напечатаны въ іюльской кн. „Кіевск. Старины", 1884 г. Къ сожалѣнію, въ подлинной рукописи утраченъ листокъ съ записями отъ 9 по 14 іюля.

пожаровъ въ слѣдующія за тѣмъ числа, счелъ нужнымъ представить на Высочайшее усмотрѣніе „объ открывшихся при томъ подозрѣніяхъ на злоумышленниковъ и о разныхъ слухахъ, приводящихъ жителей въ большое безпокойство“.

Въ Петербургѣ съ большою тревогою отнеслись къ извѣстіямъ изъ Кіева. Тотчасъ послѣдовало на имя Милорадовича Высочайшее повелѣніе приложить всѣ старанія и попеченія къ успокоенію жителей, къ водворенію безопасности и къ доставленію потерпѣвшимъ несчастье возможнаго пособія, для чего въ распоряженіе губернатора ассигнована была значительная сумма. Вмѣстѣ съ этимъ императоръ Александръ приказалъ командировать въ Кіевъ опытнаго чиновника для производства на мѣстѣ слѣдствія о причинахъ пожаровъ, вмѣнивъ ему въ обязанность „стараться паче всего обнаружить злоумышленниковъ въ поджогѣ и поводы къ таковому злодѣйству“. Съ тою же цѣлью еще раньше учреждена была на мѣстѣ особая слѣдственная коммиссія изъ чиновниковъ кіевскаго губернскаго правленія, подъ предсѣдательствомъ полиціймейстера. Жители Кіева были приглашены заявлять членамъ этой коммиссіи обо всѣхъ извѣстныхъ имъ фактахъ и даже слухахъ, относящихся къ предполагаемымъ злоумышленникамъ.

Сверхъ ожиданія, мѣра эта привела къ результатамъ, совершенно противоположнымъ видамъ правительства: вмѣсто ожидаемаго „прекращенія слуховъ, наносящихъ жителямъ безпокойство“, дѣятельность коммиссіи скорѣе способствовала ихъ зарожденію и распространенію. Если прежде этимъ слухамъ довѣряли лишь легковѣрные, то теперь, когда сама администрація, видимо, признавала фактъ существованія злодѣевъ-поджигателей, тревога жителей продолжала расти, а не уменьшаться. Небылицы, одна другой безсмысленнѣе, росли какъ грибы послѣ дождя, и не было такой нелѣпости, которая не находила бы себѣ вѣры среди встревоженнаго населенія. Тамъ видѣли поляковъ, якобы покушавшихся на поджогъ; въ другомъ мѣстѣ будто-бы поймали французовъ, въ третьемъ—раскольниковъ, евреевъ, нѣмцевъ, цыганъ и т. под. Даже до митрополита доходили слухи, „акибы отсель (изъ Кіева) отправлено въ

С.-Петербургъ 8 человѣкъ, подозрительныхъ въ зажигательствѣ Кіева, а 6 содержатся здѣсь"—слухи, замѣтимъ, совсѣмъ невѣрные. Сегодня схватывали и приводили въ слѣдственную коммиссію евреевъ, „кои несли по улицѣ вѣникъ", завтра—поляковъ-шляхтичей, „ходившихъ по переулкамъ, чаятельно, для зажигательства домовъ", послѣ-завтра какихъ-то брянскихъ мѣщанъ, „подавшихъ якобы способъ для укрытія нѣкоему еврею, оставившему на Яхонтовой улицѣ зажженную тряпицу", или же нѣмцевъ-мастеровыхъ, навлекшихъ на себя подозрѣніе лишь тѣмъ, что проходили мимо артиллерійскихъ складовъ. Помѣщики тащили въ коммиссію своихъ дворовыхъ, офицеры—деньщиковъ, цеховые мастера—своихъ подмастерьевъ, обвиняя ихъ въ покушеніи на поджоги. Общая суматоха достигла крайнихъ предѣловъ, и сама администрація увидѣла наконецъ необходимость принять мѣры къ обузданію не въ мѣру расходившейся народной фантазіи и начала подвергать взысканіямъ распространителей „ложныхъ разговоровъ", которыхъ сама еще наканунѣ выслушивала съ незаслуженнымъ вниманіемъ. Такъ, наприм., однажды явился къ полиціймейстеру еврей и донесъ, что въ винопродажномъ погребѣ купца Рябчикова, на Печерскѣ, въ присутствіи многихъ кіевскихъ мѣщанъ, подмастерій межигорской фаянсовой фабрики Давидъ Моленко разсказывалъ слѣдующее: вчерашнею ночью былъ-де онъ наряженъ въ с. Межигорьи въ обходъ и имѣлъ при себѣ два пистоля, ружье и саблю. Въ полночь онъ замѣтилъ вышедшихъ изъ лѣса двухъ человѣкъ, и когда они на его окликъ не отозвались, то онъ выстрѣлилъ изъ ружья и одного изъ нихъ ранилъ, а другого поймали товарищи Моленка, обходчики. Задержанные оказались людьми великороссійской породы, въ карманахъ у нихъ найдены изъ березовой коры трубки, набитыя селитрою и порохомъ. Въ виду такой предосудительной находки, обходчики привязали пойманныхъ къ колесу и начали пытать, что они за люди, и какія у нихъ намѣренія; тѣ откровенно сознались, что они—поджигатели и что въ слѣдъ за ними, надъ Днѣпромъ, идутъ ихъ товарищи, два еврея. Моленко пошелъ въ засаду и скоро привелъ тѣхъ евреевъ связанными; при нихъ

также оказались набитыя селитрою и порохомъ трубки изъ березовой коры. Подвергнутые пыткѣ, всѣ четыре злоумышленника якобы сознались, что они принадлежатъ къ шайкѣ поджигателей, состоящей изъ 5000 человѣкъ, что они разосланы фрнацузами и поляками по всей Россіи для зажигательства въ городахъ и мѣстечкахъ строеній, а въ поляхъ хлѣба, что при нихъ есть старшіе—три полковника, которые бродятъ повсюду, одѣтые въ женскія платья, и платятъ имъ жалованье по 25 р. въ день, и что одинъ изъ этихъ полковниковъ скрывается въ Кіевѣ, подговариваетъ людей къ поджогамъ и платитъ таковымъ охотникамъ по 25 р. въ день.—Моленка разыскали и привлекли къ допросу: съ какимъ умысломъ говорилъ онъ тѣ „ложные разговоры“? Онъ хотѣлъ было отпереться отъ своихъ словъ, но, уличенный свидѣтелями, повинился, что былъ въ то время „довольно пьянъ“ и полагалъ, что слушатели „почтутъ имъ сказанное шуточнымъ, какъ имъ вымышленное и никогда небывалое“. Коммиссія не приняла во вниманіе этой отговорки и постановила: отослать Моленка въ кіевскій земскій повѣтовый судъ для законнаго возмездія „за таковые произносимые имъ ложные слухи“.

12 августа прибылъ въ Кіевъ штата петербургской полиціи слѣдственный приставъ Аничковъ, по Высочайшему повелѣнію присланный для производства слѣдствія о бывшихъ здѣсь пожарахъ. Какъ на то, вслѣдъ за его пріѣздомъ въ Кіевѣ случилось нѣсколько пожаровъ: 14 августа сгорѣлъ домъ Леонтьевой, 16-го домъ поручика Корта и 18-го домъ приказа общественнаго призрѣнія, въ которомъ содержалъ аптеку коллежскій асессоръ Бунге. Снова возобновились толки о поджогахъ, но Аничковъ не придалъ имъ никакого значенія и въ короткое время открылъ, что означенные пожары произошли отъ самыхъ обыкновенныхъ причинъ: въ двухъ случаяхъ такими причинами было неосторожное обращеніе съ огнемъ, а дворъ Корта хотя и сгорѣлъ отъ поджога, но виновникомъ его оказался не кто иной, какъ 12-лѣтній дворовый мальчикъ, который, взявъ съ бывшаго наканунѣ пожара головню съ огнемъ, слѣзъ съ нею на конюшню и бросилъ въ сѣно, любопытствуя знать,

что отъ сего произойдетъ. Столь же просто открыта была Аничковымъ причина большого пожара (9-го іюля), истребившаго Подолъ. Отбросивъ всякія предвзятыя мысли о злодѣяхъ-поджигателяхъ, онъ сдѣлалъ лишь то, съ чего слѣдовало бы начать членамъ кіевской слѣдственной коммиссіи: подвергъ умѣлому и обстоятельному допросу семейство и жильцовъ мѣщанина Авдіевскаго—того самаго, съ двора котораго начался пожаръ, принявшій столь громадные размѣры. При этомъ допросѣ 15-лѣтній сынъ Авдіевскаго, Василій, откровенно повинился въ томъ, что въ то время, когда отецъ и мать его предавались послѣобѣденному сну, онъ начинилъ порохомъ гусиное перо и, выйдя на дворъ, вздумалъ устроить фейерверкъ; когда же ему обожгло руки, онъ бросилъ снарядъ въ лежавшую на дворѣ солому и видя, что она загорѣлась, испугался, убѣжалъ со двора и два дня пропадалъ въ толпѣ погорѣльцевъ, не имѣя возможности отыскать родителей. Столь же обыкновенными оказались, при дальнѣйшемъ слѣдствіи, причины и другихъ пожаровъ, происходившихъ съ 11 по 17 іюля.

Такимъ образомъ миѳъ о шайкѣ поджигателей, казалось, окончательно былъ разсѣянъ. Населеніе успокоилось и понемногу принялось отстраивать свои пепелища. Военный губернаторъ М. А. Милорадовичъ, донося Государю о результатахъ оконченнаго слѣдствія, аттестовалъ съ самой лучшей стороны усердіе и расторопность Аничкова и ходатайствовалъ о его награжденія. Въ отвѣтъ на это представленіе послѣдовалъ 6 сентября Высочайшій приказъ: объявить Аничкову Монаршее благоволеніе, но вмѣстѣ съ тѣмъ подтвердить, что бы онъ „приложилъ все стараніе отыскать злоумышленниковъ въ поджогахъ“.

Очевидно, въ Петербургѣ все еще не хотѣли отказаться отъ предвзятой мысли о существованіи злоумышленниковъ-поджигателей и не теряли надежды изловить ихъ. Сколько, однако, Аничковъ ни прилагалъ старанія оправдать возлагаемыя на него надежды, ему не удалось открыть ни малѣйшихъ слѣдовъ страшнаго призрака, столь многихъ тревожившаго и въ хижинахъ и въ чертогахъ, и мѣсяцъ спустя онъ былъ отозванъ къ мѣсту постоянной своей службы.

Слѣды страшнаго призрака скоро открыты были въ другомъ углу юго-западнаго края, и это открытіе послужило сигналомъ къ новымъ тревогамъ, далеко превосходившимъ первыя какъ по степени напряженности, такъ и по мѣсту распространенія. Въ концѣ сентября въ балтскомъ повѣтѣ, подольской губерніи, задержанъ былъ, по неимѣнію письменнаго вида, человѣкъ, назвавшій себя шляхтичемъ Павломъ Тршалковскимъ, уроженцемъ волынской губерніи, острожскаго уѣзда, с. Колесникъ. При допросѣ онъ показалъ, что восемь мѣсяцевъ тому назадъ, находясь въ г. Дубнѣ, былъ онъ договоренъ польскимъ генераломъ Габріелемъ Пашковскимъ въ услуженіе на четыре года. Одновременно съ нимъ наняты были Пашковскимъ еще двѣнадцать человѣкъ: шляхтичъ кременецкаго повѣта Синькевичъ, шесть человѣкъ караимовъ изъ находящихся за Дубномъ корчемъ, называемыхъ Гурбы, да изъ самаго Дубна пять человѣкъ мѣщанъ. При наймѣ Пашковскій увѣрялъ, что имѣетъ повелѣніе набрать четырехъ-тысячный полкъ, и въ то время было уже имъ собрано 12 человѣкъ нѣмцевъ, 15 татаръ, да разнаго званія 8 человѣкъ. По составленіи именного списка охотниковъ, съ описаніемъ личныхъ примѣтъ, приведены они были въ дубенскомъ костелѣ къ присягѣ на вѣрность службы, при чемъ должны были дать клятву въ томъ, что будутъ безпрекословно исполнять всѣ приказанія своего непосредственнаго начальника, генерала Пашковскаго. Послѣ того они выступили изъ Дубна, прошли черезъ Кіевъ и были за г. Глуховомъ. Возвратясь назадъ, Пашковскій собралъ въ одно мѣсто весь свой отрядъ и, показывая какой-то листъ, объявилъ, что имѣетъ повелѣніе зажигать города. По словамъ Тршалковскаго, это приказаніе нѣсколько смутило его самого и многихъ изъ его товарищей; но, будучи связаны учиненною ими присягою, они должны были повиноваться. Послѣ этого Пашковскій раздѣлилъ свой отрядъ на три партіи: первая осталась подъ его собственною командою, вторая состояла исключительно изъ однихъ татаръ, а третья, въ которой находился самъ Тршалковскій, состояла подъ начальствомъ нѣмца, по имени Антона. Разсѣявшись по всему юго-западному краю, они, съ открытіемъ весны,

занялись поджогами и первоначально зажгли г. Острогъ, потомъ м. Тульчинъ, Староконстантиновъ, Базалію и Кіевъ—въ послѣднемъ поджогомъ распоряжался самъ генералъ Пашковскій; послѣ того сожгли Немировъ, Умань, Ольгополь, Радзивиловъ, въ Кременцѣ сожгли еврейскую школу вмѣстѣ съ молившимися тамъ евреями, предварительно заперши двери; еще подожгли м. Катербургъ, Бердичевъ, Бершадъ и другіе города и мѣстечки, названій коихъ Тршалковскій не могъ и припомнить. Наконецъ въ послѣднее время всѣ зажигатели сошлись въ м. Тульчинѣ, гдѣ Пашковскій снова раздѣлилъ ихъ на партіи и далъ приказаніе слѣдовать въ разныя мѣста, а къ 1-му октября собраться всѣмъ партіямъ въ Бѣлой-Церкви. Поджоги совершались по большей части днемъ, при помощи зажженнаго трута съ порохомъ и сѣрою. Награбленное при пожарахъ имущество отправлялось въ м. Владаву и хранилось въ наемномъ амбарѣ у какого-то купца. Одѣваются поджигатели разно, смотря по времени года, иногда носятъ черное ксендзовское платье; но такъ какъ они не всѣ знаютъ въ лице другъ друга, и при томъ отрядъ постоянно пополняется новыми лицами, то, въ видахъ удобнѣйшаго между собою сношенія, всѣ члены отряда имѣютъ на платьи особые знаки, придуманные самимъ Пашковскимъ, именно: кто носитъ круглыя шляпы, тѣ имѣютъ на нихъ по краямъ четыре какъ-бы кисточки изъ темнозеленаго сукна, а у кого обыкновенныя шапки, тѣ пришиваютъ такія же кисточки на верхнемъ платьи подъ мышками, по одной съ каждой стороны Самъ генералъ Пашковскій носитъ разное одѣяніе. Онъ роста средняго, лицемъ мало рябоватъ, смуглъ, черноволосъ, стрижется по-модному, безъ бакенбардъ; говоритъ на разныхъ языкахъ, ѣздитъ русскою повозкою, некрытою и некованною, на парѣ буланыхъ лошадей, изъ коихъ одна на переднія ноги бѣлокопытная, а другая англизированная. Десятникъ нѣмецъ Антонъ также ѣздитъ русскою повозкою, на парѣ лошадей; одна изъ нихъ карая, съ малою на лбу лысиною, а другая пѣгая, съ бѣлою гривою, заднія ноги и копыта бѣлыя, переднія черныя. Изъ партіи зажигателей, по словамъ Тршалковскаго, пойманы уже: изъ десятка Пашков-

скаго—два нѣмца и два татарина—схвачены въ Кіевѣ, изъ татарскаго десятка два въ Ольгополѣ, а изъ третьяго десятка задержанъ пока одинъ—самъ показатель.

Когда въ Петербургѣ узнали о поимкѣ Тршалковскаго, тамъ и безъ того были въ немалой тревогѣ по поводу полученнаго военнымъ министромъ донесенія о покушеніи неизвѣстнаго злоумышленника поджечь провіантскій магазинъ въ м. Вишневцѣ, волынской губерніи. Разославъ всѣмъ военнымъ властямъ въ юго-западномъ краѣ строжайшія предписанія принять крайнія предосторожности къ охранѣ казеннаго имущества въ виду повсемѣстныхъ пожаровъ, военный министръ поставилъ на видъ министру полиціи А. Балашеву, что происшествіе въ Вишневцѣ составляетъ не первый случай покушенія на поджогъ военныхъ запасныхъ складовъ въ югозападныхъ губерніяхъ, и что, благодаря бездѣйствію чиновъ мѣстной полиціи, злоумышленники всякій разъ остаются неразысканными. Балашевъ былъ такъ встревоженъ, что, не справившись съ географіей, послалъ не въ Житомиръ, а въ Кіевъ строгій запросъ: почему онъ не получилъ еще „о помянутомъ чрезвычайномъ происшествіи по установленію донесенія отъ мѣстной полиціи?“ и просилъ Милорадовича „взять о томъ съ кого слѣдуетъ объясненіе и его о томъ увѣдомить для положенія надлежащаго взысканія“. Понятно, какую тревогу должно было произвести донесеніе подольскаго губернатора Н. Тучкова о поимкѣ Тршалковскаго и полученныхъ отъ него показаніяхъ. Организованная шайка поджигателей, о которой до сихъ поръ имѣлись лишь гадательныя предположенія, оказывалась существующимъ фактомъ; ее безуспѣшно искали въ Кіевѣ, а она безнаказанно бродитъ по цѣлому краю, ознаменовывая свой слѣдъ заревомъ пылающихъ городовъ и мѣстечекъ. Это не шайка обыкновенныхъ грабителей, руководимыхъ лишь жаждой наживы: во главѣ ея находится польскій генералъ, дѣйствующій по какимъ то таинственнымъ „повелѣніямъ“ и располагающій значительными средствами для найма многочисленныхъ охотниковъ, которыхъ онъ вербуетъ среди польскихъ шляхтичей и мѣщанъ или же среди инородцевъ—евреевъ, татаръ, нѣмцевъ,

но не среди русскаго населенія; польскіе ксендзы приводятъ этихъ злодѣевъ къ присягѣ и призываютъ Божье благословеніе на ихъ злодѣйскіе подвиги. Ясно, что это—одно изъ проявленій злостной политической интриги, внушенное изъ Варшавскаго герцогства или же, быть можетъ, изъ самой Франціи,—своего рода прелюдія къ наступательнымъ враждебнымъ дѣйствіямъ противъ Россіи, къ которымъ поляки явно готовились тогда въ союзѣ съ французами. Не даромъ вѣдь злодѣи покушаются на поджоги военныхъ провіантскихъ магазиновъ, чего не дѣлаютъ обыкновенные грабители. Для борьбы съ послѣдними были бы достаточны обыкновенныя средства полицейской охраны; но въ чрезвычайныхъ обстоятельствахъ требуются и чрезвычайныя мѣры.—И вотъ въ началѣ октября состоялось Высочайшее повелѣніе о командированіи въ югозападный край генералъ-лейтенанта Ѳ. Ѳ. Эртеля и объ учрежденіи подъ его начальствомъ особой „коммиссіи для изслѣдованія о пожарахъ въ губерніяхъ, отъ Польши пріобрѣтенныхъ“ [1]). Въ секретной инструкціи, подписанной самимъ Государемъ, прямо было сказано, что на Эртеля возлагается важное порученіе—„изыскать причину бывшихъ пожаровъ и открыть самихъ зажигателей“. Въ качествѣ лица, облеченнаго личнымъ довѣріемъ Государя, генералъ Эртель снабженъ былъ чрезвычайными полномочіями. Мѣстнымъ губернаторамъ вмѣнялось въ обязанность оказывать ему всевозможное содѣйствіе и дать предписанія городскимъ и земскимъ полиціямъ, дабы его требованія были исполняемы въ самой точности и безъ всякаго промедленія.

Генералъ Эртель, какъ можно заключить по его дѣйствіямъ, былъ человѣкъ весьма смѣлый и рѣшительный, но въ слѣдственныхъ дѣлахъ совершенно неопытный. Возложенное на него порученіе представлялось ему дѣломъ весьма легкимъ, и онъ приступилъ къ нему съ полнымъ убѣжденіемъ въ быстромъ и совершенно успѣшномъ его окончаніи. Планъ его дѣйствій

---

[1]) Вопреки этому наименованію, районъ дѣятельности коммиссіи ограничивался исключительно предѣлами трехъ губерній: кіевской, подольской и волынской и вовсе не касался губерній бѣлорусскихъ и литовскихъ. Главная квартира Эртеля находилась въ Могилевѣ на Днѣстрѣ.

былъ очень простъ: принявъ за исходный пунктъ показанія Тршалковскаго, коимъ онъ довѣрялъ безусловно, Эртель полагалъ, что, направивъ поиски согласно указаніямъ этого необыкновенно словоохотливаго и откровеннаго преступника, не трудно будетъ въ самое короткое время переловить всю шайку злоумышленниковъ вмѣстѣ съ ея предводителемъ Пашковскимъ. Въ этихъ видахъ составлены были, со словъ Тршалковскаго, полные именные списки поджигателей, съ подробнымъ обозначеніемъ ихъ примѣтъ, и разосланы по всѣмъ городскимъ и земскимъ полиціямъ въ краѣ съ строгимъ предписаніемъ изловить ихъ въ самоскорѣйшемъ времени и представить въ Могилевъ за крѣпкимъ карауломъ и со всею осторожностью. Когда одни розыски оказывались безуспѣшными, Эртель, ни мало этимъ не смущаясь, снова обращался, точно къ оракулу, къ тому же Тршалковскому; послѣдній нѣсколько варьировалъ прежнія показанія, припоминалъ новыя подробности, называлъ новыя имена, давалъ болѣе обстоятельныя описанія мѣстностей, костюмовъ, личныхъ примѣтъ и т. под. Снова разсылались повсюду новыя инструкціи, а вслѣдъ за ними дополнительныя и разъяснительныя предписанія, полиція цѣлаго края выбивалась изъ силъ, привлекалась къ отвѣтственности огромная масса ни въ чемъ неповинныхъ людей, суматоха достигала крайнихъ предѣловъ,—а дѣло нисколько не подвигалось впередъ, и злодѣи-зажигатели все-таки оставались неразысканными. Конечно, при такой обширной ловлѣ, въ сѣтяхъ правосудія нерѣдко запутывались мелкія рыбы — воры, конокрады, ихъ укрыватели, передержатели и сбытчики воровскихъ вещей, по большей части евреи и цыгане. Такихъ немедленно за крѣпкимъ карауломъ отсылали къ Эртелю, а тотъ сейчасъ же возводилъ ихъ въ званіе „главныхъ участниковъ въ поджогахъ", по ихъ показаніямъ направлялъ свои поиски и еще болѣе отвлекался въ сторону отъ главной цѣли своихъ разысканій.

Въ нашу задачу не входитъ подробное обозрѣніе дѣятельности Эртелевской коммиссіи; мы будемъ упоминать объ ней лишь настолько, насколько дѣйствія ея касались собственно кіевской губерніи, какъ то позволяютъ имѣющіеся у насъ под-

руками матеріалы; но и въ тѣхъ немногихъ фактахъ, о коихъ намъ придется говорить, читатель, надѣемся, найдетъ подтвержденіе сдѣланной выше характеристики этой своеобразной коммиссіи, причинившей правительству и населенію столько заботъ и тревогъ и въ концѣ концовъ потерпѣвшей полное фіаско.

Лишь только Эртель приступилъ къ исполненію возложеннаго на него порученія, онъ прежде всего обратился къ мѣстнымъ губернаторамъ съ требованіемъ принять самыя крайнія мѣры къ поимкѣ поджигателей, а отъ кіевскаго военнаго губернатора сверхъ того требовалось „безъ замедленія и съ довлѣемою секретною осторожностію“ прислать къ нему пойманныхъ-де въ Кіевѣ четырехъ поджигателей изъ партіи Пашковскаго, двухъ татаръ и двухъ нѣмцевъ. Милорадовичъ отвѣчалъ, что „изъ показываемыхъ арестантомъ Тршалковскимъ зажигателей, ни нѣмцевъ, ни татаръ въ Кіевѣ никогда поимано не было, и гдѣ они находятся—не извѣстно, а хотя были браты подъ караулъ, по случаю происходившихъ здѣсь пожаровъ, разные люди, но изъ нихъ по слѣдствіямъ никто въ умышленномъ зажигательствѣ виновнымъ не оказался“; что же касается мѣръ для наблюденія за могущими появиться гдѣ-либо въ губерніи преступниками, то таковыя давно уже приняты.

Дѣйствительно, еще со времени кіево-подольскаго пожара, въ особенности же послѣ происходившихъ въ іюлѣ въ нѣкоторыхъ городахъ и мѣстечкахъ пожаровъ, кіевская губернія поставлена была почти на военное положеніе. Въ то время составъ уѣздной полиціи былъ крайне малочисленъ: въ городахъ находились городничіе, а за благочиніемъ въ уѣздахъ наблюдали земскіе исправники вмѣстѣ съ подвѣдомственными имъ засѣдателями нижняго земскаго суда, исполнявшими въ то же время и судейскія обязанности. Теперь, въ виду чрезвычайныхъ обстоятельствъ, на помощь чинамъ обыкновенной полиціи были призваны органы сельской полиціи—сотскіе и атаманы. Каждый уѣздъ былъ раздѣленъ на 8 или болѣе участковъ, и въ каждомъ участкѣ поставленъ „сельскій начальникъ“, или главный сотскій, выбираемый изъ людей грамотныхъ, расторопныхъ и исправныхъ

и приводимый при назначеніи на эту должность къ присягѣ; подъ его командой должны были состоять обыкновенные сотскіе по мѣстечкамъ и селамъ и атаманы по деревнямъ. Первоначально сельской полиціи поручены были функціи, такъ сказать, исключительно противупожарнаго характера: сельскимъ начальникамъ вмѣнялось въ обязанность „настоять, а въ случаѣ невыполненія и экзекуціею понудить“, чтобы во всякомъ мѣстечкѣ имѣлась при каждомъ домѣ бочка на телѣжкѣ, наполненная водой, помело и желѣзный крюкъ, а въ каждомъ селѣ, при домѣ сотскаго, всегда находились наготовѣ двѣнадцать бочекъ съ водой и столько же помелъ и крючьевъ; чтобы вездѣ заведены были ночные караулы: въ мѣстечкахъ изъ десяти, въ селеніяхъ изъ восьми и въ деревняхъ изъ шести человѣкъ, которые „ходили бы по улицамъ каждой порознь, покликаясь одинъ къ другому, не спали чрезъ цѣлую ночь и имѣли бы строгое смотрѣніе за тѣмъ, дабы никто праздно не шатался, послѣ обыкновеннаго времени въ сумерки не имѣлъ отнюдь въ домѣ огня, а особливо зъ свѣтломъ съ избы не ходилъ“; наконецъ сотскіе обязаны были еще настоять, чтобы „во всякомъ домѣ были сдѣланы трубы, или, по здѣшнему названію, комена, къ верху избы“ [1]) и чтобы „никто соломы на потолкахъ не имѣлъ“. Но по мѣрѣ того, какъ росли толки о поджигателяхъ, въ особенности же со времени поимки Тршалковскаго, на сельскихъ сотскихъ возложено было столько новыхъ, непривычныхъ для нихъ обязанностей спеціально-полицейскаго характера, что эти простецы не могли, конечно, справиться съ ними. Сообщая городничимъ и исправникамъ списки лицъ, оговоренныхъ Тршалковскимъ, съ подробнымъ описаніемъ примѣтъ генерала Пашковскаго и членовъ его шайки, кіевскій военный губернаторъ, въ циркулярѣ отъ 12 октября, предписывалъ принять всѣ мѣры для поимки означенныхъ преступниковъ, и при этомъ прибавлялъ: „При семъ случаѣ подтверждаю вамъ обратить все ваше вниманіе на проѣзжающихъ и проходящихъ людей и всѣхъ

[1]) Очевидно, рѣчь идетъ о курныхъ избахъ, въ которыхъ предписывалось устроить дымопроводныя трубы.

безписьменныхъ или же съ сомнительными паспортами безъ отлагательства доставлять ко мнѣ. Буде откроется при поимкѣ въ какомъ либо другомъ мѣстѣ подозрительной человѣкъ, который находился или проходилъ во ввѣренномъ вамъ уѣздѣ (или городѣ), то за сіе отвѣтственность падетъ на васъ, и вы подвергнете себя должному и строгому взысканію; при поимкѣ же злоумышленника или праздношатающагося не премину я, отдавая должную справедливость усердному, исходатайствовать достойное награжденіе". Подобныя строгія предписанія слѣдовали быстро одно за другимъ: сейчасъ требуютъ поймать Пашковскаго и его соучастниковъ, черезъ нѣсколько дней генералъ Эртель сообщаетъ имена новыхъ поджигателей или же тѣхъ самыхъ, но подъ другими прозвищами и по инымъ примѣтамъ, и съ свойственною ему рѣшительностью строжайше предписываетъ „съ полученія сего тотчасъ приступить и непремѣнно въ теченіе трехъ дней исполнить" его требованіе; а вслѣдъ затѣмъ отъ министра полиціи получается новое предписаніе: изловить посланныхъ въ Россію изъ Варшавы отъ генерала Босницкаго его адъютанта Птащинскаго и майора Дяконскаго или же поляка Валевскаго, „который подозрѣвается по частымъ его разъѣздамъ изъ Парижа въ Россію". Полицейскіе чиновники совсѣмъ сбивались съ ногъ и въ свою очередь сбивали съ толку агентовъ сельской полиціи, предъявляя къ нимъ совершенно непосильныя требованія. Земскіе исправники, напримѣръ, разсылали сотскимъ такого рода циркуляры: „Къ лучшему сохраненію должнаго порядка, строжайше вамъ предписывается: съ полученія сего, заразъ въ каждомъ мѣстечкѣ и селеніи, не минуя ни одного, учредить на всѣхъ въѣздахъ караулы такимъ образомъ, чтобы на каждомъ въѣздѣ стоялъ днемъ одинъ сторожъ, а ночью по два непремѣнно, и ежелибы кто сторонній ѣхалъ или ишелъ, хотя бы назвался и съ близкихъ мѣстъ, но не имѣлъ письменнаго вида и не былъ никому свѣдущъ (т. е. свѣдомъ), такова взять подъ присмотръ, и естли тотъ человѣкъ будетъ простого званія, то прислать его за карауломъ въ нижній земскій судъ, а ежели будетъ проѣзжать какой человѣкъ состоянія знатнаго и никакого письменнаго вида не будетъ

имѣть и не будетъ никому свидущъ, чили знакомъ, такова пристойно упросить, дабы онъ обождалъ до резолюціи, и заразъ давать о семъ же знать нижнему суду или земскому исправнику; задержанныхъ же простого состоянія людей сумнительныхъ заразъ обревыдовать, и что только при комъ найдено будетъ, запечатанное доставлять вмѣстѣ съ задержаннымъ. Словомъ сказать, сей караулъ долженъ, не пропуская никого сторонняго, ѣдущаго и идущаго, всякаго спросить, и за спросомъ естли будетъ сумнѣніе въ неимѣніи письменнаго вида или въ чемъ другомъ, поступить какъ выше объяснено, то есть незнатнаго представить, а о знатномъ, упросивъ обождать, доносить“. Черезъ недѣлю новый циркуляръ: „По случаю что частые случаются пожары, а отъ чего—никогда дойтить не возможно, предписывается вамъ строжайше въ сію минуту оповѣстить, за подписками, всѣ экономіи части вашей, дабы они самовѣрнѣйшій сдѣлали по мѣстечкамъ, селеніямъ и хуторамъ обыскъ черезъ своихъ асауловъ и экономическихъ слугъ, а также черезъ сотскихъ и десятскихъ, и ежели гдѣ у хозяина на жнивахъ, а у жида на услугахъ какой стороннiй человѣкъ или такъ праздно, хотя бы отколь за пашпортомъ проживающій оказался, таковыхъ доставляли бы за крѣпкимъ присмотромъ прямо въ нижній земскій судъ, хотя бы онъ былъ и въ видѣ нищаго, но не тамошняго мѣста, гдѣ сыщется, и таковаго присылать въ судъ, не исключая и самихъ калѣкъ темныхъ съ поводатырями, ибо и таковые должны находиться въ томъ селѣ или мѣстечкѣ, отколь они есть; причемъ объявить господамъ помѣщикамъ, а экономамъ и управителямъ ихъ внушить крѣпко, что ежели сіе выполняемо не будетъ и хотя малѣйшее усмотрится въ томъ для всѣхъ благополучіи нерадѣніе, такой каждый економъ, по взятіи подъ стражу, преданъ будетъ неминуемо строжайшему сужденію“. Спустя нѣсколько дней снова предписывалось: „подтвердить всѣмъ обывателямъ, чтобы они, подъ опасеніемъ строжайшаго наказанія, никого изъ проѣзжающихъ и проходящихъ пѣшихъ для ночлега въ домы свои безъ вѣдома сельской полиціи не пускали, извѣщая при томъ и о проходящихъ не чрезъ селеніе, а мимо онаго“. Еще черезъ два-три дня новый цирку-

ляръ сельскимъ начальникамъ и сотскимъ: „предписывается вамъ строжайше завести у себя записныя тетради, въ которыя записывать каждаго проѣзжающаго или проходящаго по прилагаемой у сего формѣ, а съ тѣхъ тетрадей черезъ каждые три дня присылать ко мнѣ о проѣхавшихъ и прошедшихъ всѣхъ безъ изъятія вѣдомость безъ малѣйшаго упущенія; а дабы о каждомъ заѣхавшемъ или зашедшемъ скоро вы были извѣстны, всѣмъ евреямъ, шляхтичамъ и прочимъ жителямъ строго подтвердить, чтобы они въ одну секунду о заѣхавшемъ или зашедшемъ вамъ доносили“. По формѣ требовалось вписывать въ тетрадь не только имя и званіе проѣзжаго или проходящаго, откуда и куда онъ слѣдуетъ, по какому паспорту, на сколькихъ лошадяхъ, въ какомъ экипажѣ, останавливался ли и у кого именно „попасать“, т. е. кормить лошадей, но прописывать также примѣты лица, его костюмъ, масть лошадей и „все, что только у проѣзжающаго и на проѣзжающемъ примѣтить можно“. Наконецъ всѣмъ сельскимъ сотскимъ разосланы были именные списки разыскиваемыхъ злоумышленниковъ съ подробнымъ описаніемъ ихъ примѣтъ—на тотъ конецъ, чтобы они, при повѣркѣ паспортовъ у проѣзжающихъ и проходящихъ, „наблюдали секретно, не имѣетъ ли кто изъ нихъ какого сходства съ примѣтами укрывающихся преступниковъ“. И всѣ эти грозныя предписанія, сыпавшіяся словно изъ рога изобилія на головы полуграмотныхъ блюстителей сельскаго благочинія, оканчивались угрозами, по большей части въ слѣдующей стереотипной формѣ: „а ежели сіе все черезъ недѣлю не будетъ устроено и по осмотрѣ черезъ отряженныхъ чиновниковъ не окажется выполнено, то сельскіе начальники удалены будутъ заразъ отъ службы и выдержатся въ тюрьмѣ черезъ двѣ недѣли, а сельскіе сотскіе строжайше наказаны будутъ, яко нерадивые къ сохраненію общей пользы и не повинующіеся начальничьей власти“.

О. Левицкій.

(Продолженіе будетъ).

ѲЕДОРЪ ЛИСОВСКІЙ.[1]

1709—1722.

(*Очеркъ изъ внутренней исторіи Малороссіи въ 1-й пол. XVIII ст.*)

(Окончаніе).

Главной, если не единственной, цѣлью сотнической дѣятельности Лисовскаго была нажива, а ея руководящими мотивами—„драпижство“ и „ненасытное лакомство“, о которыхъ такъ часто и съ такой нескрываемой горечью говорятъ документы. Трудно представить себѣ болѣе грустную и однообразно-мрачную картину всевозможныхъ правонарушеній, чѣмъ та, которую рисуютъ добытыя розыскомъ Хрипунова данныя [2]): здѣсь представлены, кажется, всѣ виды хищничества, всѣ нечистые способы опустошенія чужого кармана.

Какъ сотникъ, Лисовскій владѣлъ двумя ранговыми селами, Бугриновкой и Голубовкой, данными „на хоругвь“. Но этого ему, конечно, было мало; это было слишкомъ непрочное владѣніе, котораго онъ могъ всякую минуту лишиться вмѣстѣ съ сотницкой хоругвью. Необходимо было позаботиться о пріобрѣтеніи собственныхъ маетностей. На гетманскія пожалованія Лисовскій не особенно могъ разсчитывать, такъ какъ постоянно былъ не въ ладахъ съ гетманомъ и генеральной старшиной; впрочемъ, документы не разъ упоминаютъ о какомъ-то хуторѣ

---

[1]) См. „Кіевская Старина“ 1891 г., № 9.

[2]) Св. 43, № 58, также № 61.

Изруѣ [1]), къ которому Л—ій относился съ особеннымъ попеченіемъ: онъ тамъ строился (на общественныя деньги, конечно), перевозилъ туда награбленное имъ добро—жито, коровъ и даже амбаръ, принадлежавшій старому писарю Михею. Но Л—ій умѣлъ обходиться и безъ гетманскихъ пожалованій: онъ просто отбиралъ чужіе „грунта". Вотъ нѣсколько обращиковъ его пріобрѣтательской дѣятельности: рыковскій попъ убилъ человѣка во дворѣ бывшаго войта въ присутствіи рыковскихъ жителей Ярченка и Воротниченка и войтовой невѣстки. На судѣ попъ не признался; не стала показывать на него и войтова невѣстка, „бива боячися и застерегаючи своего дому", но Ярченко и Воротниченко показали правду, какъ было дѣло. Тогда Лисовскій, говоритъ челобитчикъ, „увѣдавъ, что у меня грунта есть доволны и не вынашовши иныя причины до отнятья, обвинилъ меня за тое, что свидѣтельствовалъ на попа, и з такой причины дворъ и весь грунтъ мой отнялъ у меня", а жену и дѣтей челобитчика обратилъ въ свое „подданство". Воротниченко жаловался гетману и получилъ отъ него „листъ" съ приказаніемъ сотнику возвратить захваченное имущество, но Л—ій тотъ листъ взялъ, а Воротниченка посадилъ въ тюрьму. Выпущенный потомъ изъ тюрьмы, Воротниченко снова обратился въ Глуховъ и получилъ отъ генеральнаго судьи такой-же листъ; но на пути изъ Глухова челядникъ Лисовскаго, устроившаго цѣлую засаду, вытащилъ въ шинкѣ у пьянаго Воротниченка этотъ листъ изъ-за пазухи и отдалъ своему пану. Самъ челобитчикъ едва ускользнулъ изъ рукъ Лисовскаго, который „искалъ его убить, и доселѣ по разныхъ селахъ и городахъ бѣгаючи отъ него крылся". Такимъ-же способомъ отобралъ Лисовскій у Якова и Ѳедора Бакуненокъ и Герасима Черченка ниву съ засѣвомъ (а также другое имущество), у старика Михея поле съ сѣножатью, которой тотъ владѣлъ „отъ самой лядчины"; „а то поле и сѣножать, разсказываетъ потерпѣвшій, были пана Песочинскаго, якіе намъ товариству войсковому блаженные памяти панъ Ва-

[1]) Вѣроятно, это тотъ же самый Изруй или Узруй въ „гетьманщинѣ", въ шептаковской сотнѣ, о которомъ говоритъ А. М. Лазаревскій (Опис. старой Малор. т. I, стр. 186).

сята, полковникъ на тотъ часъ будучи нѣжински стародубовски, подѣлилъ былъ за услуги наши къ Его Царскому Величеству пресвѣтлаго монарха Алексѣя Михайловича". Не болѣе церемонился Лисовскій и съ державцами, которые имѣли несчастье быть его сосѣдями. „Ускаржаюся на пана Ѳ. Лисовскаго, пишетъ одинъ изъ нихъ, Андрей Зиновіевичъ Фай, сотника новгородскаго, отъ котораго поношу великія трудности и разореніе въ купленныхъ кгрунтахъ моихъ, знайдуючихся въ селѣ Бугриновци, отъ давнихъ часъ покупленныхъ. Наипервѣй, якъ сталъ оній Лисовскій въ Бугриновци дворъ будовати, заразъ того-жъ часу двора моего занялъ подъ свой будинокъ, тамъ-же и огорода занялъ. Овину мою скидалъ, а стайню (конюшню) постановилъ на томъ мѣсцу; постовныкъ (выгонъ) увесь занялъ къ своему двору, поле пахатное поотнималъ и своимъ подданнымъ поотдавалъ; сѣножати отъ новаго млина до самого села Бугриновки мои власныя самоволне коситъ; усе тое кгвалтомъ чинитъ, а не куплею". Не брезгалъ Лисовскій и мелкими угодіями. „Нижеподписанные сироты" (рыковскіе жители) жалуются, что онъ имъ „обнищалымъ людямъ чинитъ многіе побои и разоренія" и въ довершеніе всего отнимаетъ послѣднія средства къ существованію, „ибо волные ступы до ловленія рибы на себѣ поотбиралъ и посудъ также пограбилъ". Л—ій отнялъ у богатаго мѣщанина Ситника дворъ на рынкѣ, смежный со своимъ дворомъ и выгналъ изъ него шинкаря Ситникова, угрожая ему: „ежели ты будешь боле жить в дворѣ Ситниковѣ, и я де тебя велю до смерти бить кіями"; тотъ, разумѣется, не ожидая исполненія угрозы „и видя его страхъ, покинулъ все, медъ и пиво, которое не успѣлъ продать, и дворъ его Ситниковъ оставилъ"; другой дворъ того-же владѣльца сотникъ разорилъ, повыбиралъ изъ свѣтлицы затворы отъ оконъ, столы, лавки, скамьи и двери, и даже воспользовался лѣсомъ для сосѣдней своей постройки. Торговля горѣлкой была очень развита въ то время въ Новгородъ-Сѣверскѣ; ею занимались очень многіе зажиточные мѣщане и козаки, вывозя горѣлку въ Кіевъ и др. мѣста. Не преминулъ воспользоваться выгодами этого промысла и Лисовскій, но велъ онъ свои дѣла очень оригинально. Куфы (бочки) горѣлки онъ забиралъ

даромъ у своихъ сотнянъ, вымогая ихъ всевозможными способами; если и случалось сотнику курить вино или варить пиво и медъ, то онъ дѣлалъ это на чужихъ броварахъ (безплатно, конечно). Не ограничиваясь своими шинками, которые онъ ставилъ даже на церковномъ мѣстѣ (какъ напр. въ Рыковѣ, гдѣ Л—ій устроилъ свой шинокъ „на церковномъ плецу, ведля самой церкви; и тамъ жида власно на поруганіе храму Божьяго поставилъ шинковать“), не ограничиваясь этимъ, Л—ій насильно навязывалъ свою горѣлку шинковать братскимъ дворамъ различныхъ цеховъ, причемъ десятину, обыкновенно уплачиваемую за это шинкарямъ, онъ заставлялъ платить изъ братской кружки. Наконецъ, если въ какомъ-нибудь изъ шинковъ сотникъ терпѣлъ убытокъ, то онъ всегда умѣлъ найти способъ возмѣстить его: такъ, когда одна изъ шинкарокъ Л—го прошинковала что-то, онъ взыскалъ съ городничаго Шенелича 50 злотыхъ [1]) на томъ основаніи, что Шеннеличъ, будто-бы, принялъ эту шинкарку въ отсутствіе сотника и поручился за нее. При такихъ условіяхъ торговля горѣлкой должна была быть, безъ сомнѣнія, чрезвычайно выгодной, но Лисовскому все было мало, и онъ употреблялъ тысячи другихъ способовъ, чтобы нажиться какъ можно скорѣе.

Кромѣ доходовъ съ ранговыхъ селъ и деревень, на содержаніе сотника шли разныя приношенія его подчиненныхъ и сотенныхъ обывателей; приношенія эти были какъ случайныя, такъ и регулярныя, пріуроченныя къ опредѣленнымъ срокамъ. Ни одинъ почти случай сношенія съ сотникомъ не обходился безъ „поклона“, который считался вполнѣ законнымъ и естественнымъ и строго различается въ документахъ отъ взятки и мздоимства: на пріѣздъ Лисовскаго на сотничество зажиточный мѣщанинъ Ситникъ „положилъ поклону червонныхъ два“; козакъ Матвѣй также явился къ нему съ поклономъ и „на новое господарство“ привезъ Л—му „вепра“; впослѣдствіи Матвѣй жаловался на разныя несправедливости и вымогательства

---

[1]) Въ рублѣ того времени было 5 злотыхъ, въ копѣ $2^1/_2$ зл., въ талерѣ 3 зл. (битый талеръ равнялся рублю).

Л-го, но въ концѣ своей жалобы прибавляетъ: „а что я давывалъ ему сотнику поклону, того я на немъ не взыскую и въ челобитной не писалъ“. Когда Л—ій ѣздилъ съ атаманомъ и войтомъ встрѣчать гетмана, пироговскіе жители Крушъ и Ивановъ принесли ему поклону „курку и утку“; рыковскій житель Шерантай явился по своему дѣлу къ Л—ому и „поклону ему сотнику далъ два рубли, и о тѣхъ двухъ рубляхъ, пишетъ онъ въ своей жалобѣ, я на него сотника не челобитчикъ“. Іеромонахъ Гаврила, обвиняющій Л—аго въ лихоимствѣ, ничего не имѣетъ противъ „поклона“: „и хоча-бъ ему сотнику поклониться малымъ дѣломъ, чѣмъ-бы мы сами знали, того ради, что мы живемъ въ ихъ селѣхъ и просимъ за нихъ Бога“.

Кромѣ поклоновъ по разнымъ поводамъ сотникъ получалъ еще извѣстную свадебную пошлину, такъ называемую „веселные куницы“ [1]); при прежнихъ сотникахъ давали по золотому и

---

[1]) „Веселные куницы“ представляютъ собой любопытное и, сколько намъ извѣстно, не объясненное до сихъ поръ явленіе въ малорусскомъ общественномъ быту. А. М. Лазаревскій въ своемъ „Опис. старой Малор.“ (т. I, стр. 202 пр. 340) говоритъ: „куницу брали обыкновенно державцы отъ каждой невѣсты, выходившей замужъ въ чужое владѣніе. Требуя куницу, Лисовскій, значитъ, смотрѣлъ на своихъ сотнянъ, какъ на подвластное себѣ посполььство“. Конечно, естественнѣе всего объяснять „куницы“, какъ merchetum, взимавшійся феодальнымъ сеньоромъ, а въ Л—омъ видѣть узурпатора, насильно присвоившаго себѣ права державцы. Но изъ приведеннаго нами случая ясно, что не одинъ Л—ій, но и всѣ его предшественники брали куницу, и что это было не отдѣльнымъ актомъ насилія, а нормальнымъ явленіемъ, вполнѣ признаннымъ и установившимся, Л—ій только самовольно повышалъ куницы и дѣлалъ ихъ разорительными для бѣдныхъ людей. Такимъ образомъ, нельзя смотрѣть на куницу исключительно какъ на выкупъ державцѣ за крѣпостную, ускользающую изъ подъ его власти; это была въ полномъ смыслѣ слова пошлина на бракъ вообще, уплачиваемая сотнику, какъ сотнику, а не какъ державцѣ. Любопытно, что и аналогичное явленіе западно-европейской жизни шире обычнаго объясненія, которое г. Лазаревскій примѣнилъ въ данномъ случаѣ къ малор. куницѣ, что и merchetum платили не одни только вилланы, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и свободные люди. Проф. Виноградовъ, разсматривая это явленіе въ Англіи, приходитъ къ заключенію, что „разнообразіе соединеній, въ которыхъ встрѣчается merchetum, внушаетъ мысль, что подъ этимъ именемъ и подъ вліяніемъ юридической теоріи были объединены повинности, въ основѣ своей различныя: выкупъ отъ права первой ночи, вознагражденіе сеньора за потерю крѣпостной, уходившей подъ власть другого господина и *пошлина за бракъ, платившаяся не сеньору, а общинѣ или сотнѣ*“. (Изслѣдованія по соціальной исторіи Англіи въ средніе вѣка, стр. 62).

меньше „хто що зможетъ дати, а Л—ій безъ милости талярей по два беретъ и по пять золотыхъ, чего ради боимось убогіе люди дѣтей женити“. Не меньшія злоупотребленія позволялъ себѣ Лисовскій и по отношенію къ другой повинности, которой онъ пользовался въ качествѣ сотника. Въ Малороссіи того времени былъ обычай ходить два раза въ годъ „о святахъ воскресенскихъ и Рождества Христова“ къ начальству „съ ральцемъ“: ходили цеховые братчики къ цехмистру, къ сотнику и писарю, къ атаману и войту сотеннаго города, ходили сельскіе атаманы къ сотнику, и сотенная старшина къ полковнику и т. д. Лисовскій строго наблюдалъ, чтобы подчиненные не пренебрегали этимъ старымъ обычаемъ: такъ, однажды серединскій атаманъ не могъ по болѣзни явиться съ ральцемъ, „который сбирается съ товариства сотнику“ на Пасху, а пріѣхалъ на Николу вешняго; тогда Л—ій посадилъ его на гармату, сковавши за шею и ноги, и взялъ контрибуцію въ видѣ куфы горѣлки и трехъ или четырехъ талеровъ битыхъ. Обычная такса ральца была также значительно возвышена Лисовскимъ: кравцы и шевцы жалуются, что прежде ходили къ сотнику „съ хлѣбомъ да съ солью“ (шевцы давали и одну пару чоботъ), а сотничкѣ давали по два золотыхъ, Лисовскій же сталъ требовать себѣ цѣлый талеръ да двѣ пары чоботъ сафьяновыхъ, а для жены запаску полутабинковую, цѣной въ 9—10 злотыхъ. Л—ій оправдывался, что такъ и раньше было, что вообще ему нѣтъ никакой прибыли отъ ральца, что приносящіе „болше напитку выпьютъ“, чѣмъ стоитъ ихъ приношеніе; на это „кравецкаго цеху цехмистеръ“ не безъ ироніи отвѣчалъ: „а что онъ сказалъ, когда мы придемъ съ ралцемъ, то будто болши выпьемъ напитку, то его неправда; развѣ онъ слыхалъ, у прежнихъ сотниковъ то было, а у него Л—аго въ домѣ того не было“ [1]).

Лисовскій бралъ не только деньгами и разнымъ имуществомъ, но и трудомъ: онъ заставлялъ цеховыхъ шевцовъ, тка-

---

[1]) Ральцемъ, повидимому, злоупотреблялъ не одинъ только Л., такъ что въ концѣ концовъ это обратилось въ зло, которое замѣтила и считала нужнымъ искоренить высшая администрація. Уже Скоропадскій писалъ изъ Москвы въ 1722 г. наказному гетману, черниг. полковнику Полуботку о запрещеніи ральца.

чей и кравцовъ работать на себя панщину, бралъ ихъ къ себѣ на домъ или давалъ свой матеріалъ для разныхъ подѣлокъ, за что, разумѣется, ничего не платилъ, а отвѣчала за все „скрынка брацкая“, которая до того истощалась иногда этими постоянными расходами, что не на что было воску купить на свѣчи. Сотникъ пользовался даровымъ трудомъ рыболововъ: „тяжкою нашею працею, жалуются пироговцы, всегда безпотребно и безвременно ему неводъ тягнемъ“, однажды онъ ихъ цѣлую ночь „мордовалъ тягненіемъ нивода“; возилъ на козацкихъ лошадяхъ свою горѣлку и лѣсъ для постройки, отправлялъ сѣно на кролевецкую ярмарку на обывательскихъ подводахъ, которыя тамъ „гинули цѣлый тыждень“, забиралъ въ лавкахъ товаръ даромъ (одинъ лавочникъ представилъ реестръ, въ которомъ между прочимъ упомянуты „фарбиты разные до корѣты“, рыжъ и розинки (изюмъ), цукеръ канарскій по полъ-талера фунтъ и т. п.). Наконецъ, если ему надобно было что-нибудь строить, онъ бралъ мастеровъ, занятыхъ на какой-нибудь общественной работѣ, иногда даже импровизировалъ таковую безъ видимой надобности, чтобы только имѣть даровыхъ рабочихъ. Новгородсѣверцы обвиняли Лисовскаго между прочимъ въ томъ, что онъ „башту (башню) добрую пораскидалъ напрасно безъ воли командира своего (полковника) и безъ совѣту мѣщанъ, а на тое мѣсто началъ строити иную, непотребне и неуважне минувши иншіе потребнѣйшіе дѣла городовыя и оставивши церковное строеніе, приказалъ строити въ самую пору, когда у людей хлѣба не стало, передъ жнивами, з великою людскою трудностью“. Болѣе всего возмутилъ Лисовскій сотнянъ тѣмъ, что устроилъ онъ эту башню „не такъ якъ у фортеціяхъ належитъ для поставленія амуниціи“, а построилъ на башнѣ тюрьму „для посаженія мѣщанъ“, „а на тюрьмѣ звонницу по своему нраву и по совѣту отца Ѳедора, своего единомышленника“. Лисовскій оправдывался, доказывая, что на башнѣ имъ построена не тюрьма для посаженія мѣщанъ, а комора, а звонница надъ коморой сдѣлана для набату. Но мѣщане упорно стояли на своемъ, уличая сотника, что „коморы у насъ въ рядахъ краморскихъ звыкли дѣлатися, а на верхъ башты у насъ торги нигдѣ не звыкли

бувати; также и коморы краморскіе и складніе не такъ дѣлаютца, поневажъ з дверьми и съ тремя окнами хатою сія тюрма здѣлана; также и звонницѣ у насъ нигдѣ на баштахъ не звыкли строити кромѣ монастырей, и набатъ у насъ не на баштѣ-жъ, але посередъ города у соборной церкви въ великій колоколъ выбиваютъ". Плотниковъ, которые строили башню (теслей), Лисовскій „казалъ мѣщаномъ наймати и кормити, якіе тесли, беручи плату у мѣщанъ, ему кромѣ башты будовали лазню и погребъ", а также на хуторѣ Изруѣ „свѣтлицу съ комнатою и съ сѣнцами"; „а на оное строеніе лѣсъ и тертицы брали отъ новой башни, которой лѣсъ на тое башню воженъ міромъ, также брали и церковной лѣсъ, который лѣсъ воженъ на строеніе церковныхъ коморъ".

Лисовскій пользовался всякимъ мало-мальски удобнымъ случаемъ, чтобы сорвать что-нибудь. Съ погребского козака Матвѣя онъ взялъ „коня добраго копъ въ 30, и вепра золотыхъ въ 10, и 3 тарели битыхъ" за обѣщаніе сдѣлать его атаманомъ и освободить отъ „належитности войсковой": „покуда я буду сотникомъ, увѣрялъ Матвѣя Лисовскій, то ты будешь атаманомъ, и въ войско ходить не будешь". Но обѣщанія своего сотникъ не исполнилъ, а взятое добро все-таки удержалъ; правда, впослѣдствіи онъ возвратилъ коня, но „зопсовавъ и замуча его, который конь по принятію отъ него сотника скоро издохъ". Сына іеромонаха Гаврила выбрали попомъ въ Рыковѣ; Гаврила обратился къ сотнику за „презентомъ" (рекомендательнымъ письмомъ) къ архіерею, „того ради, что безъ письма урядоваго у в попы архіерей не поставитъ". Лисовскій заломилъ слишкомъ большую цѣну за презентъ, Гаврило не давалъ, тогда Лисовскій, разсказываетъ челобитчикъ, „до толь меня многажды лаялъ и безчестилъ, хвалючися мого сына з села кіями вибити, донежели не выдралъ у насъ остатные худобы: мусили отдать ему 20 тарелей битыхъ".

Впрочемъ, Лисовскій умѣлъ обходиться и безъ всякаго повода, чтобы обобрать кого-нибудь. Такъ будучи въ Кіевѣ [1],

[1]) Л—ій нѣсколько разъ выѣзжалъ со своими козаками „въ войско" (по крайней мѣрѣ два раза, какъ видно изъ „жалобной сказки" шевцовъ, которые каждый

онъ безъ всякаго повода взялъ 100 злотыхъ у челядника Ситникова, находившагося тамъ по торговымъ дѣламъ своего господина. У Леона Тимофѣева сотникъ забралъ въ 1715 г. 24 рубля (посадивши его предварительно въ тюрьму), въ началѣ 1718 г. 104 р., а въ концѣ того же года передъ самымъ розыскомъ „обликъ" (вексель) кіев. жителя Каленика на 14 р. Нужно было сотнику сѣно, онъ приказалъ городничему пойти къ слесарю и сказать ему „словомъ сотницкимъ": „поди, отомкни огородъ Никиты Труса"; огородъ отомкнули и взяли 20 возовъ сѣна. Михей имѣлъ неосторожность обѣщать Л—му два воза сѣна, а тотъ безъ вѣдома его забралъ цѣлый стогъ „возовъ 8 якъ коню дерзнуть наклалъ" („а сѣно тохды я и наши продавали по два золотыхъ и по копѣ ровно"). Не побрезгалъ сотникъ даже оставленной на рынкѣ отлучившимся мужикомъ Кутневскаго лошадью съ санями; хватившійся лошади мужикъ „по обыкновенію малороссійскому спрашивалъ на ратушѣ и во всѣхъ окрестныхъ уѣзду селахъ и деревняхъ", но безъ успѣха; а потомъ оказалось, что лошадь въ Бугриновкѣ во дворѣ Лисовскаго, но ни онъ, ни его староста въ теченіе пяти недѣль не заявили о томъ въ ратушѣ, „и то у насъ, прибавляетъ Кутневскій, причитается за злодѣйство"; когда-же отъ уряда (въ это время сотней правилъ наказной сотникъ Пекулицкій) прислали въ Бугриновку за лошадью, то Л—ій не только не отдавалъ ее, но даже грозилъ побить посланнаго. „Уподобалась" сотнику оксамитная шапка Никиты Трусевича; онъ „помѣнялся" шапками—отдалъ свою барашковую и обѣщалъ додачи соболь въ 20 р., но, само собой разумѣется, это такъ и осталось обѣщаніемъ.

До какой простоты способовъ присвоенія чужого имущества дошелъ Лисовскій, видно изъ дѣла Васи Іосифовны, малолѣтней сироты, которую сотникъ обобралъ совершенно [2]); между про-

---

разъ платились своимъ карманомъ, снаряжая сотника). Между прочимъ въ 1715 г. Л—ій былъ въ Кіевѣ съ отрядомъ въ 120 человѣкъ, которые принимали участіе въ постройкѣ кіево-печерской крѣпости (Лазаревскій. „Опис. старой Мал. 203).

[1]) Онъ взялъ у нея „всѣ имѣнія (т. е. все имущество), позасталыя у ея родичевъ отцу и матце, скрыню съ платьемъ и иные фантины, которые тамъ въ той

чимъ онъ забралъ 50 штукъ „дерева рѣзанаго трехсаженнаго“. Вотъ какъ разсказываетъ объ этомъ эпизодѣ опекунъ Васи, войтъ Семенъ Юркевичъ: „А какъ дерево привезли къ берегу, тутъ была жена моя, и онъ сотникъ спросилъ: чье дерево? и моя жена сказала: „то дерево наше“, и онъ сотникъ женѣ моей сказалъ: „поди-де ты домой, а я сіе дерево возьму себѣ“, потомъ и побралъ“. Больше всего поводовъ сорвать что-нибудь съ обывателя представляла судебная дѣятельность Лисовскаго, какъ сотника, причемъ ретивый судья взыскивалъ безразлично и съ праваго, и съ виноватаго, и за доказанныя судомъ преступленія, и за простое подозрѣніе и даже за невозбужденіе дѣла.

У Петра Острика произошла кража; онъ высказалъ подозрѣніе на своего бывшаго челядника, который отъ него перешелъ на службу къ дядѣ Петра, Исаю Острику. Лисовскій явился въ домъ послѣдняго и „не употребляючи до разсмотрѣнія жадныхъ свидѣтелей, безо всякого роспросу и безъ лица“ велѣлъ бить кіями заподозрѣннаго челядника; тотъ подъ ударами показалъ на сына своего новаго хозяина Игната. Тогда сотникъ обратился къ Игнату, „мордовалъ его и билъ батожьями безъ милости“, но признанія вымучить не могъ. Тѣмъ не менѣе Лисовскій отобралъ у Исая Острика ключи и вмѣстѣ съ племянникомъ его пошелъ по всѣмъ клѣтямъ и скрынямъ искать украденныхъ денегъ, но денегъ не нашли; Лисовскій все-таки велѣлъ забить въ колодки обоихъ сыновей Исая и, взявши съ собой въ городъ, посадилъ ихъ въ тюрьму. Исай долженъ былъ, „вызволяючи напраснаго мучительства“, выкупить своихъ дѣтей и дать сотнику 20 рублей.

Пироговскій житель Крушъ поймалъ „знатнаго злодѣя“, укравшаго гдѣ-то лошадь, и передалъ его Василью Харченко, но тотъ безъ умыслу, „ради простоты своей“ выпустилъ вора. Лисовскій билъ ихъ обоихъ за это безъ милости батогами и кромѣ того прислалъ въ домъ Круша слугу своего съ приказаніемъ запечатать домъ и взять у Круша коня и 11 злотыхъ. Крушъ

скрынѣ были, все побралъ и ни во что обернулъ; взялъ жита на гумнѣ 60 копъ и взялъ силою, а не въ позыку и не прозбою (какъ оправдывался Л—ій), бо въ позыку жито никогда копами не даетца“ и т. д.

сталъ просить, чтобы ему вернули хоть коня; сотникъ потребовалъ за это рубль, но, взявши рубль, коня все-таки не возвратилъ, „пригоняючи вину, объясняетъ Крушъ, что я въ то число былъ войтою“.

Въ домѣ Ситника умеръ его должникъ Хайло. Несмотря на выданное священникомъ свидѣтельство, удостовѣряющее естественную смерть должника и то, что причиной ея не могъ быть Ситникъ, обращавшійся хорошо со своимъ должникомъ,—несмотря на это Лисовскій рѣшилъ не упускать такого удобнаго случая для вымогательства. Онъ отобралъ у Ситника „обликъ на Толстенка“. Ситникъ сталъ просить о возвращеніи векселя, заплатилъ за это 2 червонца; Л—ій червонцы взялъ, но векселя не отдалъ и даже посадилъ самого Ситника въ тюрьму, гдѣ и продержалъ два дня. Потомъ прислалъ къ Ситнику есаула съ извѣщеніемъ, что тотъ получитъ свой „обликъ“, если дастъ двухъ сивыхъ коней; переговоры тянулись долго и въ концѣ концовъ обѣ стороны сошлись на двухъ бочкахъ горѣлки. Вообще богатому мѣщанину часто приходилось платиться за свое богатство; обращеніе къ властямъ, попытки найти себѣ защиту въ гетманѣ и въ генеральномъ судѣ ни къ чему не приводили и только раздражали сотника, который находилъ тысячи случаевъ досадить строптивому мѣщанину. Между прочимъ онъ поставилъ къ нему двухъ жолнеровъ [1]), несмотря на протестъ Ситника, заявлявшаго, что „во всемъ новгородскомъ уѣздѣ никто двухъ жолнеровъ не годуетъ“.

Не менѣе хлопотъ причинялъ корыстолюбивый сотникъ и другому зажиточному мѣщанину, Семену Налегакѣ. Произошла-ли семейная потасовка въ присутствіи Семена, подрались-ли въ его кабакѣ посѣтители, случилось ли его женѣ купить рушникъ,

[1]) Вотъ приказъ, съ которымъ Л—ій послалъ одного изъ жолнеровъ: „Микифору Ситнику, мѣщанину нашему новгородскому, посылаемъ на консистенцію жолнера одного, додавъ ему на мѣсяцъ порцію одну сыровую харчъ, муки житной гарцовъ 16, крупъ гаренецъ, соли 2 фунта, денегъ на каждый день по копейце, сѣно и оброкъ, якъ и прежде. Его Царскаго Пресвѣтлаго Величества новгородскій сотникъ Лисовскій“.

Содержаніе двухъ жолнеровъ обошлось Ситнику за три года въ 150 р. 43 алтына 4 деньги.

оказавшійся потомъ краденнымъ,—за все это долженъ былъ платиться несчастный Налегака и платиться дорого.

Рыковскіе жители распахали сосѣднее поле, принадлежавшее къ владѣніямъ гетмана, и кромѣ того „ниву жита выбили“. Явился гетманскій староста Шентаковскій, осмотрѣлъ выбитую „спашу“ и потомъ прислалъ „господаря оную землю розъѣхать и учинить межу новую; и мы его господарю, разсказываютъ рыковцы, были ни въ чемъ не скрежны, того ради, хотя у насъ отъѣхали и излишнее, и намъ противиться не можно, того ради, что то село ясновельможнаго гетмана“. Впрочемъ, гетманскій староста ограничился тѣмъ, что „отъѣхалъ“ кусокъ крестьянской земли, и никакого процесса не затѣвалъ; но отъ Лисовскаго нельзя было такъ легко отдѣлаться: онъ воспользовался виной несчастныхъ рыковцевъ и „взялъ альбо зодралъ“ съ нихъ 60 талеровъ.

Одинъ изъ жителей того-же села Рыкова, принадлежавшаго новг.-сѣв. ратушѣ, Данило Парфеновъ рѣшилъ эмигрировать „за тягостью“. „Позбывши свои грунта, разсказываетъ Данило (своему односельчанину Павлу Шерантаю за 62 копы, изъ которыхъ получилъ наличными только „полтретьядцать“—$32^{1}/_{2}$ копы) хотѣлимъ себѣ изаврести лутчую отраду, отишолъ былъ на малое время“; поволочившись мѣсяцевъ пять по слободамъ и „не найдя гдѣ жити“, Данило „паки вернулся на свое жителство“ въ Рыковъ. Онъ обратился къ сотнику и получилъ разрѣшеніе выкупить свою землю; но Шерантай требовалъ надбавки, сдѣлка между ними не устраивалась, и 32 копы, какъ „заводные гроши“, были переданы черезъ бугриновскаго атамана Л—му, который ихъ и присвоилъ. Поле, остававшееся спорнымъ, сотникъ велѣлъ сжать „згономъ“ (Данило вернулся 28 Іюня) и „перемолотя того жита пять осмачекъ напрасно“, увезъ его на свой хуторъ. Кромѣ того, Лисовскій взялъ и у Шерантая 10 копъ за обѣщаніе оставить поле за нимъ и дать ему „съ уряду купчую, чтобы ему тѣмъ полемъ владѣть вѣчно“. Но взятыя у Данилы Парфенова 32 копы (не считая поклона) создавали тоже своего рода нравственное обязательство; поэтому Лисовскій, послѣ того какъ спорное поле было

уже сжато въ его пользу „не устоя въ своемъ словѣ, згодивъ недѣль 20 и болши, велѣлъ Шерантаю отъ того поля отступить, а у него Данилы велѣлъ принять деньги (другія уже) изъ подъ неволи“.

Кривоносовскій житель Ященокъ продалъ женѣ полковаго хорунжаго Юркевичкѣ млинъ съ займищемъ при немъ. На этомъ займищѣ атаманъ с. Кривоносовки [1]) „розробилъ себѣ ниву“; зять Юркевички Кир. Матв. Черняцкій заявилъ претензію атаману, и тотъ „усмотрѣвъ свою неправду“ просилъ только, чтобы ему позволили за работу снять „два хлѣба“, на что и получилъ разрѣшеніе. Но Опонасъ Мартыненокъ (такъ звали атамана) не ограничился этимъ и сталъ копать рвы и въ другихъ займищахъ и „разводить ниву изъ пущи“, принадлежавшей Юркевичкѣ (нива эта не значилась въ „купчей письмѣ“); этими нивами атаманъ нѣсколько лѣтъ владѣлъ „съ позволенья громадскаго“. Черняцкій „скаржился“ сотнику, который и послалъ въ Кривоносовку своего есаула и писаря; Затѣмъ Мартыненокъ съ Черняцкимъ были сужены передъ сотникомъ и передъ всѣмъ новгородскимъ урядомъ; атаманъ былъ „учиненъ виннымъ“ и подписалъ „помиркованіе“ съ Черняцкимъ [2]). Кромѣ того, онъ долженъ былъ заплатить 17 копъ выкладу (изъ которыхъ Черняцкій получилъ только 4 р. 13 алтынъ 2 деньги), еще 18 злотыхъ сотнику, по 5 злотыхъ есаулу и писарю и 4 зл. служкамъ сотницкимъ.

Одной изъ характерныхъ особенностей малорусскаго процесса былъ „выкладъ“—извѣстная сумма денегъ (болѣе или менѣе произвольная), которую истецъ или обвинитель „накладывалъ“ на отвѣтчика; эти деньги вносились при возбужденіи

---

[1]) Кривоносовка населена была крестьянами Кутневскаго (это село было пожаловано ему въ 1708 г.) и козаками; и тѣ и другіе владѣли землей *сообща*, какъ видно изъ показанія атамана: „мы поля съ мужиками дѣлимъ во вся годы: годъ владѣютъ козаки, а на другой годъ мужики“. Отмѣчаю эту подробность, которая, какъ и вообще все это дѣло, можетъ быть интересна для исторіи землевладѣнія въ Малороссіи.

[2]) Вотъ текстъ этого документа: „ижъ неслушне вогнался окопомъ а нивку выробилъ в чистыхъ добрахъ займанныхъ еѣна пани Юркевичкиной до хутора Пилина прилеглыхъ, такъ з оного займища уступилъ; имѣлъ бы впредь чинити под-

дѣла судьѣ, которому онѣ и служили вознагражденіемъ. Если искъ или обвиненіе оказывались неправильными, то истецъ терялъ свой выкладъ; въ противномъ-же случаѣ сумма, равная выкладу, уплачивалась ему отвѣтчикомъ. Лисовскій и здѣсь допускалъ цѣлый рядъ злоупотребленій. Казакъ Иващенко „позывалъ въ свою бою“ Зюзю и Семенова, на которыхъ и наложилъ 8 копъ выкладу; Л—й посадилъ обоихъ на гармату и вымучилъ съ Зюзи 20 копъ, а съ Семенова 5 рублей (которые тотъ занялъ и потомъ за нихъ служилъ два года), но истцу не далъ ничего. Въ принесенной потомъ жалобѣ Зюзя и Семеновъ не признавали себя виновными, но, прибавляетъ Семеновъ, „по нашимъ правамъ, ежели-бъ мы были и винны, то намъ бы надлежало только заплатить одинъ выкладъ (т. е. 8 копъ) пополамъ“. Чтобы получать побольше съ обвиненныхъ по суду, Лисовскій прибѣгалъ къ такой уловкѣ: „будучи ненасытенъ въ своемъ драпижствѣ, онъ же Л—ій, когда придетъ до его кто убогій позыватися, а не мѣетъ чего наложити, такимъ давалъ свои гроши, червонцы и тарели, жебы другихъ людей до его позывали и накладами многими утежали, и то его явное Божьему и гражданскому закону противенство“. Въ виду того, что каждая тяжба приносила ему извѣстный доходъ, Лисовскій, понятное дѣло, строго преслѣдовалъ всѣхъ, уклонявшихся отъ его праведнаго суда. Невѣстку того-же Зюзи покусала сосѣдова собака; избѣгая хорошо извѣстнаго всѣмъ сотническаго правосудія, сосѣдъ уговорилъ Зюзю не возбуждать дѣла и далъ ему за это „чвертку жита, да нанялъ челядку, покамѣстъ у его невески рука загоитца“; но Л—ій, разсказываетъ Зюзя, „о томъ почувши, задралъ у меня 8 копъ за тое, что я его (сосѣда) не позывалъ“.

Лисовскій сплошь и рядомъ нарушалъ обычныя формы процесса, не стѣсняясь никакими формальностями и дѣйствуя скорѣе административной властью, чѣмъ судебною. Сотникъ

ступъ и утискатися в мененныя займища или вщинати за оныя заводъ, таковый (Мартыненокъ) неотмѣнно повиненъ войсковое караніе понести и знатную вину всякого суду и права тарелей сто заплатити мѣетъ„ Подписали Мартыненокъ, сотникъ, атаманъ и войтъ новгородъ-сѣверскіе.

отобралъ у Подольскаго коня, который оказался краденымъ, и отдалъ его прежнему владѣльцу, заявившему о кражѣ; но это было незаконно, по заявленію Подольскаго: „а держать было того коня на ратушѣ, или-бы иному кому отдать съ роспискою, а мнѣ было сказать срокомъ и сказать заводцевъ у кого я того коня купилъ, и нынѣ я тѣхъ заводцевъ сыскалъ и привезъ отъ нихъ оправдательныя письма, которые при семъ розыскѣ въ улику объявляю". У Михея были украдены „казаны винничные", съ которыми воры и были пойманы въ Шатрищахъ квартировавшимъ тамъ капитаномъ; капитанъ „покаралъ злодѣевъ", а казаны отдалъ Михею. Но Лисовскій „почувши, казаны казалъ зарасъ атаману до города привезти, бо мѣлъ заводы съ тымъ-то капитаномъ", и тѣ казаны, „презъ двадцать недѣль ваковали напрасно и барзо звенчали"; нѣкоторые изъ нихъ оказались даже подмѣненными, а произошло это потому, какъ объясняетъ Михей, что Лисовскимъ были нарушены обычныя судебныя формальности: „и ему было сотнику надлежало тѣ казаны осмотрѣть при людехъ и описать и положить на нихъ какіе клейма или печать и отдать на ратушу, а у себя было держать и въ другія мѣста отдавать не надлежитъ".

Изложеныхъ случаевъ, я думаю, совершенно достаточно для характеристики Лисовскаго, какъ судьи; но я позволю себѣ привести еще одно дѣло, въ виду того интереса, который оно представляетъ обиліемъ бытовыхъ подробностей и живымъ изложеніемъ, дѣлающимъ его похожимъ скорѣе на страничку изъ какой-нибудь исторической повѣсти, чѣмъ на судебный документъ. Одна „значная жителка новгородская", Стуколиха подъ старость сдѣлалась черницей подъ именемъ Анфіи. Стуколиха была богата и бездѣтна. Когда пришла пора умирать, она послала „хлопя своей сусетки" къ Леону, также зажиточному новгородскому мѣщанину. „Ходи, бабуся звалась чего-сь"; Леонъ пошелъ. Стуколиха передала ему „мѣхъ великій" съ деньгами; на верху, видно было, лежали талеры битые. Леонъ и спрашиваетъ „кому сіи гроши отдать?" „Тебѣ даю, только не кажи никому". Но тутъ, какъ на грѣхъ, случилась сосѣдка: она стояла въ той же хатѣ, но только въ отдаленіи, такъ что могла ви-

дѣть и при нѣкоторомъ напряженіи слуха (которое она и сдѣлала, какъ показали дальнѣйшія событія) и слышать кое-что. Леонъ замѣтилъ постороннюю женщину и говоритъ старухѣ: „Матуся, вѣдаетъ твоя сусѣтка сокретъ нашъ".—„Что ей за дѣло! Нà тебѣ шматокъ полотенъ, отдай отцу моему Филиппу духовному и скажи: позвала меня старуха у утрени и дала мнѣ полотенца шматокъ—отдайте отцу духовному". Но сосѣдку не такъ-то легко было провести: она обратилась къ внукамъ, ходившимъ за старухой и сказала: „Вы догледайте Олену: мѣшокъ грошей дала оная старуха", а затѣмъ подошла къ Леону и замѣтила: „Для чего ты такіе гроши берешь безъ людей? Чтобъ на меня въ томъ отъ людей поговор(т)ки не было".—„Не бойся ты ничего, отвѣчалъ ей Леонъ; поговорки тебѣ отъ людей никакой не будетъ. Будетъ изъ тѣхъ денегъ и тебѣ и мнѣ". Стуколиха умерла, и Параска Дорошиха, такъ звали сосѣдку, стала требовать отъ Леона обѣщанной ей части денегъ. „Что я тебѣ дамъ?!" отвѣчалъ ей Леонъ на это—и ничего не далъ. Это показалось ужъ слишкомъ обидно Дорошихѣ, надо было отомстить: „и почела оная сусетка ложные и невинные слова плести" на Леона. Наслѣдникомъ Стуколихи былъ ея племянникъ, юхновскій житель Григорій Дудка; Параска и обратилась къ нему, наговаривая, будто-бы при передачѣ денегъ Леону старуха говорила: „Не забудь племянника моего Григорія Дутку! будетъ и тебѣ, и племяннику моему". Дудка и повѣрилъ Дорошихѣ и написалъ „духовницу по ея словесамъ ложную" и представилъ ее сотнику. Лисовскому это дѣло было, конечно, очень нá руку, и онъ обѣщалъ Дудкѣ, что когда получитъ съ Леона деньги, то дастъ ему сто золотыхъ. Призвали Леона. „Вычиталъ я тую духовницу, разсказываетъ Леонъ; и отказалъ я на тую духовницу: оная старуха мѣла умъ свой доброй, кому хотѣла, дала своима рукама: дала въ монастырь 22 рубли, осмачекъ жита, и на похоронъ дала себя поховати 16 рублевъ. Еще по смерти ея осталось денегъ рублевъ 50 и скрыня полотенъ, которые деньги и полотна побрали ченцы въ монастырь, а що Дуткѣ дала, потому каялось". Лисовскій сказываетъ: „И признаютъ на тебя и сусетка, что ты взялъ грошей много". Принесли образъ, по-

ставили его на столѣ и велѣли Леону присягнуть. „Я на тую присягу замолчалъ", говоритъ Леонъ. Тогда его повели въ комнату и начался допросъ. „Чи бралъ гроши Стуколихины?" спрашиваетъ Л—ій.—„Бралъ, да не толко, колко они написали".—„Колко?"—„Колко было, толко и топеря есть. Бодай меня нагуба душевная не знала, якъ я не знаю: якъ я положилъ, такъ топерѣ есть". Этимъ допросъ пока и кончился. Вскорѣ явились къ Леону на домъ атаманъ и войтъ, а потомъ и самъ сотникъ: Леонъ отдалъ имъ Стуколихины деньги, всѣ „шестаки, злотковцы, ворты и чвертки", которые заключалъ въ себѣ мѣшокъ старухи. „Оные гроши отмѣнны, говоритъ Леонъ: вельми черны; такихъ-же грошей и промежъ моихъ грошей шукали, и не нашли". Л—ій запечаталъ домъ Леона, самого его посадилъ въ тюрьму, а сына за караулъ на ратушу, „окромѣ приносячи сыну моему страхи батоговые". Ихъ продержали въ заключеніи недѣли двѣ. „Потомъ, ночи темны, вельми позда, прислалъ городничего до мене въ тюрьму: „Ходи, панъ звалъ". Пошелъ я до Лисовского. Кажетъ Л—ій: „Отдай гроши Стуколихины: кажутъ люди на церковь отказаны" и ссылается при этомъ на показанія Дорошихи. Леонъ отвѣчалъ: „Кажи ею панью бить, а я, какъ не признается, то я заранѣя буду платить".—„Якъ есть, дай мнѣ своихъ грошей половину". Леонъ, „видя надъ собой такой страхъ и тюремное везеніе" и хорошо зная, что дѣло можетъ принять совсѣмъ скверный оборотъ, отвѣчалъ: „Воля твоя, не токмо надъ грошми, но и надо мной: запечатанные". Л—ій отправилъ его съ карауломъ домой и приказалъ караульному: „Нехай придетъ и жена его до насъ". Пришла жена Леона. „Леониха, обратился къ ней сотникъ, отдай гроши Стуколихины, кажутъ люди на церковь отказаны".—„Добро-де отдать на церковь, отвѣчала та, а нашихъ не руште". Сотникъ сталъ грозить пыткой: „отдай мнѣ своихъ грошей половину", настаивалъ онъ, и, не дожидаясь согласія послалъ ночью атамана и писаря „трусить" домъ Леона. Посланные искали денегъ „по клѣтяхъ и въ другихъ мѣстахъ, по житу и въ другихъ хлѣбахъ", перерыли весь домъ, и нашли наконецъ деньги въ хатѣ подъ изголовьемъ, запечатанными въ скрынѣ. Деньги

были принесены Лисовскому и положены на столъ; онъ пересчиталъ ихъ: оказалось „тарелей битыхъ 50 безъ трехъ червоныхъ, 7 копъ, золотыхъ 600, чеховъ золотыхъ 70“. Сотникъ отобралъ себѣ тарелей битыхъ 50 безъ трехъ, атаману и войту далъ по 20 р., а на церковь и Дудкѣ не далъ ничего. Когда Дудка осмѣлился обратиться къ Лисовскому за обѣщанными 100 золотыхъ, то получилъ въ отвѣтъ: „Развѣ я тебѣ дамъ сто березинъ, а не сто золотыхъ“. Бѣдному Дудкѣ послѣ этого оставалось только „поеднаться“ съ Леономъ относительно Стуколихинаго дѣла и къ его жалобѣ на розыскѣ присоединить и свою.

Допуская полный произволъ въ судебной дѣятельности, въ которой руководствовался исключительно своей непомѣрной алчностью и жаждой наживы, Лисовскій обнаруживалъ тѣ-же качества и въ другихъ своихъ дѣйствіяхъ и поступкахъ; онъ дѣйствительно „чинилъ себя самовластникомъ“, ни въ комъ и ни въ чемъ не встрѣчая себѣ достаточно сильнаго сопротивленія. Лисовскій, не стѣсняясь, бралъ „заводные гроши“ изъ ратуши, причемъ шафаръ (казначей и городской сборщикъ) и самъ войтъ безропотно исполняли всѣ его требованія, не смѣя прекословить всемогущему сотнику; бралъ церковныя деньги и, когда священникъ поднялъ изъ-за этого дѣло и жаловался протопопу, Лисовскій побилъ его; забиралъ безъ вѣдома священника дорогія вещи и деньги, положенныя въ церковь на храненіе частными лицами. Онъ не задумался присвоить себѣ „покуховные гроши“, которые взялъ съ кравецкаго и швецкаго цеховъ (по 50 зл. съ каждаго) будто-бы для передачи гетману [1]). Если кто-нибудь изъ должностныхъ лицъ обнаруживалъ попытки сопротивленія расходившемуся „самовластнику“, Л—ій всегда находилъ способы справиться съ такимъ смѣльчакомъ и даже со-

---

[1]) „Покуховный“ сборъ въ размѣрѣ 2 р. съ каждой проданной въ раздробь куфы замѣнилъ собой послѣ измѣны Мазепы винную аренду. Этотъ сборъ шелъ на войско. Шинки ремесленныхъ цеховъ бывали, вѣроятно, освобождаемы отъ этого сбора, такъ какъ цехмейстеръ шевскій категорически заявляетъ, что „при прежнихъ сотникахъ у насъ такихъ покуховныхъ грошей с брацкихъ дворовъ не бирали, того ради что тѣ деньги идутъ у насъ на всѣ божественныя церкви“.

всѣмъ устранить его съ своего пути. Иванъ Андреевичъ Судіенко за вѣрную службу во время Мазепиной измѣны былъ назначенъ гетманомъ въ 1710 г. атаманомъ новгородъ-сѣверскимъ. При сотникахъ Березовскомъ и Кутневскомъ атаману жилось покойно „безъ всякого мнѣ отъ нихъ препятія, какъ онъ самъ разсказываетъ въ своей челобитной, бо якъ я имъ честь належитую отдавалъ, такъ и они, слушая повеленья ясневельможнаго, жадные мнѣ обиды не дѣлали, а Лисовскій когда сталъ у насъ сотникомъ, мало что поживши спокойный, заразъ началъ безвинно частократно меня безчестити и отъ уряду отдаляти". Произошло-же это потому, что Судіенко оказался недостаточно покладистымъ для новаго сотника. Лисовскій учинилъ какой-то „непотребный зáводъ" съ офицерами лейбъ-региментa и драгунами; дѣло доходило, повидимому, и до рукопашныхъ схватокъ, но Судіенко не рѣшался бить драгуновъ по сотницкому приказанію, что должно было, конечно, сильно раздражать Лисовскаго. Въ другой разъ этотъ послѣдній „мѣючи злость нѣякую-сь на монастырь" отправился въ монастырское подворье и приказалъ атаману разбивать замки; тотъ не послушался и былъ за это битъ тростиною. Эти и подобные имъ случаи возстановили Лисовскаго противъ Судіенка, и онъ началъ всяческими способами преслѣдовать строптиваго атамана: онъ грозилъ ему, что велитъ выкопать яму, положитъ его въ ту яму брюхомъ, а по спинѣ будетъ бить батогами; жену атамана онъ на одной „учтѣ" такъ безчестилъ, „же и писать стыдно". „Видячи его такое наступленіе, говоритъ Судіенко, просилемъ ясневельможного з его справедливости и обороны, яко-жъ и получилимъ уневерсалъ, жебы онъ болѣе мене ни въ чемъ не обижалъ, и отъ власти не дерзалъ отставляти". Но универсалъ не помогъ; когда атаманъ принесъ его Л—му, тотъ, „вычитавши" гетманское письмо, закричалъ на Судіенку и велѣлъ посадить его на гармату. Кончилось все это тѣмъ, что сотникъ самовольно смѣстилъ Судіенку и на его мѣсто назначилъ болѣе покладистаго человѣка.

Въ преслѣдованіи людей, почему-либо не понравившихся или мѣшавшихъ ему, Лисовскій положительно ни передъ чѣмъ не останавливался. Вотъ что разсказываетъ въ своемъ челобитьи

Фай, сосѣдъ его по Бугриновкѣ: челядь Фая, идущую на мельницу, Л—ій забираетъ въ свой дворъ и безъ всякой причины „бьетъ кіями тиранско"; греблю во владѣніяхъ Фая постоянно (даже тогда, когда Бугриновка принадлежала къ шептаковской волости) гатили всѣмъ селомъ какъ козаки, такъ и посполитые, такъ какъ она была одинаково необходима всѣмъ селянамъ „для переизду и для перегнаня ихъ чередъ". „А теперь, продолжаетъ Фай, за онымъ Лисовскимъ, якъ стало его, не тилко не каже гатити, але гною, соломы и хворосту на злость не велитъ давати тамошнимъ людемъ, наветъ если везу форостъ з моего кгрунту, солому или гной з моихъ дворовъ, то, перенявши на улици, кажетъ зворачувати и скидати з возовъ, не допускаючи до гребли, а тимъ мене бѣднаго хотячи з власного моего доброго вижити. А зверхъ тоей безчеловѣчной пакости у ставу моемъ, якъ у власномъ своемъ добромъ ловлею рибною доволствуютъ его подданніе, безпрестанне денно и нощно з остми, суткáми, волоками, з неретами и зо всякимъ пóсудомъ, до рыбной ловлѣ способнымъ, полощутся и учинили пусто ставъ оній, а посваритися або отогнать нѣма: если мой пойде одинъ, а ихъ збѣгутца десятокъ и другихъ и нападутъ бити, що якъ и теперешняго времени подъ часъ порваня греблѣ напали всякимъ посудомъ рибу ловити всѣ селомъ; видячи люде мои, что они такъ насилно чинятъ, побѣгъ хлопецъ мирочныковъ, гамуючи, абы не чинили кгвалту, которіе-то бугриновци напали хлопца бити, що обачивши челядникъ мой побѣгъ хлопца ратовати, а бугриновци, покинувши хлопца, напали и челядника моего бити остми и бовтати, который челядникъ боронячися тими въ ихъ-же будучими остми, мало обрѣзалъ едного человѣка, и того-жъ часу якъ пріихалъ Лисовскій у село, теды человѣкъ его, в которого ости однято, занесъ скаргу предъ Лисовскимъ, а оной Л—ій заразъ послалъ слугъ своихъ, щобъ побрали людей усѣхъ моихъ, якіе на греблѣ робили, до его двора. Видячи пре то люде мои... и знаючи его честь, всѣ побѣгли втекы: иншіе болотомъ одтопляли́ся, а иныхъ половлено и до двора его якъ приведено передъ самого Лисовского, такъ оный Л—ій заразъ безъ всякого розпросу казалъ иншихъ въ колоду позабивати, а иншихъ, лан-

цугомъ за шію побравши, по селу и по полю водили, мене самого шукаючи, абы, гдѣ знайти, тамъ и убити на смерть. „А если не знайдете, то я, мовитъ, самъ, гдѣ его знайду, то въ лобъ стрѣлю, або кіями кажу до смерти убити". А мирочника бугриновскаго мого того-жъ часу казалъ взяти и бити, положивши, у два кіи, якій мало не до смерти тимъ боемъ зосталъ приправленъ, и говоритъ: „Знайте мене, хто я; бо мнѣ хто що учинитъ, то я никого не боюся. Еще и панови вашему тое будетъ!" И на томъ еще не угамовавшися, въ самую полночь, посѣдавши на коней, з челядью своей побѣглъ на низшую греблю мою, на которую маю два унѣверсали ясневельможного пана гетмана и декретъ суду войскового енералного блаженной памяти покойнаго Савы Прокоповича судіи енералнаго на тые мои власные кгрунта, что оній Лисовскій, унѣчтожаючи унѣверсали яснев. пана з своей завзятости прибѣгши на оную греблю, мене шукаючи забити, а не знайшовши мене, самъ скочивши въ ступныкъ, казалъ все руйновати, метолнѣ всѣ порубали, лапи также порубали и въ воду повкидали, двери повыломлювали, валници, подстрименки — все тое порубали на скринѣ, водяной мостъ верхній и испудній увесь казалъ на шматки порубати и въ воду повкидати; греблю казалъ всю роскопати, що вода, въ той часъ будучи великая, все тое не знати где позаносила. Еще-жъ того не доситъ, убѣгши у хату, двери выломали, пѣчь побили, оболонки побили, начине побрали, борошно, якое було, порозсипали и въ нѣвецъ обернули, посудъ, якій бувъ, увесь у воду повкидали,—во всемъ въ добрыхъ моихъ власныхъ въ конецъ разореніе учинилъ".

Еще болѣе пострадали отъ самоуправства сотника Леско шапочникъ и Василій Красовскій, которыхъ онъ подвергъ немилосердному истязанію. Придравшись къ тому, что Леско завелъ какія-то предосудительныя сношенія съ его ключникомъ, котораго сманивалъ вступить съ нимъ въ компанію и получалъ отъ него будто-бы украденныя у Л—аго деньги и разные припасы, сотникъ призвалъ шапочника къ себѣ въ свѣтлицу и сталъ его спрашивать „съ пристрастіемъ"; потомъ посадилъ его въ шелвахъ (тюрьму) и, отобравши ключи, пограбилъ въ домѣ Леска

все, что только можно было взять; наконецъ, велѣлъ привести его къ себѣ въ ратушу и тамъ пыталъ батогами, „покладаючи разъ десять, и бьючи по спинѣ, поливалъ горелкою и посыпалъ солью“.

Красовскій-же, можно сказать, пострадалъ за свою любезность. Въ отсутствіи мужа, сотничка, разсказываетъ онъ, „ходивши по дворахъ и напившись, велѣла мнѣ себя проводить“, потомъ зазвала къ себѣ и „стала меня много поить и сама пить не токмо горелку, но уже отъ изумленія, въ пьянствѣ прибывшаго, и разсоломъ бураковымъ честовалися; въ такомъ пьянствѣ ее видячи“, Красовскій поспѣшилъ уйти по добру-поздорову и „безъ памяти выбравшись со двора а не дошедши до своего дому“, повалился на улицѣ, гдѣ и провелъ ночь. Ихъ „пьянственную волокиту“ съ сотничкой видѣли прохожіе и смѣялись, „и паче великороссійскіе люди“, состоявшіе при генералахъ Ренѣ и Кантакузенѣ. Тѣмъ-бы дѣло и кончилось, если-бы въ домѣ сотника въ то время, когда всѣ, перепившись, спали, не произошла кража: пропали сукни (платья), которые сотничка повынимала передъ тѣмъ изъ скрыни. Пріѣхавшій черезъ нѣсколько дней Лисовскій заподозрилъ въ кражѣ собутыльника своей жены и посадилъ его въ тюрьму. Затѣмъ обратился къ дворецкому ген. Рена съ просьбой дать ему двухъ профосовъ (катовъ, палачей) съ обѣщаніемъ, что если онъ допытается пропавшихъ вещей, то дастъ дворецкому „погребецъ съ хрустолевыми склянками“. (Сотникъ обращался къ гетману за разрѣшеніемъ „мучить катожскими руками“ обвиняемаго и, получивши отказъ, рѣшилъ сдѣлать это самовольно). Красовскаго безъ всякой „инквизиціи (слѣдствія) и доводу“ и „безъ вѣдома всѣхъ мѣщанъ, безъ суду“ привели ночью въ свѣтлицу сотника и тамъ мучили въ присутствіи дворецкаго, а также войта и атамана, за которыми Л—ій нарочно посылалъ (войтъ стоялъ за дверьми во время экзекуціи). Потомъ Красовскаго повели въ „пустой городокъ“ и тамъ, заведя въ кусты, сотникъ велѣлъ взять его „на тряску и много стряскою и колкодесятнимъ кнутовымъ боемъ долго мучилъ“ (на стряскѣ его держали, просунувъ бревно между ногами). Л—ій оправды-

вался тѣмъ, что экзекуція была произведена по приказанію ген. Рена; но свидѣтельскими показаніями было установлено, что Ренъ въ „малороссійскія правы не втручался и малороссійскихъ людей между собою не судилъ“, а ген. Говальдеръ, когда узналъ, что профосы безъ его вѣдома пытали Красовскаго, взялъ ихъ подъ караулъ и наказалъ.

Для полноты характеристики Л—го приведу еще два эпизода, не лишенныхъ интереса въ бытовомъ отношеніи. Престарѣлому Михею Антіоху, который служилъ 70 лѣтъ и былъ одно время сотеннымъ писаремъ, „случилось бути въ дому его пана сотника съ поважными особами“; тутъ-же присутствовалъ и хорунжій Тимоѳей, который, чтобы потѣшить компанію и поощряемый сотникомъ (по росказанію сотницкому), сталъ „жартовать“ съ Михеемъ; но „жартовалъ онъ необычно“ и, по другому выраженію стараго писаря, „гонилъ его прикрыми плюгавыми словами“. Михей „отходилъ отъ хоружего многажды и, не стерпя отъ него жарту, сталъ просить у сотника на него хоружего справедливости“. Это только подлило масла въ огонь. Л—ій притворился, что хочетъ наказать Тимоѳея, и приказалъ есаулу посадить его на гармату, шепнувъ, чтобы онъ этого не дѣлалъ; хорунжаго выводили въ одну дверь, а онъ входилъ въ другую, продолжая свой жартъ. Обиженный старикъ требовалъ возбужденія дѣла и наложилъ на Тимоѳея червонецъ битый и талеръ, „но такъ и по сѣ число, заключаетъ онъ свою челобитную, на него хоружего справедливости нѣтъ и отбываютъ смѣхомъ; а выкладу моего не ворочаютъ“.

Данило Лотышенко сошелся съ одной вдовой по имени Волотчихой; желая вступить въ законный бракъ, они „въ томъ учинили совершенный договоръ и межъ собою побожилися, что ей кромѣ Лотышенка замужъ не идти и ему кромѣ Волотчихи не жениться“. Невѣста жила въ хатѣ у отца жениха, и тотъ „хаживалъ къ ней для увѣренья сватанья“. Въ виду будущаго брака вдова выпросила у своего жениха для выкупа своихъ грунтовъ 100 злотыхъ, которые Лотышенко и далъ ей „прочa себѣ тѣхъ грунтовъ“. Но легкомысленная Волотчиха „стала отъ кого-сь непраздною и непріята стала до

браку его Лотышенка". Женихъ сталъ искать съ нея взятыя деньги и по донесенію городничаго, что „Волотчиха живетъ непостоянно и ходитъ по ночамъ", ее арестовали (это случилось уже послѣ того, какъ начался розыскъ Хрипунова и должность сотника въ это время исполнялъ Пакулицкій). Но скоро ее отдали на поруки зятю ее Ѳедору Малику; Маликъ не сразу согласился на это; когда его призвали къ сотнику, онъ спрашивалъ: „Въ какомъ дѣлѣ мнѣ за нее ручитца"? и когда ему отвѣчали, что его невѣстка чревата, онъ сказалъ: „Ежели-бъ въ какомъ иномъ дѣлѣ, въ долгахъ (напримѣръ), и я-бъ по ней ручался, а въ такомъ дѣлѣ я по ней ручатца не хочю". Въ концѣ концовъ онъ все-таки согласился; но на другой-же день вечеромъ Волотчиху похитили слуги Лисовскаго, увезли въ Голубовку и тамъ мѣстный священникъ повѣнчалъ ее „пенную" и безъ „квиту" съ однимъ изъ челядниковъ бывшаго сотника Игнатомъ Кирѣевымъ. Казалось-бы, самого Лисовскаго все это нисколько не касается; но слѣдствіе и допросъ свидѣтелей представили все дѣло въ нѣсколько иномъ свѣтѣ. Оказалось, что Волотчиха уже давно приглянулась самому сотнику; по этому случаю онъ два раза сажалъ въ тюрьму Лотышенка и второй разъ призывалъ къ себѣ и допрашивалъ, по какому поводу онъ ходитъ къ Волотчихѣ. Когда-же Лотышенко объяснилъ, что хочетъ на ней жениться, Лисовскій отпустилъ его за 5 рублей: „а ежели-де ты мнѣ денегъ не дашь, то я велю тебя на мосту бить кіями". Связь сотника съ Волотчихой была совершенно ясно установлена свидѣтельскими показаніями, изъ которыхъ особенно выдѣляется своей эпической простотой показаніе Тимоѳея Спорыша, служившаго сторожемъ у Лисовскаго: „посылалъ меня, разсказываетъ Спорышъ, сотникъ Л—ій поздно ночью къ Волотчихѣ, чтобъ она къ нему пришла на ночь, а жена его сотничка въ тѣ числа была въ селѣ Бугриновцѣ. И какъ я къ ней пришелъ и дома ея Волотчихи не засталъ и, пришедъ, сказалъ ему сотнику, что ея дома нѣтъ, онъ послалъ меня шукати ее по шинкамъ и велѣлъ ее найти, гдѣ ни на есть, а къ себѣ привести, и далъ мнѣ грошей шестакъ. Искалъ я ее по многимъ шинкамъ, и тое-жъ ночи вы-

шелъ изъ кравецкаго шинку коморной сторожъ Андрей, и я его Андрея спросилъ про Волотчиху; Андрей сказалъ, что здѣсь пьетъ въ кравецкомъ дому и я велѣлъ Волотчиху выкликать; и какъ оная В—чиха ко мнѣ вышла и пошла со мною къ сотнику во дворъ, и привелъ къ нему въ свѣтлицу; и какъ привелъ къ нему въ свѣтлицу, сотникъ велѣлъ мнѣ въ сѣняхъ двери и окна позапирати и никого мнѣ пускать не велѣлъ; и съ оною В—чихою легли на постель, которую подъ нихъ я и слалъ, а меня выслалъ въ сѣни. Потомъ, мало згодивъ, кликнулъ меня въ свѣтлицу и поднесъ мнѣ стопу пива, а она В—чиха и онъ сотникъ ходили при мнѣ въ однихъ сорочкахъ и между собой перепивались и цѣловались. Потомъ, гуляючи, лягутъ на одной постелѣ, а меня вышлютъ въ сѣни, и такъ меня высылали изъ свѣтлицы раза со три. Передъ свѣтомъ онъ сотникъ велѣлъ мнѣ оную В—чиху проводить до двора ея и далъ ей семь щукъ рыбы да пукъ лучины сосновой, которую рыбу и лучину я до двора ея В—чихи и отнесъ. И такъ онъ Лисовскій посылалъ меня за В. по ночамъ два раза, какъ сотнички дома не бываетъ. И потомъ онъ Л—ій мнѣ говорилъ: „Ежели де ты про ее кому скажешь, то тебѣ дамъ сто кіевъ“.

Розыскъ Хрипунова обнаружилъ всѣ злоупотребленія Лисовскаго. Лишь только онъ начался, на удаленнаго въ Глуховъ сотника такъ и посыпались обвиненія въ самыхъ разнообразныхъ проступкахъ и преступленіяхъ. Новгородъ-Сѣверцамъ ужъ не въ моготу стало сотничество Лисовскаго и чуть не всѣ они просятъ, умоляютъ избавить ихъ отъ такого начальника. Ремесленники шевскаго цеха „просятъ смиренно освободить ихъ отъ его безчеловѣчнаго начальства; а ежели оной будетъ у насъ начальствовать, то мы всѣ, свои домы покинувши, мусимо розыйтись розно“; кравцы заявляютъ, что „домы братерскіе церковные спустѣютъ и мы всѣ изъ города поутекаемъ“; тѣмъже угрожаютъ Леско шапочникъ и В. Красовскій. Ткачи „рабски молятъ, да не впредь имъ таковое разореніе станетца“; погребскій казакъ Матвѣй—„дабы онъ Лисовскій болши надъ

нами не знучался здирствомъ"; Ив. Воротниченко изъ Рыкова— „абы скаранъ былъ и дабы вовся отъ сотничества отставленъ былъ"; Григорій Шепеличъ умоляетъ „весьма его сотника лишить"; даже маленькая Вася Іосифовна и та проситъ въ своемъ челобитьѣ „да не впредь намъ такого разоренія станется, удалити отъ насъ оного Лисовскаго". Іеромонахъ Гавріилъ въ концѣ своей жалобы восклицаетъ: „Умилосердись, пресвѣтлѣйшій монархъ, повели избавить насъ отъ такого мучителя". Люди всѣхъ классовъ, половъ и возрастовъ соединялись въ этомъ общемъ желаніи и, обнадеженные указомъ о розыскѣ, несли Хрипунову свои „плачливыя скарги" на досадившаго всѣмъ сотника.

На каждую изъ челобитныхъ Лисовскій писалъ оправданія, но эти оправданія представляли собой почти исключительно голое, ничѣмъ не доказываемое отрицаніе взводимыхъ на него обвиненій, и вызывало лишь „улику" челобитчика, въ которой обвиненіе повторялось съ еще большей силой, опираясь на новыя доказательства и раскрывая новыя подробности совершеннаго сотникомъ проступка[1]). Подавляющее большинство свидѣтельскихъ показаній было не въ пользу Лисовскаго за исключеніемъ нѣсколькихъ завѣдомо ложныхъ показаній свидѣтелей, лично зависѣвшихъ отъ него. Но онъ и не обращалъ, повидимому большого вниманія на отдѣльныя обвиненія: онъ хорошо зналъ, что ихъ слишкомъ много для того, чтобы можно было обѣлить себя совершенно. Лисовскій усвоилъ себѣ иной планъ защиты: онъ старался дискредитировать главныхъ зачинщиковъ обвиненія, Кутневскаго и К°, съ другой стороны—подчеркивалъ то обстоятельство, что онъ не составляетъ исключенія и что точно такимъ-же образомъ ведетъ себя вся малороссійская старшина; наконецъ, онъ не забывалъ какъ можно чаще упоминать, гдѣ слѣдуетъ, о своей вѣрности во время измѣны Ма-

[1]) Улика обыкновенно кончалась требованіемъ присяги: „вели ему Л—ому противъ сей моей улики присягнуть, а будетъ онъ присягать не станетъ, я въ томъ самъ присягну". Или: „то онъ сказалъ неправду" и въ томъ даю ему сотнику на душу". Или-же: „А буде въ чемъ по свидѣтельству разобрать не можно и дойдетъ до вѣры, и мы отдаемъ на вѣру ему сотнику, а ежели онъ въ томъ божитца не будетъ, и мы то беремъ себѣ на вѣру".

зепы и прислуживался Протасьеву, отъ котораго, какъ онъ хорошо понималъ, въ концѣ концовъ зависѣлъ исходъ пред принятаго розыска. Л—ій обращаетъ вниманіе Протасьева на то, что Кутневскій жалуется за другихъ, тогда какъ эти другіе сами-бы могли за себя жаловаться, если считали себя обиженными [1]); что Кутневскій для увеличенія числа челобитчиковъ „атаманью сельскую и прочіихъ людей кіевымъ принуждалъ боемъ“ и вмѣстѣ съ Пекалицкимъ разсылалъ по всей сотнѣ письма съ увѣреніемъ, что Л—ій больше не будетъ сотникомъ, и уговаривалъ въ виду этого всѣхъ бить на него челомъ [2]); даже отдѣльныя жалобы онъ старается объяснить наговорами враговъ; такъ, въ одномъ изъ своихъ оправданій онъ говоритъ: „а челобитчица Вася, шестолѣтная дѣвчина, и тая проситъ, чтобъ сотникомъ не былъ, и потому, знать, что все съ науки непріятелей моихъ то чинитца, и уже такіе младенцы будто изобижены бываютъ отъ меня“. Сами враги ослабляли значеніе своихъ обвиненій доносами вродѣ слѣдующаго: Лисовскій вылилъ колоколъ для линковской церкви, и на этомъ колоколѣ оказалась надпись: „Слитъ звонъ сей въ Новѣ-городку до села Линкова, до храму свѣтаго Архистратига Михаила стараніемъ его милости пана сотника новогородскаго Ѳедора Лисовскаго благомудраго и отъ враговъ непобѣдимаго, року аѱ҃з марта въ к҃“, а подъ этой надписью таинственныя буквы: „цы, покой, вѣди, вѣди, земля, ѳита, люди, слово, нашъ“. Кутневскій и Заруцкій убѣдили линковскаго попа написать въ своей челобитной [3]) объ этомъ колоколѣ, котораго онъ даже, по собственному признанію, хорошенько и не видѣлъ, такъ какъ колоколъ былъ привезенъ и повѣшенъ въ то время, какъ онъ служилъ обѣдню. Враги Лисовскаго настаивали, чтобы его допросили „подъ какимъ онъ прилогомъ непобѣдимымъ велѣлъ себя писати“ и что значатъ таинственныя литеры,—изображая его чуть не вторымъ Мазепою. Поднялось цѣлое дѣло, допросили и самого Л—аго и свидѣтелей, и въ результатѣ оказалось, что надпись

[1]) Св. 43 № 61.

[2]) Св. 41, № 51.

[3]) Св. 43, № 61.

сочинилъ безъ вѣдома сотника выливавшій колоколъ глуховскій звонникъ Александръ Карповъ; сдѣлалъ онъ это „съ простоты, хотя тѣмъ ему Л—ому прислужитца", за что и получилъ сверхъ условленной платы сапоги.

Лисовскій воспользовался также для своей защиты происшедшей во время розыска дракой между Андреемъ Пикулицкимъ (братомъ наказного сотника Парѳена) и сыномъ протопопа Андреемъ Заруцкимъ—съ одной стороны, и челядниками Лисовскаго—съ другой. У А. Заруцкаго собрались гости: Пикулицкій, маляръ Коробаненко и др.; пригласили въ качествѣ пѣвцовъ старшаго дьяка успенской школы Петра Ѳедорова и „молодиковъ" воскресенской школы Ивана Косого и Матвѣя[1]); приглашали также и дьяка этой школы Евстрата Семенова, но онъ не пошелъ, несмотря на двукратный зовъ протоповскаго сына. Гости засидѣлись до поздней ночи; потомъ, Заруцкій, Коробаненко и дьякъ Петръ по приглашенію Пикулицкаго отправились къ нему на хуторъ и, погулявши тамъ часа два, стали возвращаться въ городъ всѣ вмѣстѣ въ коляскѣ и верхомъ. При въѣздѣ въ городъ у подгулявшей компаніи погасла въ фонарѣ свѣчка. Петръ подъѣхалъ къ воскресенской школѣ, сталъ стучаться и просить огня; огня ему не дали. Тогда пришелъ Пикулицкій и сталъ кричать; школьникъ Иванъ Конотопецъ, „видѣвъ то ихъ напрасное нахожденіе въ школу, выбилъ Пикулицкаго изъ школы вонъ". Тотъ вернулся снова уже въ сопровожденіи Заруцкаго, и завязалась общая свалка, въ которой принимали участіе и дьяки, и школьники, и даже „кухаръ" воскресен. школы; Пикулицкій билъ дьяка саблей „плазомъ", но и самъ пострадалъ не мало: у него оказалась голова „испроломлена" и въ крови.

На шумъ изъ находившагося противъ школы двора Лисовскаго выбѣжалъ его слуга Денисецъ и сталъ бранить Заруц-

[1]) Школы устраивались при церквахъ и были въ то же время пѣвческими капеллами подъ управленіемъ старшаго дьяка—регента и учителя школы. Школы были очень распространены въ Малороссіи того времени: въ Новг.-Сѣв. ихъ было нѣсколько (въ излагаемомъ дѣлѣ упоминаются 3 школы). есть указаніе на существованіе школы въ селѣ Рыковѣ; среди челобитчиковъ и свидѣтелей попадаются грамотные мастеровые, челядники и простые козаки.

каго съ Пикулицкимъ; тѣ погнались за нимъ, но онъ спрятался во дворъ и оттуда сталъ ихъ „лаять и, стоячи на хворткѣ, сталъ ихъ къ себѣ звать: „подите де къ намъ на дворъ, будете-ли живы?!“ но они ему сказали: „мы де къ вамъ на дворъ не пойдемъ и бросили въ него полѣномъ“. Произошла новая драка, въ которой, разумѣется, досталось обѣимъ сторонамъ. Лисовскій и придрался къ этому случаю, по словамъ Заруцкаго „хотя отбыть иску отца моего и многихъ новгородцкихъ обывателей“; онъ представилъ все дѣло, какъ одинъ изъ моментовъ постояннаго гоненія на него его враговъ, и обвинялъ Заруцкаго и Пикулицкаго въ томъ, что они „въ ночной годинѣ на его дворъ многолюдствомъ три раза находили, ворота его ломали, дворъ въ конецъ разорили и малыхъ его дѣтей великимъ воплемъ пужали“ (самъ Лисовскій былъ все время розыска въ Глуховѣ, его жена съ маленькимъ ребенкомъ и родственницей Л—каго изъ Стародуба „дѣвкой Мариной, прозываемой Гирею“,—на хуторѣ Изруѣ; во дворѣ оставался только старшій сынъ сотника съ своимъ „инспекторомъ“ (гувернеромъ) Рожанскимъ.

Лисовскій не только силился доказать, что его преступленія преувеличены и раздуты его врагами, которые воздвигли на него гоненія, съ самаго перваго дня его появленія въ Новгородъ Сѣверскѣ. Онъ употреблялъ еще и другой, не лишенный своеобразнаго значенія, способъ оправданія. Отданный подъ судъ сотникъ не отрицалъ того, что за нимъ водятся кое-какіе грѣхи; но и другіе дѣлаютъ то-же самое: бывшій войтъ Степанъ Мажуга, еще до назначенія его сотникомъ „великія обиды и разоренія всенароднія чинилъ“, также поступали и бывшіе до него сотники [1]).

Въ другой своей челобитной (отъ 13 Марта 1719 г.) онъ говоритъ: „Ежели я одинъ въ Малороссіи, что въ моемъ розыску явилося, чинилъ, а въ другихъ сотняхъ того не чинятъ, о томъ да повели Ваше Царское Величество розыскать и ежели

[1]) Св. 46 №—81.

по розыску явится, что того въ иныхъ полкахъ и сотняхъ не чинятъ, и за то положить на меня штрафъ" [1]).

Повидимому, оправданія Лисовскаго достигали своей цѣли и положеніе его было вовсе не такимъ критическимъ, какъ можно было-бы думать. По крайней мѣрѣ, онъ чувствовалъ себя достаточно сильнымъ для того, чтобы затѣять ссору съ производившимъ розыскъ Хрипуновымъ. Онъ не только объявлялъ во всеуслышаніе въ домѣ Протасьева, что Хрипуновъ производитъ розыскъ неправильно, но отважился даже на угрозы самому Хрипунову: передъ отъѣздомъ изъ Новгородъ-Сѣверска по окончаніи (надо думать, вполнѣ благополучномъ) слѣдствія Ергольскаго, Лисовскій послалъ къ капитану Хрипунову своего слугу съ приглашеніемъ явиться и, зазвавши его такимъ образомъ въ свой домъ, „сталъ бранить и безчестить всякою неподобною бранью и грозилъ: увидишь де ты самъ, что я тебѣ при окончанію розыску учиню" [2]).

Въ мартѣ 1719 г. Лисовскій жалуется на то, что уже 6 мѣсяцевъ (съ сентября 1718 г., когда начался розыскъ) „пребываетъ безъ сотницкаго уряду", и ссылается на царскій указъ гетману, въ которомъ сказано, что его не могутъ смѣстить безъ такого же указа [3]), а 12 мая мы застаемъ его уже въ новгородъ-сѣверской сотнѣ, откуда онъ пишетъ Протасьеву: „самъ того ради до отдання уклону Вашему Превосходительству не ѣду, же на село Голубовку для драни Вашему Превосходительству потребной поѣхали" [4]).

Гетманъ посылалъ П. Пикулицкаго къ канцлеру гр. Головкину съ различными пунктами, среди которыхъ былъ и слѣдующій: „Дабы окончательный получить указъ на Ѳ. Лисовскаго,

---

[1]) Св. 42 № 21.

[2]) Св 42, № 29.

[3]) Св. 42, № 21.

[4]) Св. 42, № 32. Адресъ этого письма заслуживаетъ того, чтобы его привести цѣликомъ: „Пресвѣтлѣйшаго и Державнѣйшаго Великаго Государя нашего Его Царскаго Священнѣйшаго Величества ближайшему столнику Превосходительнѣйшему и Высокопочтеннѣйшему Его милости Господину Ѳедору Ивановичу Протасьеву мнѣ премилостивѣйшему Господину Господину и величайшему добродѣеви покорне".

бывшаго протопопу Гадяцкого, теперь сотника новгородскаго по челобитью многаго народа отъ его озлобленнаго и разореннаго, которыхъ озлобленій и разореній розыскъ черезъ превосходителнаго столника господина Ѳ. И. Протасьева выведенный и сюда присланный явныя документа свидѣтельствуетъ“ [1]). Но окончательный указъ пришелъ изъ Петербурга не скоро, а можетъ быть его и совсѣмъ не хотѣли давать пока. По крайней мѣрѣ изъ документовъ видно, что послѣ Хрипуновскаго розыска Лисовскому была возвращена хоругвь, и онъ опять водворился въ Новгородъ-Сѣверскѣ и тамъ далъ полную волю своей злобѣ противъ челобитчиковъ. Такъ В. Красовскій жалуется: „а опослѣ того розыску онъ, Л—ій, метячися на меня еще за тое, что я на ево билъ челомъ, приказалъ меня ухватить на ринку въ Новгородку и велѣлъ приволокти у свой дворъ и билъ меня тамъ чуть не до смерти. За тое моя жена била челомъ ясневельможному г. гетману на Лисовскаго, но онъ Л—ій той судъ гетманскій осмѣялъ и уничтожилъ; и въ тѣ поры стало мнѣ убытку рублей на 6, и онъ Лисовскій и паче сталъ на меня гонить, и, чтобъ меня убожества збавилъ, я мусилъ в людей взаймы взять два червонца и тѣ червонцы съ нуждою и нехотя ему Л—ому напастнику и грабителю отдалъ, боячися, чтобъ менѣ крайняго своево здоровя не лишитися [2]).

Если розыскъ Хрипунова и не привелъ ни къ какимъ рѣшительнымъ результатамъ и Лисовскій продолжалъ оставаться сотникомъ, то все-таки положеніе его послѣ этого значительно пошатнулось. Л—ій уже пересталъ быть для своего непосредственнаго начальства неприкосновенной особой, какую онъ представлялъ собой раньше. Уже въ іюнѣ 1719 г. по новымъ жалобамъ новгородъ-сѣверцевъ гетманъ рѣшился самъ назначить слѣдствіе надъ Л—имъ и снова отобралъ у него хоругвь [3]). Но своевольный сотникъ не переставалъ повторять, что онъ не подсуденъ гетману, не можетъ быть отставляемъ отъ уряда по его распо-

---

[1]) Св. 46, № 74.

[2]) Св. 48, № 38.

[3]) Лазар. 204—5.

ряженію безъ царскаго указа и требовалъ себѣ подорожной въ Петербургъ, чувствуя необходимость укрѣпить нѣсколько свое положеніе и удержать подъ собой почву, которая видимо начала колебаться и ускользать изъ-подъ него. Тогда Скоропадскій, очевидно, выведенный изъ себя, рѣшился на крайнія мѣры. Въ караульную избу былъ посланъ гетманскій гайдукъ Ѳедоръ за тремя гренадерами, которые и были отпущены ему бывшими на караулѣ офицерами полка Еропкина, предупрежденными заранѣе своимъ начальникомъ полковникомъ Шарфомъ. Гренадеры, предводительствуемые гайдукомъ, привели Лисовскаго къ гетману; ихъ поставили у крыльца, а Л—аго ввели въ гетманскую свѣтлицу и тамъ избили до полу-смерти: били обухами гетманскіе слуги съ господаромъ Ив. Перехристомъ во главѣ, „а бьючи причитали: отъ тобѣ московская вѣрность, тутъ-же и подорожная будетъ тобѣ на той свѣтъ". Потомъ гренадеры привели его въ караульню съ приказомъ держать его тамъ и никого къ нему не пускать. Избитаго сотника осматривалъ „цылюрикъ" и нашелъ, что голова у него повыше праваго уха разбита до кости (рана шириной съ вершокъ), на правомъ плечѣ пониже сустава рана, въ которую цырульникъ клалъ „кнотъ болши вершка"; правый бокъ отъ шеи до поясницы, рука отъ плеча до локтя, „на грудяхъ противъ серца и подъ грудьми и на брюхѣ", а также „ниже поясницы и стегна—все синя и багрова" [1]).

Несмотря на неудачу своей первой попытки побывать въ Петербургѣ и на то, что гетманъ скорѣе готовъ былъ дать ему

---

[1]) Св. 43, № 38. А. М. Лазаревскій, упоминая про жалобу Л—аго по поводу гетманской экзекуціи, говоритъ: „Все это, разумѣется, сказка, выдуманная самимъ Л—имъ, разсчитывавшимъ, что слова о „московсквй вѣрности" будутъ приняты на вѣру и произведутъ свое дѣйствіе. Скоропадскій до такой степени боялся Лисовскаго, что и „на армату" не смѣлъ-бы его посадить": (Оп. Ст. Мал. стр. 205, прим. 342). Слова о „московской вѣрности", очень можетъ быть, выдуманы самимъ Лисовскимъ, но фактъ экзекуціи тѣмъ не менѣе не можетъ подлежать никакому сомнѣнію: въ этомъ удостовѣряютъ бывшіе у насъ подъ руками документы, среди которыхъ находится не только жалоба Л—аго, но и показанія караульныхъ офицеровъ—поручика Карачанинова и прапорщика Малѣева, а также медицинскій осмотръ съ перечисленіемъ найденныхъ на тѣлѣ Л—аго ранъ и увѣчій. Произошло описываемое событіе въ іюнѣ или іюлѣ 1719 г.

подорожную на тотъ свѣтъ, чѣмъ въ Петербургъ, Л—ій все-таки очутился въ столицѣ въ началѣ 1721 г. 24 іюня этого года онъ уже писалъ Государю челобитную въ компаніи съ не-уступавшими ему въ злоключеніяхъ Потапомъ Пискуненкомъ, бывшимъ воронежскимъ сотникомъ, и Андреемъ Колбасой, бывшимъ полковникомъ компанейскимъ. Вотъ что писала эта достойная тройца въ своемъ челобитьи: „Мы нижеименованные рабы Вашего Царскаго Величества, пожалованные за вѣрность нашу въ измѣну Мазепину, многія и нестерпимыя обиды и разоренія и крайнее гоненіе безвинно претерпѣваемъ; именные указы Вашего Ц. В. испразднившіе, отъ урядовъ нашихъ отдалены и многое время безъ своихъ командъ въ гоненіи, въ розореніи и въ нестерпимой бѣдѣ пребываемъ, чего не могучи стерпѣти и съ нуждою нашею мусили въ Санктъ-Петербурхъ прибывши дерзнули просити милости въ ыностранной коллегіи объ обидахъ нашихъ, какія на пунктахъ при челобитью изображены, понеже въ тѣхъ-де нашихъ обидахъ и разореніяхъ подавали мы челобитныя и пункты свѣтлѣйшему князю (Меншикову), будучему прошлого году въ Украинѣ, въ которомъ въ нашемъ челобитьѣ и разореніи и испражненые урядовъ нашихъ просимъ Вашего Ц. В. премилостивѣйшаго милосердія, Всемилостивѣйшій Государь, да повелитъ Державство Ваше въ тѣхъ нашихъ обидахъ и разореніяхъ послать отъ гвардіи Вашего Ц. В. офицера праведно розыскать“ [1]).

Мы не знаемъ, по доброй-ли волѣ попалъ Лисовскій въ Петербургъ (какъ это можно заключить изъ вышеприведенной челобитной), или-же его вызвали туда вслѣдствіе жалобъ гетмана и новгородцевъ Меньшикову въ 1720 г. [2]) а также дѣла, поднятаго первой женой Лисовскаго, Пелагеей Улѣзковной; во всякомъ случаѣ пребываніе Л—аго въ Петербургѣ было роковымъ для него. Услышавши про розыскъ Хрипунова, Пелагея подала Протасьеву челобитную, въ которой жалуется на Лисовскаго, что онъ „назадъ тому лѣтъ 15 принялъ зо мною шлюбъ

---

[1]) Св. 48, № 31.

[2]) См. Лазарев. 205.

и, имѣніе, якое мѣламъ отъ родителей своихъ, похитивши, утеклъ отъ мене; а я, скитаючися черезъ тое время, сохраняючи дѣвство свое, ожидаючи его Л—аго ку себѣ возвращенія, которого-же не могламъ дождатися, а прочувши по долгомъ исканю, что онъ Лисовскій послѣ протопопства гадяцкого сталъ сотникомъ у Новгородку, писаламъ до него, ознаймуючи о своей чеканкѣ, а до того сожалѣючи своего имѣнія, имъ взятого". Лисовскій отвѣчалъ ей на это приглашеніемъ: „абымъ до его на футоръ Узруй пріѣхала для повѣданія къ розговору для нѣякого. Не познавши хитрости, у писмахъ его прелесныхъ вираженной, когда пріѣхаламъ до его на футоръ, надѣючись нѣякой отрады себѣ получити, онъ Л—ій не памятаючи на боязню Божую, поцтивости мене, до того времени хранимой, ускловне позбавилъ". Она проситъ „въ томъ приказать и разыскать, а по розыску святую христіанскую подлугъ артикуловъ правнихъ, з его Л—аго учинити справедливость" [1]). Но справедливости Пелагея не скоро добилась. „Съ криваво плачливыми моими слезами, пишетъ она въ другой своей челобитной, бью я челомъ Вашему благородію и прошу суду изъ своего мужа Лисовскаго; отъ его и многихъ укоризнъ претерпѣваю и посмѣянія людского; ижи-бы онъ большей мене не изводилъ и на ...аляцію не откладалъ, што и по сихъ мѣстъ не получиламъ отъ Вашего Високородія ни жадной справи изъ Л—аго своего мужа, и его ни разу не вѣдѣла управи изъ собою предъ вашимъ благородіемъ. Когда-жъ онъ не склоненъ и не слушаетъ благородія вашего на право изо мною стати, то изволте в. б. мнѣ причинный листъ, написанный до Царскаго Величества, нѣмъ тамъ получу отъ Его Ц. В. милость и право на своего мужа Л—аго, поневажъ то я и самому ясневельможному пану гетману являлась и въ суду енералного прохаламъ права на его, не получиламъ тилко. Ваше благородіе, изволте мене отпустити до Санату у Питенбурхъ, про що и я за щасливое ваше благородіе должна зостаю Господа Бога благати до конца живота своего. Вашему бла-

---

[1]) Св. 43, № 58.

городію всенижайшая подножка Пелагія Степановна Лисовская" [1]).

Наконецъ, несчастной Пелагеѣ удалось пробраться въ Моску, гдѣ по ея жалобѣ и подняли дѣло о двоеженствѣ Лисовскаго. Синодъ рѣшилъ разлучить Л—аго со второй женой, но тотъ не соглашался разстаться съ Ксеніей и принять Пелагею, за что отданъ былъ „тамъ въ Москвѣ въ святѣйшій синодъ подъ крѣпкій караулъ и оттоль отосланъ, въ нѣкоторыхъ важныхъ причинахъ, къ слѣдованію въ преображенскій приказъ, гдѣ вскорѣ и животъ свой окончилъ" [2]).

Ѳедоръ Лисовскій своей шумной и безпокойной дѣятельностью оставилъ нѣкоторый слѣдъ и въ современной ему литературѣ. Среди документовъ, относящихся къ Лисовскому, намъ попались два „пашквѣля", которые могли-бы служить превосходной эпитафіей на могилѣ этого многострадальнаго искателя приключеній, всю жизнь свою неустанно трудившагося надъ созиданіемъ своего собственнаго благополучія. Вотъ эти пасквили:

Въ тисячи семъ сотъ пятомнадцеть годѣ
Отпалъ отъ Христа попъ въ украинскомъ родѣ,
Ѳедоръ Лисовскій, новъ заблужденній
Бога чужденній
Сый, живий въ мирѣ Бога не бояся,
Блудилъ безчинно, людій не срамляся;
Три жены имѣвши, коснулся на священство.
Ахъ, безпеченство.
Санъ апостольскій взяти недостойнѣ
О, како дерзнулъ, живый своевольнѣ!
Се, вторый Іюда ниве наречеся
Свѣту промчеся.
Хто, живя въ градѣ, противится власти,
Такій не увойдетъ злой ему напасти;
Тако Лисовскій, надѣяся на языкъ,
Жемати извыкъ,
Ровъ копалъ многимъ, яко пишетъ Давидъ,
Самъ въ яму упалъ и посрамилъ свой видъ.
Гдѣ честь священства дерзнулъ, малоумной,
Зри, о безумной!

---

[1]) Св. 43, № 58.

[2]) Донесеніе въ 1722 г. Жураховскаго, епископа черниговскаго, въ генеральную канцелярію. Лазарев. 206.

Лучше-бы тебѣ утратити гла́ву
Нѣжъ іерейства загладити славу.
Слави искалъ еси и мірскія власти,
А не душу спа́сти.
Воровство въ тебѣ зѣло ся вплодило
Заздрость очію въ погибель водило,
Блуду бо еси и лжи исполнился,
Ахъ, нахопился.
Монархъ хотѣлъ еси, плуте, ошукати;
Побѣгъ въ Пѣтербурхъ пановъ удавати.
Господиномъ попамъ осторогу давъ,
Абы на тое кождый з нихъ не дерзалъ,
Ложныхъ свидѣтелствъ си воздержали
И не глаголя́ли.
Горе человѣку, имъ-же кто вдается:
Таковый-бо, вѣмъ, да и не спасется.
Горе безумне таковой твоей славѣ
Безчинной гла́вѣ.

Второй пасквиль состоитъ всего изъ трехъ строкъ, раздѣленныхъ каждая на двѣ риѳмующихъ между собой половины:

Отче Лѣсовскій, плаче кнутъ московскій
По твоей шкурѣ, навсть по бандурѣ.
Возьмешь, небораче, ни попе, ни козаче [1]).

С. Моравскій.

[1]) Св. 48, № 19. Лисовскій представляетъ при челобитной копіи этихъ пасквилей съ заявленіемъ, что оригиналы переданы ему Протасьевымъ; „а отъ кого его благородіе тые пашквѣли получилъ, самъ онъ изволитъ донести“. Въ концѣ стоитъ приписка Л—го: „повторной сей пашквѣлъ выданъ канцеляриѣ войсковой въ поруганіе мнѣ; а писалъ своею рукою канцеляриста войсковой Ханенко; а мнѣ подалъ сей пашквѣлъ Иванъ Суденко, житель и знатной казакъ новгородской при пану Захаріи Гапоненку въ девятую суботу“. Помѣчено 14-мъ февраля 1721 г.

Нѣсколько соображеній къ вопросу о князѣ Турѣ.

Двѣ строки лѣтописи, что Туръ пришелъ вмѣстѣ съ Рогволодомъ изъ-за моря и отъ него прозвались туровцы[1]), не могутъ, казалось-бы, обращать на себя большаго вниманія. Князь Туръ ни разу болѣе въ лѣтописи не упоминается,—ясное доказательство, что сколько—нибудь важной роли въ событіяхъ нашей исторіи онъ не игралъ. „Пришелъ изъ-за моря" и больше ничего. Конечно, можно, имѣя одно это извѣстіе, говорить, что онъ былъ призванъ кривичами или дреговичами, или покорилъ ихъ съ своими дружинниками, сталъ въ вассальныя отношенія къ князю полоцкому,[2]) насаждалъ среди жителей лѣсовъ и болотъ культуру. Все это будетъ не болѣе какъ историческая гипотеза, и при томъ основанная лишь на одномъ глухомъ лѣтописномъ извѣстіи и слабыхъ аналогіяхъ. Говорить о значеніи князя въ политическихъ событіяхъ едвали возможно по неимѣнію для этого какихъ-либо данныхъ. Одно глухое извѣстіе дать ничего не можетъ. Эта глухость, мимолетность упоминанія заставляетъ историка видѣть здѣсь отголосокъ народныхъ преданій, но при этомъ столь отдаленныхъ по времени, что даже въ моментъ составленія лѣтописи изъ нихъ осталось только одно, что въ Туровѣ былъ Туръ. Но разъ только преданіе было, то историкъ обязанъ съ нимъ считаться, постараться его себѣ уяснить, основываясь на той простой аксіомѣ, что никакое народное преданіе не существуетъ безъ историческаго

[1]) Лаврентьев. Лѣтоп. Спб. 1872 г. стр. 74.

[2]) Завитневичъ. „Область Дреговичей, какъ предметъ археологическаго изслѣдованія". Труды Кіев. Духовн. Академіи. 1886 г., № 8 стр. 587—588.

основанія, затемненнаго временемъ, устной передачей, наслоеніями и народной фантазіей. Отыскать эту историческую основу преданія интересно хотя-бы только потому, что она можетъ уяснить изслѣдователю культурныя отношенія въ тотъ періодъ времени, до котораго не хватаетъ взоръ исторіи. Своими собственными силами историкъ въ данномъ случаѣ справиться, конечно, не можетъ, и необходимо прибѣгнуть къ содѣйствію изслѣдователей въ другихъ родственныхъ исторіи областяхъ знанія.

Едвали можно сомнѣваться въ томъ, что мы имѣемъ въ извѣстіи о Турѣ дѣло съ народнымъ преданіемъ. Брать преданіе цѣликомъ, въ томъ видѣ, какъ оно доходитъ до насъ изъ устъ народа, какъ оно есть въ лѣтописи, куда занесено лѣтописцемъ также изъ этого источника,—нѣтъ никакого основанія. Попытки оправдать это лѣтописное извѣстіе другими доказательствами едвали могутъ привести къ прочнымъ результатамъ. Отыскивая имя „Туръ", или лучше его созвучіе, въ скандинавской миѳологіи, приравнивая его къ имени „Торъ", имени бога грома [1]), для доказательства заморскаго происхожденія туровскаго князя. Сторонники теоріи славянскаго происхожденія русскихъ князей утверждаютъ, что имя „Туръ" чисто славянское. Въ самомъ дѣлѣ, странно было-бы принимать сближеніе „Туръ" и „Торъ" когда у поляковъ мы находимъ имя Туръ, у чеховъ, у сербовъ точно также, какъ и вообще имена, Туровъ, Турецъ, Туръ и Туры суть древнѣйшія славянскія наименованія мѣстъ и людей [2]). Соблюдая строгую послѣдовательность, послѣдователямъ первой гипотезы необходимо утверждать, что всѣ эти Туры—чехи, сербы и поляки—имѣли своими предками скандинавовъ, и что разсыпанныя на огромномъ пространствѣ славянской земли рѣчки Туровица, Турья, Турова, урочища Турово, Турье и т. д., ведутъ, по имени, свое происхожденіе отъ скандинавскаго Тора. Но это уже абсолютно невозможно. Пожалуй, можно тутъ выйти изъ затрудненія смѣлымъ утвержденіемъ, что всѣ эти Турьи и

---

1) Kunik. Die Berufung der schwedischen Rhodsen. II, s. 148—153.

2) Гедеоновъ. Варяги и Русь. I, стр. 247.

т. д. сами по себѣ, и прозвались отъ нашего звѣря тура, а туровскій князь носилъ имя скандинавскаго бога Тора, но, конечно, это будетъ только новая смѣлая гипотеза. Отдѣлять Туровъ дреговецкій отъ Турова сѣверянскаго, бывшаго вблизи города Воргола [1]), и считать ихъ имена разнаго происхожденія, по нашему мнѣнію, нѣтъ ни малѣйшаго основанія. Въ той-же приблизительно мѣстности, гдѣ находится Туровъ, существуетъ р. Турья и городъ Турійскъ [2]). Производство тутъ вполнѣ ясное: Турійскъ отъ Турьи, а Турья отъ тура; Туровъ непосредственно отъ тура, очевидно, отъ того-же самаго, отъ котораго происходитъ и Турья, а не отъ скандинавскаго. Наконецъ, около самаго Турова, по преданію, рѣчка называлась нѣкогда Туры [3]). Очевидно, эти топографическія названія такого же происхожденія, какъ Оленья рѣка, Медвѣжья рѣка и т. д., и получили свое прозваніе отъ того самаго звѣря, о которомъ Владиміръ Мономахъ говоритъ: „тура мя два метала на розѣхъ, и с конемъ олень мя одинъ болъ, и два лоси одинъ ногама топталъ, а другый рогама болъ...“ [4]). Это мѣсто поученія Мономаха весьма важно. „А изъ Чернигова вышедъ, и д.... о лѣта по сту уганивалъ и ....*кромѣ Турова*, иже со отцемъ ловилъ всякъ звѣрь“, разсказываетъ онъ раньше, затѣмъ передаетъ о ловлѣ дикихъ въ Черниговской области [5]), послѣ чего слѣдуетъ вышеприведенный отрывокъ объ охотѣ на туровъ, оленей, лосей и т. д. по преимуществу, около Турова. Такимъ образомъ оказывается, что именно въ окрестностяхъ Турова было главное мѣсто княжеской охоты на туровъ. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что тутъ мы находимъ и Турью рѣку, и городъ Туровъ. Послѣдователи теоріи славянскаго происхожденія русскихъ князей, доказывая славянство имени „Туръ“, не приводятъ однакоже

---

[1]) Барсовъ. Матерьялы для историко-географич. словаря Россіи. Вильно. 1865 г. стр. 202.

[2]) Ibidem, стр. 202; Андріяшевъ. Очеркъ исторіи Волынской земли. Кіевъ. 1887 г. стр. 58.

[3]) „Творенія святого отца нашего Кирилла Туровскаго“. Кіевъ. 1880 г. стр. II, примѣч.

[4]) Лавр. Л. стр. 242.

[5]) Ibidem.

никакихъ подтвержденій извѣстію лѣтописи о князѣ туровскомъ, принимая этотъ фактъ какъ дѣйствительный, а между тѣмъ прежде всего и слѣдовало-бы доказать несомнѣнность этого извѣстія, а потомъ уже объяснять происхожденіе самаго имени.

Едвали можно найти какія-нибудь другія данныя для доказательства существованія князя Тура кромѣ этого единственнаго, крайне глухаго, лѣтописнаго извѣстія. На нашъ взглядъ, названіе Туровъ, какъ я раньше указывалъ, произошло отъ обилія въ данной мѣстности дикаго звѣря тура. Но является вопросъ, какъ могло явиться самое преданіе о князѣ Турѣ? Я позволю себѣ въ настоящей небольшой замѣткѣ представить нѣсколько соображеній по этому вопросу, не придавая имъ никакого рѣшающаго значенія, соображеній, которыя, можетъ быть, вызовутъ другихъ излѣдователей высказать нѣсколько новыхъ мнѣній о разбираемомъ лѣтописномъ извѣстіи и сообщить новыя данныя для его объясненія.

„А Туры (имяше власть) Туровѣ, отъ негоже и Туровци прозвашася". Прежде всего ясно, что туровци прозвашася не отъ тура, а отъ Турова, какъ черниговцы отъ Чернигова, ростовцы отъ Ростова. Имя Туровъ взято отъ Тура, т. е., вѣрнѣе по имени города „Туровъ" могли найти основателя его Тура. Аналогичное явленіе данному мы находимъ въ прозваніи города Кіева отъ Кія, который, по однимъ преданіямъ, былъ тоже мѣстный князекъ, по другимъ, перевозчикъ черезъ Днѣпръ [1]). Историческая критика не можетъ признать этого Кія лицомъ дѣйствительнымъ, а относитъ его къ патронимическимъ [2]) героямъ. Въ этомъ случаѣ заключенію историка помогаютъ подробности разсказа о трехъ братьяхъ, о ихъ сестрѣ Лыбеди. Такихъ подробностей въ разсказѣ о Турѣ нѣтъ; это обстоятельство вполнѣ объясняется: мы имѣемъ лѣтопись полянскую, которая, конечно, знаетъ преданія Полянъ, но могла не знать преданій другихъ племенъ. Она не знаетъ многихъ преданій новгородскихъ и глухо передаетъ преданіе туровское, т. е., дря-

---

[1]) Лаврен. Л. стр. 8—9.

[2]) или эпонимическимъ, какъ считаетъ правильнымъ В. Б. Антоновичъ.

говицкое. Самое преданіе о Рогволодѣ и Рогнѣдѣ, по нашему мнѣнію, несомнѣнно сѣвернаго, а не южнаго, происхожденія, о чемъ мы скажемъ подробнѣе нѣсколько ниже. Что тамъ, въ Дряговицкой или Полоцкой землѣ, какъ на югѣ о Кіѣ, преданія варьировались и о Турѣ, лучшимъ доказательствомъ служитъ извѣстіе архангелогородскаго лѣтописца, который говоритъ: „а братъ его (Роговолода) Тыры имяше Туровъ“ [1]). Существовалъ, значитъ, варіантъ, по которому Туръ являлся братомъ Рогволода. Почему преданіе, связанное съ городомъ Туровомъ, причислявшимся въ историческое время къ Кіевской области, могло сохраниться въ бо́льшихъ подробностяхъ среди преданій полоцкихъ, а не кіевскихъ, объясняется, можетъ быть, тѣмъ, что дряговичи области туровской съ полнымъ подчиненіемъ Кіеву скорѣе утратили эти преданія, а дряговичи, отошедшіе къ Полоцку и образовавшіе потомъ у себя самостоятельныя княжества, могли съ бо́льшимъ успѣхомъ сохранить свои племенныя традиціи. Этому могло способствовать и еще одно обстоятельство чисто политическаго характера.

Преданіе о Турѣ, какъ извѣстно, является мимолетной вставкой въ преданіи о Рогнѣдѣ [2]). Послѣднее, несомнѣнно, сѣвернаго происхожденія, а не южнаго. Доказательствомъ можетъ служить тотъ фактъ, что первоначальная лѣтопись совершенно ничего не знаетъ о судьбѣ Рогнѣды послѣ выхода ея замужъ за Владиміра, но про это знаютъ сборники сѣверные, какъ

---

¹) Лѣтописецъ. Въ Москов. типографіи. 1781 г. стр. 23.

²) Преданіе о Рогнѣдѣ ни разу не подвергалось полному разбору. Ни ученые, занимавшіеся разработкой лѣтописей, ни историки, не старались выяснить смыслъ этого преданія. Правда, находили въ немъ черты общія съ нѣкоторыми былинами о Владимірѣ (см. Миллера. „Илья Муромецъ и богатырство кіевское“, Спб. 1869 г., стр. 368, 369, 370), съ поэмами западно-европейскими (см. Кирпичникова: „Поэмы ломбардскаго цикла“, Москва 1873 г., стр. 161 и слѣдующая). Наиболѣе глубокій анализъ преданія о Рогнѣдѣ сдѣланъ Костомаровымъ въ статьѣ „Преданія первоначальной русской лѣтописи“ (Историч. монографіи т. XIII, стр. 172 и слѣд.). Недавно г. Довнаръ-Запольскій въ своемъ „Очеркѣ Кривичской и Дреговичской земель до конца XII столѣтія (Кіевъ 1891 г.) посмотрѣлъ на это преданіе съ надлежащей точки зрѣнія, хотя и невѣрно, по нашему мнѣнію, объяснилъ его смыслъ, остановившись на одномъ его пунктѣ.

Лаврентьевская лѣтопись, Тверская, въ которые, очевидно, вошли преданія мѣстныя полоцкія [1]). Когда преданіе о Рогнѣдѣ

[1]) Вотъ отрывки повѣсти о Рогнѣдѣ, какъ они сохранились въ нашихъ лѣтописяхъ. „И посла (Владиміръ) ко Рогъволоду Полотьску, глаголя: хочю пояти дщеръ твою собѣ женѣ". Онъ же рече дщери своей: „хочеши ли за Володимера?" она же рече: „не хочю разути рабичича, но Ярополка хочю". Бѣ бо Рогъволодъ прішелъ изъ заморья, имяше власть свою въ Полотьскѣ, а Туры Туровѣ, отъ него же и Туровци прозвашася. И придоша отроцы Володимеровы, и повѣдаша ему всю рѣчь Рогънѣдину, дщери Рогъволожѣ, князя Полотьскаго; Володимеръ же собра вои многи, варяги и словѣни, чюдь и кривичи, и поиде на Рогъволода. В се же время хотяху Рогнѣдь вити за Ярополка; и приде Володимеръ на Полотескъ, и уби Рогъволода и сына его два, и дъчерь его поя женѣ, и поиде на Ярополка". (Первоначальная лѣтопись; Лавр. лѣт., изд. 1872 г., стр. 74) „О сихъ же Виславичахъ ище есть, яко сказаша вѣдущии, преже: яко Роговолоду держащю и владѣющю и княжащю Полотьскую землю, а Володимеру сущю Новѣгородѣ, дѣтьску сущю, еще и погану, и бѣ у него уй его Добрыня воевода, и храборъ и наряденъ мужь; и сь посла к Роговолоду и проси у него дщере его за Володимера. Она же рече: „не хочю разути рабичича; но Ярополка хочю"; бѣ бо Роговолодъ пришелъ изъ заморья, имѣяше волость свою Полтескъ. Слышавъ же Володимеръ, разгнѣвася о той рѣчи, аже рече: „не хочю я за рабичича"; пожалися Добрына и исполнися ярости, и поемъша вои и идоста на Полтескъ и побѣдиста Роговолода. Рогъволодъ же вбѣже в городъ, и приступивъше к городу, и взяша городъ, и самого князя Роговолода яша, и жену его и дщерь его; и Добрына поноси ему и дщери его нарекъ ей рабичица, и повелѣ Володимеру быти с нею предъ отцемь ея и матерью. Потомъ отца ея уби, а саму поя женѣ и нарекоша ей имя Горислава; и роди Изяслава. Поя же пакы ины жены многы и нача ей негодовати. Нѣколи же ему пришедшю к ней и уснувшю, хотѣ и зарѣзати ножемь; и ключися ему убудитися, и я ю за руку. Она же рече: „сжалилася бяхъ, зане отца моего уби и землю его полони, мене дѣля, и се нынѣ не любиши мене и съ младенцемъ симь". И повелѣ ей устроитися во всю тваръ цесарьскую, яко же в день посяга ея, и сѣсти на постели свѣтлѣ въ храминѣ, да пришедъ потнеть ю; она же тако створи, и давши мечь сынови своему Изяславу в руку нагъ, и рече: яко внидеть ти отець, рци выступя: „отче еда единъ мнишися ходя?" Володимеръ же рече": а хто тя мнѣлъ здѣсь?" и повергъ мечь свой, и созва боляры, и повѣда имъ. Они же рѣкоша: „уже не убий ея, дѣтяти дѣля сего, но въздвигни отчину ея и дай ей с сыномъ своимъ". Володимеръ же устрои городъ, и да имя, и нарече имя городу тому Изяславль. И оттолѣ мечь взимають Роговоложи внуци противу Ярославлимъ внукамъ". (Užд. лѣт. по Лавр. списк. Изд. 1872 г., стр. 284—285).

„Владимеръ же просвѣщень сый самь и сынове его святымъ крещеніемъ, посла къ женѣ своей Рогнѣди, глаголя сице: „азъ убо отнынѣ крещень есмь, и пріяхъ вѣру и законъ христіанскій; подобааше ми едину жену имѣти, еюже пояхъ въ христіанствѣ; избери убо себѣ отъ велможъ моихъ, его же хощеши, да съчетаю тя ему". Она же отвѣщавши, рече ему: „или ты единъ хощеши царствіе земное и небесное въспріати, а мнѣ маловременнымъ симъ и будущаго дати не хощеши;

получило въ Полоцкѣ окончаоельную редакцію? Кажется, на этотъ вопросъ можетъ быть данъ почти категорическій отвѣтъ. Замѣтимъ прежде, что въ Ипатьевской лѣтописи въ цѣломъ видѣ этого преданія нѣтъ. Оно вставлено въ Лаврентьевскомъ сборникѣ подъ 1128 г. В лѣто 6636. Преставился князь Полотьскый Борисъ. В се же лѣто бысть вода велика, потопи люди и жита, и хоромы унесе. Все же лѣто преяша церковь Дмитрия Печеряне и нарекоша ю Петра, съ грѣхомъ великимъ и неправо. В то же лѣто заложи церковь Мьстиславъ князь камену святаго Ѳеодора. О сихъ же Всеславичѣхъ сице есть, яко сказаша вѣдущии, преже: . . . . (слѣдуетъ разсказъ о Рогволодѣ и Рогнѣдѣ).

В лѣто 6637 (1129). Преставися Ярославъ Святославичь Муромѣ. В то же лѣто преставися Михалко Вячеславичь. В то же лѣто поточи Мстиславъ князи Палотьскыѣ Цесарюгороду, с женами и с дѣтьми" [1]). Въ лѣтописи по Ипатскому списку подъ 1129 годомъ читаемъ: „Преставися князь Полотьскый Борисъ. Все же лѣто бысть вода велика, потопи люди и жито и хоромы снесе. Того же лѣта заложи Мстиславъ церковь камену святаго Федора, в Киевѣ, сынъ Володимерь". Другихъ извѣстій никакихъ здѣсь нѣтъ. Подъ 1130 г. говорится о ссылкѣ полоцкихъ князей въ Грецію съ интереснымъ

ты бо отступи отъ идольскыа прелести въ сыновленіе Божіе, азъ же бывъ царицею не хощу раба быти земному цару ни князю, но уневѣститися хощу Христови, и въспріиму аггелскый образъ". Сынъ же еа Ярославь сѣдяше у неа, бѣ бо естествомъ таковь отъ роженіа, и слыша глаголы и отвѣты матери своеа къ Володимеру; и въздхнувь, съ плачемъ глагола матери своей: о мати моа, въ истинну царица еси царицамь и госпожа госпожамь, яко въсхотѣ измѣнити славу нынѣшнего вѣка будущею славою, и не въсхотѣ со высоты на нижняа съступити, тѣмже блаженна еси въ женахъ. И отъ сего словесы Ярославь въста на ногу своею и хождааше, а прежде бо бѣ не ходиль. Рогнѣдь же сіа изрекши, пострижеся въ мнишескый образъ, наречено бысть имя ей Анастасіа". (Тверской Сборникъ. П. С. Р. Х., т. XV стр. 112—113).

В лѣто 6508 (1000) . . . . В се же лѣто преставися и Рогънѣдь мати Ярославля" (Лавр. лѣт., стр. 126; Ипатьевск. лѣт., изд. 1871 г., стр. 89; Тверс. Сборникъ, стр. 121; Никоновск. лѣт., изд. 1767 г., ч. I, стр. 111, подъ 1002 г.).

[1]) Лавр. Лѣт., стр. 286—287.

прибавленіемъ: „еже приступиша хрестьное целованіе“ [1]). Замѣчательно, что ни въ Лаврентьевской, ни Никоновской, ни Тверской лѣтописи послѣдняго объясненія нѣтъ, и только въ одной Воскресенской, составитель которой пользовался несомнѣнно и южными лѣтописями, сказано не ясно: „за ослушаніе“ [2]). Изъ этого сопоставленія лѣтописныхъ извѣстій прежде всего видно, что 1) на югѣ въ полномъ видѣ преданіе о Рогнѣдѣ не было извѣстно, потому что въ противномъ случаѣ оно вошло бы и въ Ипатьевскій сборникъ; 2) на югѣ всю вину борьбы между кіевскими князьями и полоцкими складываютъ на послѣднихъ, смотря на дѣло съ точки зрѣнія централизаціонной политики; 3) въ Лаврентьевскомъ сборникѣ преданіе является вставкой, безъ связи, не у мѣста, ибо не смерть Бориса полотскаго вызвала воспоминаніе о Рогнѣдѣ, тѣмъ болѣе, что какъ мы видѣли, преданіе это отдѣлено отъ извѣстія о Борисѣ другими посторонними сообщеніями. Далѣе, Лаврентьевская лѣтопись писана до 1156 г. въ Переяславлѣ южномъ, а съ этого года рѣзко переносится на сѣверъ, въ землю суздальскую; окончательная-же редакція этого компилятивнаго сборника сдѣлана, по всей вѣроятности, въ Твери [3]). Если-бы преданіе о Рогнѣдѣ было южнаго происхожденія и если бы оно было занесено въ лѣтопись еще въ Переяславлѣ южномъ, то въ такомъ случаѣ мы нашли бы его и въ южномъ изводѣ, т. е., въ лѣтописи Ипатьевской. Слѣдовательно, преданіе о Рогнѣдѣ внесено въ Лаврентьевскій сборникъ на сѣверѣ изъ какого-нибудь сѣвернаго-же источника. Въ то время какъ между Кіевомъ и Полоцкомъ существуютъ натянутыя отношенія, между Полоцкомъ и другими сѣверными областями особой враждебности мы не видимъ. Мы можемъ даже предполагать, что споры изъ-за границъ между полоцкими и смоленскими князьями, старая традиціонная вражда между Изяславичами и Мстиславичами, устанавливали нѣкоторую дружественную связь между Изяславичами и Юрьевичами. Вотъ почему,

---

[1]) Ипатьев. Л., стр. 211.

[2]) Лавр. Л., стр. стр. 285—6; Никон. Л. ч. I, стр. 64; П. С. Р. Л. т. XV стр. 195; Ibidem, т. VII, стр. 29.

[3]) Указанія на это—въ самой лѣтописи.

когда кіевская лѣтопись объясняетъ разгромъ полоцкихъ князей тѣмъ, что они „приступиша хрестьное целованіе“, лѣтопись суздальская стремится сгладить дѣло. Она не упоминаетъ ни о стремленіяхъ кіевскихъ князей, ни о „непослушаніи“ князей полоцкихъ, а сваливаетъ все на рокъ, на неизбѣжность вражды между двумя княжескими домами—Изяславичей и Ярославичей. „*Оттоль*, говоритъ она, мечь взимають Роговоложи внуци противу Ярославлимъ внукомъ“. Рогнѣда хотѣла зарѣзать Владиміра; Владиміръ хотѣлъ убить Рогнѣду, и вотъ эта-то кровавая черта должна проходить и въ отношеніяхъ Изяславичей и Ярославичей. Составитель Лаврентьевскаго сборника, сборника все-же писаннаго въ предѣлахъ Ярославичей, къ которымъ принадлежали и Юрьевичи, взялъ это преданіе изъ лѣтописей полоцкихъ [1]) и втиснулъ его подъ 1128 годомъ среди другихъ извѣстій, неимѣющихъ съ нимъ никакой связи, придавъ ему приведенный выше конецъ, стараясь оправдать и Изяславичей и Ярославичей. Но очевидно, что въ самой полоцкой землѣ смотрѣли на дѣло иначе. Первая четверть XII в. есть время самаго сильнаго стремленія князей кіевскихъ подчинить своей власти князей полоцкихъ. Идетъ отчаянная борьба, но, къ несчастью, глухо отразившаяся въ лѣтописи, писанной въ предѣлахъ Ярославичей. Насколько она была интензивна, видно изъ ссылки полоцкихъ князей за предѣлы Руси въ 1129 году [2]). Вотъ въ это-то печальное для полоцкой области время и получило окончательную свою редакцію преданіе о Рогнѣдѣ. Владиміръ нарушилъ права своей супруги Рогнѣды; онъ вполнѣ заслуженно подвергался мести этой полоцкой героини; онъ созналъ свою ошибку и выдѣлилъ ей съ сыномъ владѣніе, которое, въ силу этого выдѣленія, имѣетъ полное право на самостоятельное существованіе, независимое отъ кіевскихъ князей. Рогнѣда—это типъ гордой, независимой, сознающей свое достоинство, женщины. Въ полной редакціи преданія, сохраненной въ Тверскомъ сборникѣ, она выдерживаетъ себя до конца. Обратите внима-

---

[1]) Или изъ полоцкихъ лѣтописей, или просто полоцкія преданія были извѣстны и въ землѣ суздальской.

[2]) Лавр. Л., стр. 286.

ніе на ея гордый, полный достоинства отвѣтъ Владиміру, когда онъ хотѣлъ послѣ своего крещенія выдать ее замужъ за когонибудь изъ своихъ приближенныхъ. Полоцкое преданіе выдвигаетъ еще рѣзче превосходство своей героини надъ кіевскимъ княземъ, выставляя ее болѣе проникнутой христіанскими идеалами, чѣмъ самъ князь.

Причемъ-же въ этомъ преданіи Туръ?

Споры между полоцкими и кіевскими князьями велись, главнымъ образомъ, по вопросу о границахъ. Область племени Дреговичей, разорванная на двѣ части, была яблокомъ раздора [1]). Природной грани не было. И вотъ въ Полоцкѣ и выдвигается преданіе о давней связи области Дреговичей съ областью полоцкой, связи династической: Рогволодъ и Туръ—друзья-товарищи, а можетъ быть, и братья. Отчего они изъ-за моря? Къ XII в. окончательно сложилось преданіе о призваніи изъ-за моря братьевъ Рюрика, Синеуса и Трувора. Легенда объясняетъ фактъ зависимости Новгорода, Смоленска, Бѣла-озера отъ кіевскихъ князей. Подчиненіе полоцкой области основывали на родствѣ Изяслава съ Владиміромъ. Въ противовѣсъ этому въ Полоцкѣ выставляется преданіе о нѣкогда бывшей самостоятельности его, о своей собственной династіи, которая точно также основана норманскими князьями, равными по достоинству съ Рюрикомъ и его братьями. Ссылка, хотя и на собственную, но туземную династію, на племенныхъ національныхъ князьковъ, не могла имѣть значенія въ глазахъ современнаго общества, такъ какъ кіевскіе князья уничтожали ихъ, ставя ихъ ниже себя.

Такимъ образомъ, по нашему мнѣнію, можетъ быть, объясняемо преданіе о заморскомъ происхожденіи нашего Тура и, отчасти, о самомъ его существованіи. Это патронимическій герой, которымъ воспользовались въ Полоцкѣ для политическихъ цѣлей. Таково, какъ намъ кажется, происхожденіе преданія о князѣ Турѣ, но и самая патронимичность въ народныхъ преданіяхъ можетъ имѣть какое-нибудь основаніе.

---

[1]) Причиной борьбы кіевскихъ князей съ полоцкими было также и постоянное стремленіе послѣднихъ къ захвату новгородской территоріи. Объясненіе этого стремленія мы дадимъ въ особой работѣ.

Въ преданіи о Рогнѣдѣ и князьяхъ полоцко-туровскихъ заключается два элемента. Послѣдняя редакція его и особенно въ послѣднихъ своихъ частяхъ есть, конечно, позднѣйшій наростъ. Это именно та часть, гдѣ передается поэтически судьба Рогнѣды послѣ принятія Владиміромъ христіанства. Основа-же преданія, несомнѣнно, восходитъ ко временамъ язычества и принадлежитъ къ циклу полоцкихъ преданій о сѣдой старинѣ. Для такихъ преданій, какъ я уже сказалъ, у народа имѣлись какія-нибудь основанія. Преданіе о зміѣ связывается на югѣ съ зміевымъ валомъ; кіевское сказаніе о Никитѣ-Кожемякѣ имѣетъ своей основой древнюю легенду о Янѣ Усмошвецѣ, которая, въ свою очередь, выросла на почвѣ преданій о борьбѣ осѣдлаго славянскаго населенія съ кочевникомъ, который является въ образѣ змія [1]). Чтобы выдвинуть въ преданіи князя Тура, необходимо было имѣть какое-нибудь основаніе въ преданіяхъ мѣстныхъ, которыя, въ свою очередь, произошли изъ туманныхъ воспоминаній о нѣкогда бывшемъ значеніи г. Турова, чисто мѣстномъ значеніи, въ какомъ-нибудь отношеніи.

Въ какомъ-же отношеніи могъ имѣть Туровъ значеніе въ доисторическое время? Раскопками В. Б. Антоновича и г. Завитневича, кажется намъ, выяснено достаточно, что поселенія дреговичей существовали и на южномъ, правомъ, берегу р. Припети [2]). Эти южныя дреговицкія поселенія представляли собою остатки нѣкогда бывшаго поселенія дреговичей по обѣимъ сторонамъ р. Припети. Двигаясь изъ прикарпатской общей славянской родины, дреговичи сначала должны были занять мѣстность къ югу отъ р. Припети, или оба ея берега, а потомъ подъ давленіемъ новаго движенія племени древлянъ, покидали мало по малу южный берегъ этой рѣки и переселялись на сѣверный, распространяясь въ этомъ направленіи все далѣе и далѣе. Вотъ въ тѣ то отдаленныя времена, когда дреговичи занимали оба берега р. Припети, и долженъ былъ возникнуть г. Туровъ, являясь центральнымъ пунктомъ между южными и сѣ-

---

[1]) Объ этомъ подробнѣе см. нашу работу: „Печенѣги, Торки и Половцы“.

[2]) Завитневичъ „Археологическая экскурсія въ Припетское Полѣсье“. (Чтенія въ Историч. Обществѣ Нестора лѣтописца, кн. IV, стр. 22—23.

верными поселеніями ихъ. Съ занятіемъ южныхъ мѣстностей древлянами, съ отступленіемъ дреговичей на сѣверный берегъ р. Припети, повидимому, долженъ былъ появиться и другой центръ ихъ земли, далѣе къ сѣверу. Такимъ новымъ центромъ могъ быть Минскъ или другой изъ дреговицкихъ городовъ, упоминаемыхъ въ лѣтописи; сравнительно позднее упоминаніе объ этихъ городахъ въ лѣтописи, какъ извѣстно, ничего не доказываетъ. Однако-же и Туровъ не теряетъ своего значенія. Съ подчиненіемъ дреговичей власти кіевскихъ князей, Туровъ дѣлается политическимъ центромъ земли, и кіевскій князь сажаетъ туда одного изъ своихъ сыновей, а для древлянской земли въ Овручѣ особаго князя. Очевидно, была какая-то особая необходимость тѣснѣе привязать Туровъ, была необходимость наблюдать за нимъ, какъ за мѣстомъ, имѣющимъ какое-то особое значеніе въ жизни дреговицкаго племени. Мнѣ кажется, что съ этимъ, вполнѣ несомнѣннымъ фактомъ, можно сопоставить преданіе, сообщенное г. Завитневичемъ, и съ его объясненіемъ этого преданія, по которому жители г. Турова оказали очень сильное сопротивленіе введенію у нихъ христіанства: здѣсь пришлось употребить тѣ-же мѣры, что и въ Новгородѣ В. [1]). Если мы обратимся къ другимъ аналогичнымъ фактамъ въ русской исторіи, то замѣтимъ, что особенно сильное сопротивленіе христіанство встрѣчало въ тѣхъ центрахъ, которые имѣли важное значеніе во времена язычества, какъ центры религіозные. Припомнимъ, напр., исторію христіанства въ Ростовѣ, бывшемъ мѣстомъ поклоненія Велесу, противъ котораго долго боролся св. Авраамій [2]); припомнимъ смутныя преданія о борьбѣ христіанства съ язычествомъ въ Муромѣ, гдѣ было поклоненіе финскому божеству и стояла кереметь, на развалинахъ которой христіане соорудили церковь [3]). У финновъ даже есть богъ Ке-

---

[1]) Завитневичъ: „Изъ Археологической экскурсіи въ Припетское Полѣсье“ (Чтенія въ Историч. Обществѣ Нестора лѣтописца, кн. IV, стр. 21).

[2]) Житіе св. Авраамія ростовскаго (Четьи-Минеи, Макарія. Спб. 1880 г.). Октябрь, стр. 2025.

[3]) Житіе свв. Петра и Февроніи (Памятники старин. рус. литературы в. II, стр. 40).

реметь, которому, можетъ быть, на этомъ мѣстѣ и покланялась древняя Мурома[1]). Вообще, центральные города славянскихъ (и не славянскихъ) племенъ были, конечно, и ихъ религіозными центрами, какъ Кіевъ, Новгородъ В., Черниговъ[2]) и т. д. На основаніи этихъ фактовъ можно по аналогіи утверждать, что и центральный городъ дреговичей былъ центромъ и религіознымъ, и нѣтъ ничего невѣроятнаго, если туровцы оказали сильное сопротивленіе проповѣдникамъ новой религіи. Какъ въ Ростовѣ главнымъ мѣстнымъ божествомъ являлся Велесъ, такъ точно въ Туровѣ могъ быть какой-нибудь свой богъ, противъ обожанія котораго приходилось, главнымъ образомъ, бороться миссіонерамъ. Какое-же было это божество?

Еще въ своей азіатской прародинѣ, какъ извѣстно, Аріи воздавали божескія почести коровѣ и быку. Съ этимъ культомъ они перешли и въ Европу. Отдѣльныя вѣтви этого великаго племени удержали это поклоненіе быку и далѣе, какъ олицетворенію бога солнца, оплодотворяющаго своими лучами землю. Это религіозное представленіе возникало у первобытныхъ народовъ вполнѣ естественно, и распространяться о происхожденіи этого культа здѣсь я считаю совершенно излишнимъ, какъ о вещи общеизвѣстной[3]). Всѣ индо-европейцы имѣютъ общее слово для обозначенія понятій *быкъ*, *волъ*, *туръ*. Корень tar, tur, по объясненію Микуцкаго,=sonare; отсюда литов. *стаурети*=выть, ревѣть, *tauras*=туръ, славян. *туръ*, др.-нѣмец. *stior*, готск. *stiurs*; санскритскій корень является въ формѣ *sthira*, въ формѣ прилагательнаго означаетъ: *крѣпкій*, *сильный*, какъ объясняетъ

---

[1]) Castrenn: „Über die finische Mythologie", 1853. SPB. s. 107.

[2]) О первыхъ двухъ городахъ мы имѣемъ лѣтописныя извѣстія; относительно-же Чернигова это доказывается находкой двухъ серебряныхъ идоловъ при постройкѣ колокольни собора. (Макарій. „Исторія Церкви", ч. I, стр. 121.

[3]) О происхожденіи и развитіи этого культа см. у Pictet. Les origines indo-europeennes", Bergaigne. La religion indique"; Овсянико-Куликовскій: „Культъ божества Зота" (Записки имп. новоросс. университета, т. 39, Одесса, 1884 г.) его-же: „Къ вопросу о „быкѣ" въ религіозныхъ представленіяхъ съ Востокомъ" (тамъ-же, т. 43, Одесса, 1885 г.).

Пикте[1]). Въ данномъ случаѣ не наше дѣло рѣшать вопросъ о томъ, дѣлали-ли аріи различіе между быкомъ, воломъ и туромъ. Туръ у насъ, славянъ, есть дикій звѣрь, сильный и опасный, охота на котораго была сопряжена съ большими трудностями. Зоологическій періодъ въ развитіи религіозныхъ вѣрованій пережили и мы, славяне, и поклоненіе дикимъ звѣрямъ, сильнымъ и опаснымъ животнымъ существовало, нѣкогда и у насъ. Если Мономахъ въ XI—XII ст. разсказываетъ объ опасностяхъ охоты на тура, то что же должны были испытывать при видѣ этого звѣря обладатели первобытнаго, крайне несовершеннаго оружія, доисторическіе кривичи, дреговичи и т. д.! Очевидно, они преклонялись предъ нимъ, какъ преклоняется и теперь еще житель Африки предъ львомъ, или житель нашего крайняго сѣвера предъ медвѣдемъ. Поклоненіе туру является въ данной мѣстности еще болѣе естественнымъ потому, что тутъ этотъ звѣрь водился въ изобиліи, больше, чѣмъ въ другихъ мѣстностяхъ Россіи. Туръ могъ быть, такъ сказать, племеннымъ божествомъ дреговицкой земли. Не даромъ-же именно здѣсь, какъ мы видѣли, устраивалась охота княжеская на этого звѣря. Что за звѣрь былъ туръ,—этого, собственно говоря, мы до сихъ поръ не знаемъ точно. Одно несомнѣнно, что онъ былъ изъ породы быковъ, дикій быкъ, bos primogenius, по внѣшнему виду, подходящій, можетъ быть, къ зубру или бизону. Старое обще-арійское поклоненіе быку, какъ силѣ оплодотворяющей, соединилось съ обожаніемъ тура, какъ звѣря, страшнаго по своей силѣ, быстротѣ и другимъ опаснымъ качествамъ.

Ученые, посвящавшіе свои труды разработкѣ славянской миѳологіи, раздѣляются во мнѣніяхъ по вопросу о существованіи у нашихъ предковъ бога Тура. Одни признаютъ его и отождествляютъ съ другимъ славянскимъ божествомъ, Яриломъ, богомъ любви; другіе, признавая поклоненіе Ярилѣ и быку, отрицаютъ бога Тура, что̀ есть уже въ самой основѣ своей противорѣчіе. И тѣ, и другіе основываютъ свое мнѣніе на данныхъ народной

---

[1]) См. Pictet, op. cit. v. I, p. 416—418; Микуцкій: „Наблюденія и выводы по сравнительному арійскому языкознанію". Варшава. 1874 г. стр. 15.

поэзіи, одни—признавая ея показанія вполнѣ ясными, другіе—не считая ихъ достаточно опредѣленными для положительнаго вывода [1]). Но разъ только мы признáемъ у славянъ существованіе поклоненія быку, то не можемъ отрицать поклоненія туру, быку дикому или богу Туру. Всѣ ранѣе приведенныя нами соображенія могутъ найти себѣ подтвержденіе и въ данныхъ археологіи и древней письменности.

Въ новооткрытомъ поученіи XII в. епископа Ильи между прочимъ стоитъ: „и о тоурѣхъ, и о лодыгахъ, и о колядницѣхъ и про беззаконный бой, попове, оуимайте своихъ дѣтей...“ [2]). Какъ-бы ни старались затемнить тутъ смыслъ, для всякаго ясно, что „колядницы“ и „безаконный бой“ суть остатки нѣкогда священныхъ языческихъ обрядовъ въ честь того или другаго бога. Очевидно и „тоуры“ и „лодыги“, поставленные рядомъ съ предыдущими, должны быть таковыми-же. Въ честь божества Тура должны были существовать празднества, игры, противъ которыхъ и приходилось впослѣдствіи бороться русскому духовенству.

Когда производится изслѣдованіе въ области миѳологіи или вообще этнографіи народовъ, населяющихъ или населявшихъ восточно-европейскую низменность, то обращать исключительное вниманіе на бытовыя явленія жизни только одного изъ нихъ нѣтъ никакой возможности. Съ незапамятныхъ временъ на территоріи нынѣшней Россіи сталкивались, жили подолгу совмѣстно, боролись и ассимировались народы двухъ племенъ: урало-алтайскаго и арійскаго. Существуетъ гипотеза объ единствѣ происхожденія финскаго и арійскаго племенемъ, о единомъ праплемени Аріо-финновъ. Если сама по себѣ эта гипотеза требуетъ еще дальнѣйшихъ изысканій, то факты, на которые она опирается, заслуживаютъ полнаго вниманія историка. Отысканное сродство языковъ, которыми говорятъ народы

[1]) Касторскій: „Начертаніе славянской миѳологіи“. Спб. 1841 г.; Потебня: „О миѳическомъ значеніе нѣкоторыхъ обрядовъ и повѣрій“ (Чтеніе моск. общ. ист. и др. Росс. 1865 г. кн. II; Сумцовъ: „Туръ въ народной словесности (Кіев. Ст. 1887 г. № 1).

[2]) Ж. М. Н. Пр. 1890 г. Октябрь, Павлова: „Неизданный памятникъ русскаго церковнаго права XII в.“ Стр. 298.

финскаго и арійскаго племенъ, сродство глубокое, указываетъ на давнее доисторическое, и при томъ весьма и весьма продолжительное, сожительство этихъ племенъ [1]). Если такъ взаимно повліяли другъ на друга ихъ языки, то тѣмъ болѣе должны были взаимно вліять другъ на друга ихъ культуры. Противъ этого спорить нельзя. Наша лѣтопись въ своей народной легендѣ, передѣланной на книжный ладъ, о призваніи Варяговъ, сохранила намъ драгоцѣнный фактъ близости финно-угрскихъ племенъ съ славянскими. Я разумѣю преданіе о союзѣ сѣверно-славянскихъ племенъ съ финно-угрскими племенами чуди, мери и веси [2]). А фактъ несомнѣнный ассимиляціи и поглощенія этихъ племенъ Славянами [3]), не указываетъ-ли онъ достастаточно сильно на внѣдреніе бытовыхъ чертъ финно-угровъ въ бытъ славянскихъ пленевъ? Данныя, собранныя Альквистомъ [4]), указываютъ на многочисленныя заимствованія словъ, сдѣланныя финно-уграми изъ литовскаго и славянскаго языковъ. Въ самое послѣднее время Веске указалъ на цѣлый рядъ культурныхъ общихъ заимствованій въ языкахъ финскихъ, славянскомъ и литовскомъ [5]). Заимствованія эти касаются всѣхъ сторонъ быта. Тѣмъ болѣе долженъ былъ существовать взаимный обмѣнъ религіозныхъ вѣрованій. Въ язычествѣ обоихъ племенъ было очень много общихъ чертъ. Языческая религія развивается на лонѣ природы. И у славянъ, и у финно-угровъ одинаковое обожаніе силъ природы и отсюда и у тѣхъ, и у другихъ существованіе божествъ почти съ одинаковыми аттрибутами власти и функціями. Этого было достаточно, чтобы не было религіозной борьбы: догматовъ не было, были только вѣрованія. Это была самая удобная почва для сближенія. Достаточно было общихъ

---

[1]) См. Кеппена: Матерьялы къ вопросу о первоначальной родинѣ и первобытномъ родствѣ индоевропейскаго и финно-угорскаго племени (Ж. М. Н. Пр. 1886 г. №№ 8, 10, 11 и 12).

[2]) Ипатьев. Лѣт. стр. 11, изд. 1871 г.

[3]) Бѣляевъ. „Какъ образовалось великорусское племя“ (Извѣстія Антропологичъ. Отдѣленія Общества любителей естествознанія 1865 г. т. I.

[4]) „О древней культурѣ западныхъ финновъ“, (Ж. М. Н. Пр. 1877 г. № 61).

[5]) Веске. Славяно-финскія культурныя отношенія по даннымъ языка. Казань. 1890 г.

сходныхъ чертъ, чтобы произошло дальнѣйшее заимствованіе подробностей, чертъ второстепенныхъ. Происходила не борьба, а взаимный обмѣнъ религіозныхъ вѣрованій. По даннымъ языка ясно видно, что финское племя нѣкогда жило гораздо далѣе на западъ [1]) и занимало даже часть Германіи [2]). Антропологическія и лингвистическія данныя подтверждаютъ фактъ нѣкогда близкаго и совмѣстнаго сожительства Мордвы и Литвы [3]), Можно указать очень много аналогичныхъ явленій въ бытѣ русско-славянскихъ, литовскихъ и финно-угрскихъ племенъ [4]). При такихъ условіяхъ исторіи русскихъ славянъ, мнѣ кажется, является абсолютно необходимымъ при изслѣдованіяхъ въ области славянской миѳологіи слѣдовать сравнительному методу, не упускать изъ вида данныхъ о бытѣ вообще и миѳологіи въ частности другихъ племенъ, населявшихъ и теперь еще населяющихъ восточную Европу; кромѣ того, данныя этнографическія необходимо сопоставлять съ данными археологическими.

---

[1]) Becke op. c. passim.

[2]) Кеппенъ, op. c.

[3]) Эвропеусъ. „Объ угорецкомъ народѣ". Спб. 1874 г. Винклеръ. Uralaltaische Völker und Sprachen. Berlin. 1884. s. 33.

[4]) Лѣтопись Быховца разсказываетъ, что Литовцы въ могилы „kładywali nohty rysii, abo medweżyi, dla toho iż wiru tuiu mili, iż sudny deń mił byty, y tak znamenali sobi, iżby boh mił pryty y sedity na hory wysokoy, y sudyty żywych y mertwych, na kotoriiz trudno budet wzoyty, bez tych nochtey rysich, abo medweżych... „(Narbut. Pomniki do dżiejów litewskich. 1846. Vilno, p. 10—11). Въ мерянскихъ курганахъ мы видимъ, что меря клала со своими покойниками также и медвѣжьи когти, и даже изображенія звѣриной лапы съ когтями (Уваровъ. Меряне и ихъ бытъ по курганнымъ раскопкамъ", Труды I Археол. С. т. I, стр. 699 и 701), Финскій богъ Piry или Perkele заимствованъ финнами изъ миѳологіи индо-германскихъ народовъ и соотвѣтствуетъ славянскому Перуну, литовскому Перкуну, летскому Перконсу („Castren, Uber die finnische Mythologie" p. 110, Spb. 1853). У финскихъ племенъ существовалъ религіозный обычай погребать своихъ боговъ. На сѣверѣ существуетъ преданіе, что и Перунъ былъ погребенъ со многимъ плачемъ на берегу р. Волхова съ великою тризною поганскою и могилу ссыпали на немъ высокую. Такихъ совпаденій можно было-бы указать гораздо болѣе, но считаю вполнѣ достаточнымъ и сказаннаго, Эти совпаденія могутъ быть и совершенно случайными, но нѣкоторыя заимствованія въ области религіозныхъ вѣрованій уже ясно константированы, а потому и вообще подобныя аналогіи должны останавливать на себѣ серьезное вниманіе изслѣдователя, ввиду указанныхъ историческихъ условій жизни народовъ восточной Европы.

Припомнимъ, хотя-бы, раскопки Черной могилы, обратимъ вниманіе на массу произведенныхъ и каждый годъ производящихся раскопокъ кургановъ. Каждая изъ нихъ даетъ что-нибудь изслѣдователю для объясненія быта, вѣрованій языческой старины.

Это взаимное вліяніе культуръ различныхъ племенъ на территоріи Россіи должно было начаться съ первыхъ моментовъ ихъ территоріальнаго соприкосновенія. Близкое сожительство, взаимныя мирныя и враждебныя столкновенія начались между финно-угрскими и славянскимъ племенами еще на югѣ восточной Европы. По вопросу о распространеніи финно-угрскаго племени на территоріи Россіи существуютъ несомнѣнныя данныя. Указано въ ихъ языкахъ существованіе иранскихъ элементовъ, которые могли въ нихъ появиться во времена пребыванія финно-угрскаго племени на самомъ югѣ восточной Европы [1]). Данныя лингвистическія и антропологическія вполнѣ совпадаютъ. Слѣды угрскаго племени лингвистическіе, въ видѣ названій мѣстностей [2]), и антропологическіе, въ видѣ длинно-головыхъ череповъ [3]), найдены теперь до Полтавской губерніи *включительно*. Къ несчастію, у новѣйшаго изслѣдователя, Веске, не было данныхъ для правой стороны Днѣпра въ видѣ списковъ населенныхъ мѣстъ, но это случайное обстоятельство не даетъ возможности отрицать распространенія финно-угрскихъ племенъ и на правой сторонѣ Днѣпра, тѣмъ болѣе, что въ древлянскихъ могильникахъ найдены длинноголовые черепа [4]). Въ параллель съ этимъ можно поставить и данныя языка: лѣвые притоки р. Припяти звучатъ не по славянски:

---

[1]) Cruel. Die Sprachen und Völker Europas vor der arischen Einvanderung Detmold 1883. s. 129 u. v. Lipp-von Schroeder. „Uber Ossetisches und Ugrofinnisches“ (Sitzungsberich te der gelehrten estnischen Geselschaft. Dorpat. 1889. Ss. 117—119).

[2]) Веске. op. c. passim.

[3]) Богдановъ „О могилахъ скиѳо-сарматской эпохи въ Полтавской губ.“. Baer. Beschreib ung der Schädel welche aus dem Grabhügel eines skythischen königs aufge graben ist“.

[4]) Гамченко... Житомірскій могильникъ. Антоновичъ: „О древлянскихъ могильникахъ“ (Чтенія въ Ист. О. Нестора Л. кн. V, отд. I стр. 24).

Цна, Ясіолда, Пина и др... На этотъ фактъ обращалъ вниманіе еще извѣстный Надеждинъ[1]). Если мы находимъ слѣды пребыванія финно-угровъ на югъ отъ р. Припяти, то тѣмъ болѣе, имѣя подобныя гидрографическія названія, мы въ правѣ предполагать, что финно-угры занимали области и къ сѣверу отъ нея, откуда и были вытѣснены движеніемъ славянъ. Мы увѣрены, что находки длинно-головыхъ череповъ при дальнѣйшихъ раскопкахъ вполнѣ совпадутъ съ данными лингвистическими. Словомъ, мы и въ этихъ мѣстностяхъ, въ области между рѣками З. Двиной и Припятью, можемъ предполагать съ незапамятныхъ временъ культурный обмѣнъ между финно-угрскимъ, славянскимъ и литовскими племенами.

Собственно говоря, мы черезчуръ уже стараемся усилить наше положеніе. Намъ нѣтъ даже нужды настаивать на томъ, что именно и тутъ, между рр. Припятью и З. Двиною славяне вліяли на финно-угровъ, и наоборотъ. Это взаимодѣйствіе культуръ могло совершаться гораздо раньше прихода славянъ именно въ эту область, и Дреговичи могли явиться сюда уже съ обожаніемъ Тура, или, если этотъ культъ чисто-славянскій, то славяне могли передать его финно-уграмъ еще до своего разселенія по областямъ, въ которыхъ ихъ застаетъ исторія.

Общепризнаннымъ является существованіе у славянъ божества Ярила, бога любви, сладострастія. Ему, конечно, воздавали поклоненіе и изображали его въ видѣ φαλλοςα. До насъ дошли такія изображенія[2]). Сначала у славянъ существовало лишь поклоненіе быку, какъ силѣ оплодотворяющей, одной изъ функцій бога солнца. Такъ было въ зооморфическій періодъ. Затѣмъ, когда зооморфизмъ сталъ переходить въ высшую стадію религіознаго развитія, стали являться божества для выраженія болѣе отвлеченныхъ идей, какъ любовь, сладострастіе. Тогда былъ или туръ, у насъ въ восточной Европѣ, быкъ par

---

[1]) Библіотека для чтенія. 1837 г. т. XXII. III, 55. Надеждинъ. „Опытъ исторической географіи русскаго міра".

[2]) Въ Ботаническомъ саду Кіевскаго Университета есть нѣсколько такихъ изображеній. Всѣ они каменныя, и на одномъ изъ нихъ вырѣзанъ даже носъ ротъ и глаза.

excellence, нѣсколько стушевался, явилось pars pro toto, явилось обожаніе φαλλος'а.

Между тѣмъ мы имѣемъ и этнографическія и археологическія данныя, неопровержимо доказывающія, что финно-угры поклонялись быку. Въ могилахъ, въ области р. Медвѣдицы, найдены были отломки каменныхъ изваяній быка и барана [1]). Делиль сообщаетъ, что въ его время вотяки воздавали божескія почести быку [2]). Двѣсти лѣтъ тому назадъ мордва также покланялась быку, котораго, по прошествіи трехъ лѣтъ, рѣзала и съѣдала [3]). Вообще, у финно-угрскихъ народовъ обожаніе животныхъ было сильно развито, чему можно было-бы привести многочисленныя доказательства. Но рядомъ съ данными, приведенными нами, указывающими на поклоненіе быку у финно-угровъ, существуетъ несомнѣнное указаніе, что они покланялись и φάλλος'у. Извѣстно, что башкиры и венгры это одинъ и тотъже народъ, или вѣрнѣе, два народа одного и того-же племени Югры, и Башкирія—это Великая Венгрія средневѣковыхъ писателей [4]), откуда и произошло выселеніе венгровъ (части Югры) въ Европу. Въ настоящее время башкиры утеряли свой угрскій языкъ, подвергнувшись съ древнихъ временъ сильному вліянію тюркскаго племени. Но въ самомъ началѣ они были совершенными уграми, потому что даже въ XIII ст., когда у нихъ былъ извѣстный Рубруквисъ, они говорили языкомъ венгерскимъ, угрскимъ [5]). Въ X ст. былъ въ В. Венгріи (Башкиріи) знаме-

---

[1]) Рус. ист. сборникъ, т. I, 1837 г. Галинко: „О древностяхъ бѣжецкаго уѣзда тверской губерніи", стр. 24, пр. 1.

[2]) Записки имп. ак. н. т. VI, Спб. 1865 г. Пекарскій: „Путешествіе Делиля въ Березовъ". Стр. 8.

[3]) Трироговъ: „Мордовскія общины", (Рус. Мысль 1880 г. т. XXVII, стр. 257).

[4]) Извѣстія средневѣковыхъ писателей о тождествѣ башкиръ и венгровъ указаны въ нашемъ трудѣ: „Печенѣги, торки и половцы до нашествія татаръ". См. также мнѣнія ученыхъ: Hunfalvy: „Ethnographie von Ungarn". Budapest. 1877. s. 72 u. v.; Diefenbach: Volkerkunde Osteuropas, Darmstadt. 1880. II Band. s. 287 и v.; Европеусъ: „Объ угорскомъ народѣ". Geza Kuun: „Lec origines hongroises" (Revue internationale, 1884. T. II, IV-e livraison p. 465) и др.

[5]) Voyages dans tous les mondes. Nouvelle bibliothèque historique et litteraire. Deux voyages en Asie au XIII-e siecle par Guill. de Rubruquis et Marco Polo. Paris. 1888, p. 70.

нитый арабскій путешественникъ Ибнъ-Фоцланъ. Онъ видѣлъ, что всѣ башкиры носятъ на шеѣ небольшія деревянныя изображенія φάλλος'а, которому воздаютъ поклоненіе [1]). Такимъ образомъ, мы находимъ полную аналогію съ культомъ быка и φάλλος'а у славянъ и у финно-угрскихъ племенъ.

Въ полномъ соотвѣтствіи со всѣми приведенными фактами изъ славянской и финно-угрской миѳологіи стоитъ показаніе археологіи. Осенью 1835 г. близь г. Галича, въ селѣ *Туровскомъ* сдѣлана была археологическая находка. Въ числѣ открытыхъ вещей находился небольшой языческій идолъ изъ красной мѣди. Онъ мужескаго пола, въ стоячемъ положеніи, обѣими руками ниже живота держится за φάλλος [2]). Въ данной мѣстности жило племя меря, одно изъ угрскихъ. Очевидно, найденъ онъ около того мѣста, гдѣ ему воздавалось поклоненіе. Въ этой области существуетъ до сихъ поръ такъ называемый элтанскій языкъ, употребляемый секретно между торговцами и признаваемый за остатки языка мери. И вотъ на этомъ языкѣ туръ=φάλλος [3]). Нужно замѣтить сверхъ того, что въ костромской губерніи сохранилось много мѣстъ, носящихъ имена: Турово, Туровское, Турольское, Туранъ, Турдіево, Турдіевы враги, Турабьевъ и

---

[1]) D'Ohsson. „Les peuples du Caucase", p. 130: „Je remarquai, que tous le Baschcourdes portent sur eux la figure en bois du membre viril. Ils la baisent et lui adressent leurs prières: „O seigneur, lui disent-ils, accorde moi telle et telle chose. Je dis à mon interprète de demander à l'un d'eux, pourquoi il adorait l'image de cette partie du cors. „Parce que, repondit—il, je lui dois l'existence, c'est mon seul créateur".

[2]) Объ этой находкѣ въ 1837 г. Павелъ, епископъ черниговскій, сдѣлалъ докладъ, съ представленіемъ вещей, въ Обществѣ исторіи и древностей россійскихъ при моск. университетѣ (Рус. историч. сборникъ, 1837 г. т. I, стр. 102—103) Вслѣдъ затѣмъ Свиньинъ помѣстилъ въ томъ же томѣ Историч. сборника замѣтку объ этой находкѣ, въ которой дѣлаетъ предположеніе, что вещи принадлежатъ народу мери, что потомъ и подтвердилось изслѣдованіемъ гр. Уварова („Меряне и ихъ бытъ по курганнымъ раскопкамъ"). Изображеніе идола помѣщено въ Рус. историч. сборникѣ, т. I, у гр. Уварова op. cit. и недавно въ превосходномъ изданіи Аспелина: „Antiquités du Nord finno-ougrien, I livraison. Объ этой находкѣ см. также: Пискарева: „Хронологическое обозрѣніе пятидесяти подземныхъ археологическихъ находокъ въ Россіи съ 1820 по 1850 г.".

[3]) Чтенія москов. общ. ист. и древ. Росс., 1865 г., кн. IV, отд. V, Діевъ „Какой народъ населялъ въ старину костромскую губернію". Стр. 171.

т. п. Названія Тур+дій и Тур+дій(евъ, евы) безъ всякой насильственной ломки, съ удержаніемъ яснаго, опредѣленнаго, смысла разлагающіяся на *Туръ* и *дій* стоятъ въ полномъ соотвѣтствіи съ поклоненіемъ Туру въ этихъ мѣстностяхъ. Значеніе славянскаго слова „*дій*", „*дивъ*" для насъ совершенно понятно. Въ полномъ соотвѣтствіи съ этимъ Туромъ-діемъ стоитъ находка въ землѣ племени вятичей мѣднаго болвана *съ рожками на головѣ*, которому, конечно, воздавалось поклоненіе [1]). Итакъ угрское племя, меря, воздавало поклоненіе φάλλος'у, подъ именемъ Тура, что стоитъ въ полномъ согласіи съ извѣсіемъ Ибнъ-Фоцлана о башкирахъ (части Югры). Мы уже выше привели археологическое указаніе, что меря покланялась и быку. Весь вопросъ теперь заключается только въ томъ, назывался-ли у финно-угрскихъ племенъ дикій быкъ туромъ? Кажется, и на это можно дать утвердительный отвѣтъ. У финно-угровъ было названіе дикаго звѣря *tarw*, *tarwo*. Объ этомъ имени академикъ Шифнеръ дѣлалъ сообщенія въ Академіи наукъ. Оказывается, что финское *tarw* есть слово заимствованное въ отдаленныя, конечно, времена у индо-германцевъ. Финское tarw = исланд. tarb=др. нѣм. stior=гот. stiurs=литов. tauras=славян. туръ, Изъ многихъ доводовъ Шифнера, ссылающагося на Гримма и Ире, я укажу одинъ: названіе финское *Tarwamcki* передается нѣмецкимъ *Stierberg=бычачья гора* [2]).

Если мы станемъ на почву единства происхожденія финно-угровъ и аріевъ, то тогда должны, конечно, признать, что у аріо-финновъ было слово для обозначенія понятія дикаго звѣря-быка и, можетъ быть, уже существовало его обожаніе. Если мы не признаемъ единства происхожденія аріо-финновъ, то приведенные факты доказываютъ какъ заимствованіе слова, такъ

---

[1]) Пискарева. Ор. с. Въ тульской гоб., богородицкаго у. с. Малевки Ермилъ Никифоровъ вспахалъ на своей нивѣ мѣдный балванъ съ рожками на головѣ, въ въ которомъ вѣсу оказалось 24 ф.

[2]) Bulletins de la classe historico philologique de l'akademie imperiale des sciences de S.-Petersbourg, t. VI, №№ 16, 17; 23, 24; pp. 285—288; 379—380.

и заимствованіе культа. Кто у кого заимствовалъ, — этотъ вопросъ рѣшать не наше дѣло, но изъ тѣхъ данныхъ, которыя мною приведены, видно, что корень *tr* есть арійскій, и слѣдовательно, заимствованіе должно было произойти у арійцевъ, а не наоборотъ. Но съ другой стороны фактъ несомнѣнный, что болѣе ранними насельниками Европы были финно-угры, которые ранѣе аріевъ должны были знать дикаго быка и имѣть для него въ своемъ языкѣ слово. Отсюда какъ-бы вытекаетъ, что заимствованіе могло быть сдѣлано арійцами у финно-угровъ. Это недоумѣніе можетъ быть устранено тѣмъ несомнѣннымъ фактомъ, что финно-угры послѣ многовѣковаго сосѣдства съ аріями-германцами, славянами, литовцами—утеряли много своихъ собственныхъ словъ и усвоили слова своихъ сосѣдей. Такимъ образомъ, слово *tarw* у эстовъ и *туръ* у мери есть заимствованіе, сдѣланное у литовцевъ и славянъ. Что-же касается поклоненія быку и φ'αλλος'у, то оно могло, конечно, развиться у каждаго изъ этихъ племенъ и совершенно самостоятельно, но названіе φ'αλλος'а у мери туромъ, сосѣдство топографическихъ названій, сложенныхъ съ словомъ *дій*, *дивъ*, указываетъ на существованіе поклоненія Туру и у нашихъ предковъ славянъ, прежде всего какъ быку, а потомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ и φ'αλλος'у.

Культъ Ярилы и Тура является тождественнымъ. Одному и тому-же божеству могли въ различныхъ мѣстностяхъ поклоняться подъ разными именами: Ярила и Тура. Мы нисколько не были-бы поражены, если-бы и нашъ Кій оказался φ'αλλος'омъ.

Съ г. Туровомъ (Туровымъ) могли быть связаны, кромѣ политическихъ традицій, еще и религіозныя преданія. Князя Тура сдѣлали изъ патронимическаго (или эпонимическаго) героя по политической необходихости. Далѣе этотъ эпонизмъ могъ явиться по двумъ причинамъ: а) или просто отъ имени звѣря Тура, отъ котораго городъ получилъ свое названіе, будучи расположенъ въ области, особенно изобиловавшей этими животными, б) или тутъ могло совершаться поклоненіе дикому быку-туру и φ'αλλος'у подъ тѣмъ-же именемъ.

Закончимъ наши соображенія словами г. Кирпичникова: „Многіе герои несомнѣнно божественнаго происхожденія; если высшіе боги были слишкомъ могущественны чтобы спуститься на землю, племенныя божества имѣли много общаго съ героями [1]).

П. Голубовскій.

[1]) Кирпичниковъ. Поэмы Ломбардскаго цикла. М. 1873 г., стр. 152.

ИЛЬЯ ѲЕДОРОВИЧЪ ТИМКОВСКІЙ,

ПЕДАГОГЪ ПРОШЛАГО ВРЕМЕНИ.[1]

(Окончаніе).

Уѣхавши изъ Харькова во второй половинѣ 1811 г., Тимковскій поселился на постоянное жительство въ упомянутой нами выше Турановкѣ. Привыкши въ предшествующіе годы къ общественной дѣятельности, онъ не могъ долго оставаться тамъ безъ всякаго дѣла. Прежде всего родъ дѣятельности указала ему наступавшая тогда война: 18 Августа 1812 г. онъ былъ избранъ членомъ дворянскаго комитета, снаряжавшаго ополченіе и состоялъ въ немъ по 2 января 1815 г. Затѣмъ съ 15 марта 1818 г. онъ принялъ по выборамъ должность глуховскаго уѣзднаго судьи. Прослуживъ въ этой должности трехлѣтіе и будучи въ 1821 г. избранъ на новое трехлѣтіе, Тимковскій отказался отъ дальнѣйшей службы и засѣлъ въ своей Турановкѣ безотлучно, пока опять не вступилъ на поприще болѣе соотвѣтствовавшей его характеру педагогической дѣятельности.

5 марта 1825 г. умеръ тесть Тимковскаго, директоръ Новгородсѣверской гимназіи И. И. Халанскій, и вслѣдъ затѣмъ (3 мая того же года) на должность попечителя харьковскаго учебнаго округа, послѣ Е. В. Корнеева, былъ назначенъ А. А. Перовскій, писавшій подъ псевдонимомъ „Погорѣльскаго“, авторъ

---

[1]) См. „Кіевская Старина“ 1891 г., № 9.

„Двойника“ и „Монастырки“ [1]). Лично зная Тимковскаго, Перовскій предложилъ ему принять должность директора новгородсѣверской гимназіи, какъ находящейся въ недальнемъ разстояніи отъ имѣнія, въ которомъ Тимковскій проживалъ.

По поводу выраженнаго Тимковскимъ согласія принять эту должность, Перовскій 21 іюня 1825 г. писалъ ему: „пріятнымъ долгомъ поставляю изъявить вамъ искреннюю признательность мою за согласіе ваше принять на себя должность директора; извѣстная уже начальству ревность ваша къ пользѣ отечества подаетъ мнѣ несомнѣнную надежду, что управленіе ваше гимназіею послужитъ къ вящшему оной процвѣтанію, и я прошу васъ, въ замѣну сей надежды, меня успокаивающей, принять отъ меня увѣреніе, что я за особенное удовольствіе всегда поставлять буду доказывать вамъ на самомъ опытѣ уваженіе мое къ заслугамъ вашимъ“. Вскорѣ послѣ этого, по представленію Перовскаго, Тимковскій былъ назначенъ директоромъ новгородсѣверской гимназіи 21 августа 1825 г.

Вступленіе его въ эту должность сопровождалось произнесеніемъ рѣчей, обращенныхъ къ учащимъ и учащимся. Повидимому, къ произнесенію рѣчей Тимковскій питалъ нѣкоторую слабость и любилъ говорить ихъ при всякомъ удобномъ случаѣ. Не даромъ его бывшій ученикъ М. К. Чалый, въ своихъ интересныхъ воспоминаніяхъ [2]), упоминая о томъ, что рѣчи-импровизаціи удавались Тимковскому гораздо лучше, чѣмъ то, что было предварительно обдумано и написано, говоритъ, что къ нему безъ всякой натяжки можно было примѣнить слова поэта:

„Имѣлъ онъ рѣчи чудный даръ
И голосъ, шуму водъ подобный“.

Однако въ настоящемъ случаѣ рѣчи не были импровизаціями, ибо изъ письма Перовскаго видно, что ему были сообщены списки обѣихъ рѣчей. Извѣщая Тимковскаго о полученіи ихъ, Перовскій писалъ ему 23 января 1826 г., что прочелъ ихъ съ удовольствіемъ, особенно слово къ ученикамъ, и далѣе продолжалъ: „отдавая полную справедливость вашему усердію

---

[1]) Объ немъ см. статью В. П. Горленка въ Кіевской Старинѣ 1888 г. № 4.
[2]) „Кіевская Старина“ 1889 г. №№ 1—12.

и патріотическимъ чувствованіямъ, я могу только пожелать при семъ, чтобы ваши попеченія о благосостояніи ввѣренной вамъ гимназіи, ваши ожиданія и надежды касательно вѣрныхъ и прочныхъ успѣховъ дѣтей, въ оной обучающихся, были оправданы самымъ счастливымъ послѣдствіемъ".

Характернымъ какъ для Тимковскаго, такъ и для Перовскаго, представляется слѣдующее обстоятельство. Привыкши во время службы своей въ Харьковѣ играть первенствующую роль въ училищномъ комитетѣ университета, а къ директорамъ гимназій относиться почти начальнически, Тимковскій, самъ сдѣлавшись директоромъ, не хотѣлъ сноситься съ училищнымъ комитетомъ въ формѣ рапортовъ и, вступая въ должность, просилъ Перовскаго освободить его отъ такой формы сношеній во вниманіе къ прежней его службѣ. Не смотря на свои хорошія отношенія къ Тимковскому, Перовскій не нашелъ возможнымъ исполнить эту просьбу и въ письмѣ своемъ отъ 25 ноября 1825 г. писалъ Тимковскому, что такъ какъ училищный комитетъ есть присутственное мѣсто, въ которомъ, въ случаѣ надобности, могутъ присутствовать попечитель и самъ министръ, то онъ не видитъ ничего унизительнаго для Тимковскаго въ томъ, что онъ будетъ писать рапорты означенному комитету. „Вы лучше меня знаете," продолжалъ Перовскій, „что нижній земскій судъ посылаетъ указы генералъ-фельдмаршаламъ. Взирая съ сей точки на отношенія ваши къ училищному комитету, я увѣренъ, что вы не найдете оныхъ для себя предосудительными и увидите совершенную невозможность перемѣнить существующій порядокъ, безъ достаточныхъ на то причинъ. Я могу привесть вамъ въ примѣръ почтеннаго тестя вашего [1]), который лѣтами и заслугами, конечно, превосходилъ членовъ училищнаго комитета".— И все таки послѣ этого Тимковскій не сталъ писать рапортовъ училищному комитету, а писалъ „донесенія". Впрочемъ, это разногласіе между Перовскимъ и Тимковскимъ по вопросу о порядкѣ сношеній съ училищнымъ комитетомъ, какъ видно изъ дальнѣйшей переписки, нисколько не испортило ихъ взаимныхъ отношеній.

---

[1]) Т. е. вышеупомянутаго И И. Халанскаго.

Сдѣлавшись директоромъ гимназіи, Тимковскій не могъ совсѣмъ разстаться съ своей Турановкой, и проводилъ въ ней времени больше, чѣмъ въ Новгородсѣверскѣ. Однако, не смотря на это, изъ всѣхъ данныхъ видно, что учебное дѣло въ гимназіи въ его время шло очень хорошо, потому что, какъ разсказываетъ въ вышеупомянутыхъ воспоминаніяхъ своихъ бывшій воспитанникъ новгородсѣверской гимназіи того времени М. К. Чалый, „рѣдкія посѣщенія Ильею Ѳедоровичемъ гимназіи были глубоко плодотворны для учащихся; его задушевныя, проникнутыя пламенной любовью къ молодому поколѣнію рѣчи-импровизаціи будили вѣру въ достоинство человѣка, вкореняли уваженіе къ наукѣ, къ труду“.—„Не говорю уже объ экзаменахъ“, продолжаетъ М. К. Чалый: „тутъ не одни ученики, но и сами преподаватели должны были отдавать отчетъ въ своихъ познаніяхъ; представляя своихъ питомцевъ къ испытанію, каждый старался пополнить пробѣлы въ собственныхъ знаніяхъ, чтобы удовлетворить высокимъ требованіямъ строгаго цѣнителя и взыскательнаго судіи, вполнѣ компетентнаго въ дѣлѣ науки“. Въ первые годы по вступленіи Тимковскаго въ должность директора, строгости на экзаменахъ, которые всегда происходили въ его присутствіи, даже вызвали уменьшеніе числа учениковъ въ новгородсѣверской гимназіи; но вслѣдъ затѣмъ это число стало быстро возрастать: въ 1833 г. всѣхъ учениковъ въ новгородсѣверской гимназіи было 126, въ 1834 г.г.—288, въ 1835 г.—325, а въ ноябрѣ 1838 г. уже—454. Вслѣдствіе такого возрастанія числа учащихся, въ новгородсѣверской гимназіи раньше, чѣмъ въ большей части губернскихъ гимназій, потребовалось раздѣлить три первыхъ класса на два отдѣленія, о чемъ состоялось высочайшее повелѣніе 27 декабря 1838 г. [1]). Видимо было, что гимназія пріобрѣтаетъ себѣ большее и большее довѣріе въ окружающей мѣстности; слава ея стала такъ растространяться, что въ нее начали привозить воспитанниковъ изъ очень отдаленныхъ мѣстъ. Пользуясь въ это время извѣстностью

[1]) Сборникъ постановленій по министерству народн. просвѣщенія, томъ II, отдѣленіе I, стр. 1121.

лучшей гимназіи въ Малороссіи [1]), новгородсѣверская гимназія давала самыхъ лучшихъ латинистовъ для харьковскаго университета, гдѣ репутація ея стояла на столько прочно, что окончившіе въ ней курсъ, по аттестаціямъ Тимковскаго, принимались въ университетъ безъ экзамена. Уже между учениками 5-го класса, по словамъ М. К. Чалаго, были такіе бойкіе латинисты, которые свободно переводили Георгики Виргилія, Элегіи Овидія и нѣкоторыя изъ рѣчей Цицерона. На экзаменахъ, какъ разсказываетъ авторъ вышеупомянутыхъ воспоминаній, „напавши на такого доку, директоръ оживлялся и долго не отпускалъ его отъ стола, наслаждаясь красотами выраженій и успѣхами испытуемаго; но не на однихъ отличныхъ останавливалъ свое вниманіе Тимковскій, и посредственные ученики не скоро отъ него отдѣлывались; съ необыкновеннымъ терпѣніемъ выслушивалъ онъ не вполнѣ удовлетворительный отвѣтъ и весьма искусными пріемами старался навести ученика на дорогу, помогая дѣлать анализъ и конструкцію словъ и заставляя усиленно работать мозгами, и только тогда оставлялъ его въ покоѣ, когда убѣждался вполнѣ въ его неспособности. Такимъ пріемомъ директоръ желалъ убѣдить преподавателей, что, при извѣстной дозѣ терпѣнія и настойчивости, можно кое-чему научить и самаго плохого ученика". Свой разсказъ объ экзаменахъ М. К. Чалый оканчиваетъ такимъ замѣчаніемъ: „между теперешними нашими преподавателями едва ли найдется и одинъ изъ сотни, который бы *такъ* понималъ преподаваніе классическихъ языковъ, какъ понималъ его нашъ незабвенный директоръ И. Ѳ. Тимковскій".

Съ образованіемъ Кіевскаго учебнаго округа (14 декабря 1832 г.), новгородсѣверская гимназія была перечислена изъ харьковскаго учебнаго округа въ кіевскій. Мих. Александровичъ Максимовичъ, сдѣлавшись, по окрытіи университета св. Владиміра, ректоромъ его, 29 Октября 1834 г. писалъ Тимковскому: „До сихъ поръ еще я не имѣлъ случая изъявить Вамъ моего удовольствія, что судьба привела меня на службу

---

[1]) См. объ этомъ въ „Исторіи университета св. Владиміра" В. Шульгина (Спб., 1860), стр. 30—31.

въ одномъ съ Вами округѣ. Тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ нынѣ имѣю честь извѣстить Васъ, что университетъ св. Владиміра, уже благодарившій Васъ за усердное вниманіе къ нему, лучшими студентами своими обязанъ Вамъ ввѣренной гимназіи, и что если Вы въ наступающій срокъ по благоусмотрѣнію своему представите кого либо изъ подчиненныхъ Вамъ чиновниковъ къ наградѣ, то представленіе Ваше будетъ уважено со стороны совѣта *предпочтительно*, и что онъ не преминетъ ходатайствовать о томъ у начальства". Отвѣчая на это письмо, Тимковскій 27 ноября 1836 г. писалъ Максимовичу: „Я порадовался Вашему перемѣщенію въ Кіевъ, какъ для Васъ, такъ и для университета, и съ удовольствіемъ неизъяснимымъ поздравляю Васъ въ достоинствѣ перваго ректора его. Любезно мнѣ видѣть сходство оживленной напоминаніемъ судьбы моей, за 30 лѣтъ, когда пріятность служить на родинѣ, въ пользу ея, ближе къ солнцу, вызвала меня изъ столицы. Благодарю Васъ, дорогаго вѣстника, за общее благоволеніе о ввѣренномъ мнѣ заведеніи, которымъ, какъ учрежденіемъ своимъ, уже девять лѣтъ утѣшаюсь, и отношу къ счастію его и моему то, что оно имѣетъ въ Васъ судію и посредника моихъ представленій". Дальше въ этомъ письмѣ Тимковскій жалуется на то, что разстроенное здоровье лишаетъ его возможности заниматься такъ, какъ хотѣлось бы.

Съ грустью принялъ потомъ Тимковскій извѣстіе о томъ, что М. А. Максимовичъ отказался отъ ректорства. На выраженное имъ по этому поводу сожалѣніе, Максимовичъ 30 октября 1836 г. писалъ Тимковскому: „Участливое во мнѣ письмо Ваше пришло сюда въ мое отсутствіе; на оное о себѣ могу сказать то, что оставленіе Кіева такъ скоро было бы дѣйствительно несправедливо: еще съ юности мечталъ я докоротать въ немъ вѣкъ мой,—и теперь думаю, если не всю остальную жизнь провести здѣсь, то лечь ту костьми моими. Что-же касается до ректорства, то я сложилъ его преждевременно съ себя по разстройству моего здоровья, котораго не доставало для продолженія сей должности и для занятія ученаго новымъ для меня дѣломъ—словесностью; для перваго, въ начало уни-

верситета, довольно было полутора моихъ года, а для втораго... vita brevis! а взявшись за сей гужъ, не говори—недужъ. Потому я, оставивъ ботанику, когда потерялъ зрѣніе, разсудилъ отдать и посвятить новому предмету остатокъ силъ моихъ, и теперь преданъ ему вполнѣ,—и начатки трудовъ моихъ Вы видите въ Жур. Мин. Нар. Просв., гдѣ началъ я съ пѣсни Игорю въ память дяди Романа [1]), коего пропавшій трудъ chronica scandalosa въ Москвѣ приписываетъ нечистой рукѣ Снегирева" [2]). Къ этому письму сдѣлана приписка: „Среди розысканій объ языкѣ русскомъ и проч., мнѣ открылась наконецъ истина, что Руссы, давшіе имя нашимъ восточнымъ славянамъ и объединившіе ихъ собою, были вовсе не норманы, но чистые славяне, самые сѣверозападные (одерскіе)".

Еще больше, чѣмъ отказъ Максимовича отъ ректорства, смутило Тимковскаго другое обстоятельство. Открытіе кіевскаго университета и нѣсколькихъ гимназій стало угрожать нѣжинскому лицею совершеннымъ упадкомъ, который оказался тѣмъ болѣе неизбѣжнымъ, что въ Нѣжинѣ не было тогда гимназіи, которая могла бы поставлять для лицея студентовъ; вслѣдствіе этого возникло предположеніе перевести въ Нѣжинъ гимназію изъ Новгородсѣверска для поддержанія существованія Нѣжинскаго лицея. Впослѣдствіи, когда И. Ѳ. Тимковскаго уже не стало, М. А. Максимовичъ въ неизданной коротенькой замѣткѣ своей о Тимковскихъ, которая была написана имъ по просьбѣ С. П. Шевырева для приготовлявшагося къ изданію словаря замѣчательнѣйшихъ воспитанниковъ московскаго университета [3])

---

[1]) Братъ Ильи Ѳедоровича, Романъ Ѳедоровичъ Тимковскій, о которомъ мы упоминали выше, будучи профессоромъ московскаго университета, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ трудился надъ изслѣдованіемъ „Слова о полку Игоревѣ", но послѣ его смерти этотъ трудъ пропалъ неизвѣстно куда и не былъ найденъ. Г. Барсовъ говоритъ, что труды г. Тимковскаго по изъясненію „Слова" погибли во время петербургскаго наводненія въ 1824 г. (Е. Барсовъ „Слово о Пол. Иг." Т. I. стр. 38).

[2]) И. М. Снегиревъ, бывшій ученикъ Романа Ѳ. Тимковскаго, послѣ его смерти, разбиралъ его бумаги, для составленія некролога и біографіи его.

[3]) Словарь этотъ предполагалось издать къ празднованію столѣтняго юбилея московскаго университета, но это предположеніе не осуществилось: дѣло ограничилось только изданіемъ біографическаго словаря профессоровъ московскаго университета.

по этому поводу разсказывалъ слѣдующее: „Новгородсѣверскую гимназію, которой питомцемъ былъ и я (съ 1812 по 1819 г.), мой дядя любилъ, какъ дитя свое, былъ въ ней весь—до изнеможенія силъ, и поставилъ ее на высокую степень совершенства. Помню его живую скорбь, когда пронесся первый слухъ о певеводѣ ея въ Нѣжинъ, для поддержанія лицея.—„Глядя на нее неспокойно", говорилъ онъ, „думаю: ужели тебя мнѣ не видѣть"! Послѣ того, когда слухъ о томъ же снова пробудился, онъ писалъ ко мнѣ въ Кіевъ: „Покушенія противъ нея такъ пали мнѣ на душу, что, о чемъ ни думаю, приходитъ пожалѣть объ нихъ, и тѣмъ вспадаю на Катонову присловицу каждой рѣчи: ergo Carthago delenda"! Но съ назначеніемъ особой гимназіи при нѣжинскомъ лицеѣ на ларинскую сумму, успокоился незабвенный директоръ новгородсѣверскій".

Одновременно съ возникновеніемъ первыхъ слуховъ о перемѣщеніи новгородсѣверской гимназіи въ Нѣжинъ, Тимковскій получилъ отъ попечителя кіевскаго учебнаго округа Е. Ѳ. фонъ-Брадке письмо отъ 13 декабря 1834 г. слѣдующаго содержанія: „Директоръ лицея князя Безбородко подалъ прошеніе объ увольненіи его отъ службы, а потому, озабочиваясь назначеніемъ сему заведенію достойнаго начальника, я съ полнымъ убѣжденіемъ найти въ Васъ достойнѣшаго для сего чиновника, предлагаю Вамъ сіе мѣсто и увѣренъ, что сей выборъ съ особеннымъ удовольствіемъ будетъ утвержденъ высшимъ начальствомъ. Прошу Васъ въ возможной скорости сообщить мнѣ Вашъ по сему отзывъ". Отказываясь отъ предложенной должности, Тимковскій 21 декабря 1834 г. писалъ Брадке, что, если по увольненіи отъ профессорства онъ принялъ должность директора новгородсѣверской гимназіи, то имѣлъ на то особыя причины. Прежде всего онъ хотѣлъ этимъ исполнить желаніе тѣхъ лицъ, которыя ему дороги; потомъ для него представляли особенное удобство близость къ семьѣ и дому; дальше, продолжалъ Тимковскій: „влекло меня и мѣстное желаніе напечатлѣть бытіе мое въ сей гимназіи, которой созданію и успѣхамъ усердствовать было для меня достойно,—въ городѣ многихъ историческихъ памятей, о которыхъ въ немъ же бесѣда моя съ

покойнымъ канцлеромъ графомъ Румянцевымъ пріобрѣла ей благотворенія его [1]),—въ городѣ маломъ, нагорномъ, здоровомъ, красивомъ и какъ бы одной гимназіи принадлежащемъ. Сколько сіи свойства благопріятны наукамъ и нѣкогда достойны будутъ, въ судьбахъ временъ, высшаго ихъ состоянія, можетъ быть подобно Іенѣ, Галле и Геттингену. Изъ сего изволите усмотрѣть, сколько я имѣлъ причинъ отказаться, получивъ уже на первомъ году моего вступленія въ сію должность, приглашеніе въ Нѣжинъ [2]), весьма худо избранный основателемъ, гдѣ никакія усилія теплицъ не произведутъ сочныхъ плодовъ, кромѣ какого либо техническаго или спеціальнаго заведенія. Какъ бы то ни было, трудовъ и заботъ моихъ, сколько мнѣ остается изнемогшихъ силъ, я не цѣню никакими окладами; одной дальности Нѣжина отъ дому и семейства для меня было и есть достаточно предпочесть Новгородсѣверскъ. Принося Вашему Превосходительству за толикое вниманіе чувствительнѣйшую благодарность, прошу покорнѣйше принять во благо мое здѣсь пребываніе“.

Содержаніе приведеннаго письма показываетъ, что, считая Нѣжинъ неудобнымъ пунктомъ для высшаго учебнаго заведенія, Тимковскій находилъ въ высшей степени удобнымъ для этого Новгородсѣверскъ. Эту мысль раздѣлялъ съ Тимковскимъ и А. А. Перовскій, который въ 1827 г. просилъ Тимковскаго доставить ему планы и чертежи всѣхъ зданій, принадлежащихъ новгородсѣверскому монастырю, съ описаніемъ ихъ, и притомъ исполнить это, не дѣлая огласки. Хотя при этомъ не было упомянуто, зачѣмъ именно понадобились эти чертежи и планы, и хотя Тимковскій, исполнивши при посредствѣ учителя рисованія Кириллова просьбу Перовскаго писалъ ему: „не смѣю

---

[1]) Упоминаемая здѣсь встрѣча Тимковскаго съ графомъ Н. П. Румянцевымъ была должно быть въ 1816 году, когда Румянцевъ въ проѣздъ свой чрезъ Новгородсѣверскъ посѣтилъ гимназію, а Тимковскій вѣроятно пріѣзжалъ туда изъ Турановки. Послѣ того Румянцевъ въ 1816—1818 годахъ пожертвовалъ много цѣнныхъ книгъ въ библіотеку новгородсѣверской гимназіи.

[2]) Упоминаемаго въ настоящемъ письмѣ перваго предложенія занять должность директора нѣжинскаго лицея мы въ бумагахъ Тимковскаго не находили и не знаемъ—было ли оно письменное или словесное.

проникать въ намѣренія Вашего Превосходительства“, но изъ разныхъ намековъ въ письмахъ можно заключить, что у Перовскаго, также какъ и у перваго директора новгородсѣверской гимназіи И. И. Халанскаго[1]), была мысль о томъ, нельзя ли воспользоваться обширными зданіями новгородсѣверскаго монастыря для того, чтобъ устроить въ нихъ высшее учебное заведеніе. Можетъ быть, подъ вліяніемъ надеждъ, пробужденныхъ требованіемъ Перовскаго, когда Тимковскій писалъ къ Брадке вышеприведенное письмо, ему нарисовалось свѣтлое будущее, въ которомъ милый ему Новгородсѣверскъ уподобился названнымъ имъ Іенѣ, Галле и Геттингену. Дѣйствительность не оправдала ожиданій Тимковскаго. Нѣкогда резиденція сѣверскихъ князей, послѣ разжалованный изъ губернскихъ городовъ въ уѣздные и впослѣдствіи далеко обойденный желѣзными дорогами, Новгородсѣверскъ, по прежнему здоровый и красивый, и дѣйствительно во многихъ отношеніяхъ удобный для воспитанія юношества, теперь, маленькій уѣздный городокъ, о которомъ, какъ и во времена Тимковскаго, можно сказать, что онъ весь принадлежитъ гимназіи.

До 1835 года новгородсѣверская гимназія не имѣла своего почетнаго попечителя[2]). Хотя съ перечисленіемъ ея въ кіевскій учебный округъ, она вышла изъ вѣдомства А. А. Перовскаго, какъ попечителя харьковскаго учебнаго округа, но, продолжая съ участіемъ къ ней относиться, Перовскій 3 октября 1835 г. писалъ Тимковскому: „Вы знаете, какое искреннее участіе я всегда принималъ въ благосостояніи ввѣренной вамъ гимназіи, и потому вамъ конечно не покажется удивительнымъ, что я обращаюсь къ вамъ съ слѣдующимъ предложеніемъ. Короткій пріятель мой Василій Николаевичъ Ладомирскій пріѣхалъ въ Малороссію съ тѣмъ, чтобы пожить въ своихъ помѣстьяхъ; а

---

[1]) Въ Кіевской Старинѣ 1882 г. № 3 нами была помѣщена переписка И. И. Халанскаго съ малороссійскимъ генералъ-губернаторомъ Куракинымъ по вопросу объ учрежденіи университета въ Новгородсѣверскѣ.

[2]) По „предварительнымъ правиламъ народнаго просвѣщенія“ 1803 г. почетныхъ попечителей гимназій не полагалось; должность эта была учреждена съ уставомъ гимназій 1828 г.

такъ какъ онъ новгородсѣверскій помѣщикъ, то мнѣ пришла благая мысль завербовать его для вашей гимназіи. Василій Николаевичъ теперь служитъ предводителемъ дворянства въ Москвѣ, но по убѣжденію моему соглашается оставить занимаемую имъ должность, если назначенъ будетъ почетнымъ попечителемъ вашей гимназіи. Теперь, почтеннѣйшій Илья Θедоровичъ, отъ васъ зависѣть будетъ дать этому дѣлу надлежащее направленіе, ибо лучшаго пріобрѣтенія вы сдѣлать не можете". Затѣмъ дѣло устроилось такъ, что В. Н. Ладомирскій былъ избранъ и утвержденъ въ должности почетнаго попечителя новгородсѣверской гимназіи, и втеченіе времени служенія своего въ этой должности сдѣлалъ не мало пожертвованій въ пользу гимназіи.

Не лишеннымъ интереса представляется слѣдующее обстоятельство. Существуютъ въ Новгородсѣверскѣ, въ очень близкомъ разстояніи отъ гимназіи, тріумфальныя ворота, которыя были построены по случаю проѣзда чрезъ новгородсѣверскую губернію Екатерины II и которыя своей легкой, граціозной архитектурою не мало украшаютъ этотъ красивый городокъ. Такъ какъ эти ворота, которыя все мѣстное населеніе называетъ „брамою", требовали ремонтировки, на которую никто не хотѣлъ расходовать денегъ, то возникло предположеніе разрушить ихъ, во избѣжаніе излишнихъ расходовъ на будущее время. Уже новгородсѣверскому городничему было дано предписаніе продать тріумфальныя ворота на сломъ съ аукціона и были назначены торги на продажу ихъ. Освѣдомившись объ этомъ, Тимковскій счелъ нужнымъ принять „браму" подъ свою защиту. Къ городничему и городскому головѣ онъ отнесся съ просьбою не спѣшить производствомъ торговъ, а черниговскому губернатору 27 марта 1829 г. писалъ слѣдующее: „Тріумфальныя ворота поставлены въ 1787 году, когда Новгородсѣверскъ былъ губернскимъ городомъ, къ знаменитому проѣзду великой Екатерины, попеченіемъ генералъ-губернатора графа Румянцева, отъ приношенія дворянства всей губерніи. Въ сихъ четырехъ отношеніяхъ они составляютъ памятникъ лицъ, мѣста и времени драгоцѣнный и остаются собственностію дворянства

сей стороны, какъ самаго города, который украшаютъ. Въ таковой собственности заключается не одна пріятность имущества, но и любезнѣйшее того понятіе чести. Съ сожалѣніемъ смотримъ на ветхость зданія, съ бо́льшимъ—увидимъ его разрушеніе и на краю самой улицы—грустную пустоту. Много и то мы потеряли памятниковъ, прежде нежели стали знать ихъ достоинство. Не возможно описать всѣхъ чувствованій, какія возбуждаетъ видъ всякой древности, ибо удовольствія въ нихъ сообразны натурѣ человѣческой. Близъ Роны, въ южной Франціи, чтобъ все сказать однимъ примѣромъ, еще стоятъ, и скоро 2000 лѣтъ, ворота Марію, на побѣду Кимвровъ поставленныя. Истина великой силы напечатлѣна въ Высочайшемъ повелѣніи Государя Императора о сохраненіи памятниковъ отечественныхъ. Сіи чувства здѣсь произвели желаніе просить начальство о сохраніи и возобновленіи воротъ, въ память вѣка ихъ, и если на то будетъ позволеніе, сдѣлать опытъ подписки въ городѣ и дворянствѣ на составленіе нужнаго капитала". Въ дополненіе къ этому письму, Тимковскій съ слѣдующей почтой выражалъ готовность принять на себя сборъ пожертвованій въ учебномъ вѣдомствѣ, и при этомъ добавлялъ: „Путешествіе Екатерины въ южныя области, гдѣ она край сей посѣтила, было такъ блистательно въ движеніи, такъ прославлено въ политическомъ мірѣ, что намъ пристойно сохранить память сію. Къ тому намѣ я и въ моемъ вѣдомствѣ непренебрегаемыя вліянія. Положеніе воротъ, составляющихъ группу съ гимназіею, и которыми проходить къ ней должно, сей видъ изящества, сіи историческія воззванія неописанно говорятъ учащимся о пріятности публичнаго вкуса и благоговѣніи къ національной славѣ. Да едвали не наукамъ и слѣдуетъ ближе—любить нравственныя красоты. Лишеніе такого предмета было бы для всѣхъ потерею, соболѣзнованія достойною". — Затѣмъ Тимковскій сталъ собирать пожертвованія; но такъ какъ жертвователи подписывали ничтожныя суммы, между тѣмъ какъ для возобновленія обветшавшихъ воротъ требовались значительныя деньги, то сборъ пожертвованій производился очень медленно и далеко не могъ доставить потребной суммы. Послѣ, когда Ладомирскій

сдѣлался почетнымъ попечителемъ новгородсѣверской гимназіи, то, узнавъ, объ изложенномъ, онъ пожелалъ отъ себя пожертвовать всю ту сумму, какой не доставало для возобновленія воротъ. Тогда ворота были возобновлены и, благодаря этому, сохранились до сихъ дней, на долго ли—не извѣстно. Лѣтъ около 15-ти тому назадъ, какъ намъ разсказывали, граждане города вновь возбуждали вопросъ объ уничтоженіи злосчастной „брамы", (все изъ за того, чтобъ не расходоваться на ремонтировку), но на этотъ разъ ихъ пристыдилъ начальникъ губерніи.

Не мало времени удѣлилъ Тимковскій заботамъ о построеніи новаго каменнаго зданія гимназіи. Старый деревянный домъ, принадлежавшій прежде главному народному училищу, обветшалъ и былъ тѣсенъ. Планъ постройки новаго дома былъ представленъ начальству еще предмѣстникомъ Тимковскаго Халанскимъ въ 1824 году. Послѣдовавшее затѣмъ въ 1828 г. преобразованіе гимназій изъ четырехклассныхъ въ семиклассныя сдѣлало этотъ планъ негоднымъ, а возрастаніе числа учащихся и образованіе параллельныхъ классовъ потребовало еще большаго расширенія предполагавшагося зданія. Между бумагами Тимковскаго сохранились цѣлыя кипы бумагъ, заключающія въ себѣ его планы, предположенія и разную переписку о предполагавшейся постройкѣ. Предварительно разрѣшенія вопроса о постройкѣ, онъ хотѣлъ округлить гимназическую усадьбу, для чего нужно было пріобрѣсть нѣкоторые сосѣдніе участки земли, что и было исполнено. Затѣмъ дальнѣйшее движеніе этого дѣла замедлилось вслѣдствіе возникшаго предположенія о перемѣщеніи новгородсѣверской гимназіи въ Нѣжинъ. Наконецъ, планъ, по которому построено существующее въ настоящее время зданіе гимназіи, былъ утвержденъ, и потребныя на постройку суммы ассигнованы только въ 1839 году, уже послѣ того, какъ Тимковскій, по окончаніи двадцатипятилѣтія службы его по вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія, вышелъ 21 октября 1838 г. въ отставку.

Покидая любимую гимназію, Тимковскій, какъ разсказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ М. К. Чалый, собралъ учениковъ, и сказалъ имъ прощальную рѣчь, слушая которую прежде

всѣхъ зарыдалъ инспекторъ гимназіи Г. И. Ивановскій, а затѣмъ расплакались ученики.

Въ бумагахъ Тимковскаго сохранилось очень много писемъ, изъ которыхъ видно, что бывшіе воспитанники его, точно также какъ и сослуживцы, сохраняли о немъ самыя благодарныя воспоминанія.

Вышедши въ отставку, Тимковскій поселился въ своей Турановкѣ уже безотлучно, посвящая свое время хозяйству и заботамъ о семьѣ. Только чрезъ десять лѣтъ послѣ выхода въ отставку онъ взялся за перо, чтобъ написать свои воспоминанія, къ чему его старался склонить М. А. Максимовичъ, разсказывающій по этому поводу въ вышеупомянутой нами замѣткѣ своей слѣдующее: „Я посѣтилъ его въ сентябрѣ 1849 г., по пути въ Москву. Десятилѣтнее пребываніе послѣ службы, среди сосновыхъ боровъ турановскихъ, возстановило и укрѣпило его силы тѣлесныя, а душа его съ годами яснѣла все болѣе. Заслушиваясь занимательныхъ разсказовъ его о нашей родной старинѣ и о событіяхъ великаго русскаго міра, въ переходѣ прошлаго вѣка въ нынѣшній,—я просилъ его приняться за записки... И еще въ Москвѣ, къ Свѣтлому празднику, я имѣлъ удовольствіе получить отъ него драгоцѣнную *писанку*—цѣлое сказаніе, за зиму написанное, которое потомъ и напечаталъ онъ подъ названіемъ: „*Мое опредѣленіе въ службу*".

Одновремено съ М. А. Максимовичемъ, М. П. Погодинъ просилъ Тимковскаго написать воспоминанія объ И. И. Шуваловѣ (основателѣ московскаго университета), которыя были написаны и составили третью часть сочиненія, напечатаннаго подъ заглавіемъ: „Мое опредѣленіе въ службу" и раздѣляющагося на три части или главы: 1, Переяславль,—2, Кіевъ и Москва,—и 3, Шуваловъ.

По поводу выраженнаго Максимовичемъ и Погодинымъ удовольствія, доставленнаго этимъ сочиненіемъ, Тимковскій 4 іюня 1850 г. писалъ Максимовичу: „сколько ты и Погодинъ довольны посланными моими комментаріями изъ моей жизни—вамъ принадлежитъ; я доволенъ буду тѣмъ, что нѣсколько моихъ крылатыхъ идей, какъ фениксъ, возродятся. Какъ пріятны

эти безконечныя возрожденія! Человѣкъ не существуетъ, если не видитъ себя внѣ себя; онъ любитъ себя въ своихъ твореніяхъ, въ дѣтяхъ и внукахъ. Чѣмъ обширнѣе и выше его дѣйствіе, тѣмъ сильнѣе и лучше чувствуетъ онъ свое бытіе. Можетъ быть, это самое составило и вину мою передъ тобою, что послѣ отправки къ тебѣ записокъ, залежавшійся для Василія [1]) экземпляръ я не утерпѣлъ сдѣлать нѣсколько полнѣе, особенно въ концѣ второй части. По тому же судить можешь, какъ бы я угодилъ самому себѣ, еслибъ досталось дать вамъ полнотою свое жизнеописаніе. Pia vota и вмѣстѣ однако pia desideria! Объективная внѣшность настоящаго налегаетъ на дни мои густымъ туманомъ, сквозь который рѣдко что вижу вдали свободно.

Послѣ упомянутыхъ воспоминаній, Тимковскій написалъ еще нѣсколько небольшихъ сочиненій, которыя всѣ были помѣщены въ Москвитянинѣ, а именно: 1) „Пять лѣтъ“ (продолженіе воспоминаній, изъ другаго періода времени, напечатано уже послѣ смерти Тимковскаго, въ Москвитянинѣ 1855 г. № 6)—2) „Судья и парадоксы“ (Тамъ же, № 8),—3) „О Даждьбогѣ“ (не можемъ указать годъ и померъ),—4) „О состояніи пчеловодства въ черниговской губерніи“ (Москвитянинъ 1853 г. № 19.

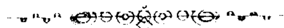
Въ іюлѣ 1852 г. М. А. Максимовичъ въ послѣдній разъ посѣтилъ Турановку, и въ упомянутой выше замѣткѣ своей, разсказавъ о томъ, что въ этотъ пріѣздъ Тимковскій читалъ ему свою статью о пчеловодствѣ, продолжаетъ далѣе: „Потомъ онъ повезъ меня на телѣжкѣ верстъ за семь, на конецъ своего бора, проложенною имъ дорогою, похвалиться своею новозаложенною пасѣкою. Тамъ на крестѣ, какіе ставятся во всѣхъ малороссійскихъ пасѣкахъ, прочелъ я годъ и день основанія—1852 г. 21 мая, а подъ ними начальный стихъ Виргиліевой Георгики о пчеловодствѣ: „ Aërei mellis coelestia dona“. Такъ у него во всемъ—проза сельскаго хозяйства принимала видъ классической буколики. Да и въ немъ самомъ нельзя было довольно налюбоваться художественнымъ сочетаніемъ многосто-

[1]) Сынъ И. Ѳ. Тимковскаго Василій Ильичъ, о которомъ мы упоминали выше.

ронняго, основательнаго знанія и строгаго во всемъ систематизма, съ живою, теплою любовью къ поэзіи всѣхъ вѣковъ и народовъ... Его любимецъ Овидій не мѣшалъ ему восхищаться Гоголемъ; Гердера и Шиллера онъ столько же помнилъ, какъ и Виргилія съ Горацiемъ. Водворясь въ Сѣверіи, онъ сорокъ лѣтъ не видалъ родной Украины и не сбирался ее увидѣть. Но въ 1852 году онъ говорилъ со мною объ нашей родинѣ уже съ примѣтною грустію, и въ день отъѣзда моего далъ мнѣ для памяти двѣ записочки. Въ одной изъ нихъ прочелъ я слѣдующія строки: „Неотдѣлимо въ умѣ и сердцѣ у меня, что я родился и возросъ на южной полосѣ Малороссіи, у благодатныхъ береговъ Днѣпра; живу на сѣверномъ краю ея и чувствую гнетущія стужи отъ Сѣвска. Стихійно приходитъ часто на мысль увидѣть Кіевъ, Каневъ, Черкасы и родину, небо и землю моихъ предковъ. Но будетъ ли такъ расположено нынѣшнее владѣніе Згарью, чтобъ я могъ тамъ хоть недѣлю времени подышать свободно. 1852. Авг. 17. Jte meae quondam felix pecus, ite capellae!" Въ этомъ неожиданномъ вопросѣ 80-лѣтняго старика, и въ самомъ стихѣ Виргиліевой буколики, вызванномъ игрою словъ, послышалось мнѣ грустное предвѣстіе..."

Въ слѣдующую зиму Тимковскаго уже не стало: онъ умеръ 15 февраля 1853 г. и похороненъ въ Турановской церкви, построенной генеральнымъ судьею Алексѣемъ Туранскимъ въ 1714 году.

Н. Шугуровъ.



ЗАПИСКИ
МИХАИЛА ЧАЙКОВСКАГО (САДЫКЪ-ПАШИ).[1]

XI.

Хрусциковскій.—Бѣгство Тадеуша Валевскаго.—Вступленіе на Волынь ген. Дверницкаго и его отступленіе.—Холера.—Возстаніе на Украинѣ.—Подольское возстаніе ген. Колыско.—Крестьяне въ Галъчинцѣ; выходъ изъ дому.—Бердичевское возстаніе.

Послѣ контрактовъ всѣ возвратились домой и по прежнему пребывали въ невѣдѣніи и ожиданіи, какъ вдругъ съ первымъ таяніемъ снѣговъ пронеслась по Волыни вѣсть, что сюда прибылъ маіоръ Хрусциковскій, первый и, можетъ быть, единственный агентъ, присланный изъ царства польскаго и, какъ увѣряли, уполномоченный ржондомъ. О немъ много слышали, говорили, но нельзя было никого найти, кто бы его видѣлъ, разговаривалъ съ нимъ и могъ бы сказать—человѣкъ это или миѳическое существо. Насъ увѣряли, что Тадеушъ Валевскій увезъ его въ Мизочь и будто бы тамъ, въ старинномъ погребѣ покойнаго генерала Карвицкаго, они разсуждаютъ о добрыхъ старыхъ временахъ Польши, когда тамъ водилось еще такое токайское, какого не пили ни Гогенцоллерны, ни Габсбурги, ни саксонцы.

О Хрусциковскомъ все еще говорили, какъ о какомъ то волкодлакѣ, когда пришли вѣсти о сраженіи подъ Гроховомъ, о богатырѣ Скржинецкомъ, а Игнатій Струмилло сталъ вездѣ

---

[1]) См. „Кіевск. „Стар. 1891 г., № 9.

разсказывать, что будетъ царствовать Янъ IV, который будетъ еще разумнѣе Третьяго, потому что четыре это не три, и приводилъ доказательства этому изъ карточной игры. Но лучше всего въ этихъ извѣстіяхъ было то, что Хлопицкій вернулся къ зеленому столику и не будетъ болѣе мѣшаться въ военныя дѣла. Въ юго-западномъ краѣ вполнѣ вѣрили этимъ извѣстіямъ; но въ то время, когда они были получены, Хрусциковскій куда то исчезъ и о немъ не было и слуха, а когда пришла вѣсть о побѣдахъ генерала Дверницкаго подъ Стоцкомъ и когда стали утверждать, что Дверницкій двигается на Волынь, то исчезъ и Тадеушъ Валевскій, и Волынь осталась безъ начальника, даже номинальнаго.

Говорятъ, что, узнавъ изъ достовѣрныхъ источниковъ о движеніи Дверницкаго на Волынь и о томъ, что возстаніе должно вспыхнуть, Валевскій такъ перепугался, что не могъ ни ѣсть, ни спать и на всѣ вопросы окружающихъ отвѣчалъ: „Оставьте меня въ покоѣ! Что я буду дѣлать съ этимъ начальствованіемъ, если я ничего не понимаю, не знаю, что мнѣ слѣдуетъ предпринять. Наконецъ, я не хочу быть начальникомъ и не буду: у меня слабые нервы, такъ меня воспитали, что же мнѣ теперь дѣлать? Я здѣсь нисколько не виноватъ!“

Все это были аргументы очень убѣдительные, даже логичные, но только надо было ихъ взвѣсить и изложить раньше принятія на себя званія начальника. Были и такіе господа, которые хотѣли свалить всю вину на Піотровскихъ, говоря, что они изъ личныхъ разсчетовъ нарядили такого зайца въ львиную кожу, какъ будтобы эта кожа могла вдохнуть львиную отвагу въ заячье сердце. Я очень мало зналъ Тадеуша Валевскаго, встрѣчалъ его нѣсколько разъ въ обществѣ, но отъ него на меня такъ и вѣяло духомъ легкомыслія и фанфаронства въ разговорѣ, обхожденіи и во всякомъ поступкѣ, и я просилъ Яна Омецинскаго не знакомить меня съ нимъ, а когда все таки принужденъ былъ познакомиться, то меня болѣе всего поражало то, что лучшіе представители нашей молодежи окружали его ореоломъ твердости и что такая женщина и патріотка, какъ Анна Карвицкая, выбрала его себѣ въ мужья.

Викентій Тышкевичъ не пошелъ путемъ Валевскаго, а занялся, какъ могъ, организаціей приготовленій. Ни у него, ни у его замѣстителей и помощниковъ не было недостатка въ усердіи и добрыхъ намѣреніяхъ. Не имѣя возможности ни розыскать Хрусциковскаго, ни сговориться съ Валевскимъ, котораго уже не было на Волыни, онъ послалъ Іосифа Томашевскаго прямо къ генералу Дверницкому.

Только теперь русское правительство стало болѣе обращать вниманія на помѣщиковъ; правда, не было ни преслѣдованій, ни притѣсненій, но полиція слѣдила за всѣми движеніями поляковъ; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ были произведены аресты, но столь мало значащіе, что не знали, приписывать ли ихъ политическимъ причинамъ, или нарушеніямъ карантинныхъ правилъ, такъ какъ холера уже появилась и сильно свирѣпствовала.

При такихъ обстоятельствахъ Іосифъ Томашевскій съѣздилъ къ Дверницкому и возвратился отъ него вмѣстѣ съ молодымъ Моржковскимъ, который находился при генералѣ Дверницкомъ со времени его перехода черезъ Бугъ до перехода черезъ галицкую границу.

Дверницкій перешелъ Бугъ во главѣ десяти эскадроновъ конныхъ егерей, восьми эскадроновъ уланъ и двухъ эскадроновъ кракусовъ Костюшки и Понятовскаго, 4 батальоновъ пѣхоты, подъ командой Петра Высоцкаго, того самаго, которому приписывали нападеніе на бельведерскій дворецъ и начало всего возстанія, и 6 артиллерійскихъ орудій. Кавалерія Дверницкаго была лучшей въ свѣтѣ: она состояла изъ отставныхъ солдатъ, вновь призванныхъ на службу, изъ которыхъ были сформированы 5-й и 6-й эскадроны каждаго полка и которымъ были даны отборныя лошади. Офицеры также были избраны самые лучшіе. Эта кавалерія представляла боевую силу въ 3,000 человѣкъ. Съ ней можно было пройти вдоль и поперегъ весь свѣтъ, нужна была только добрая воля, а въ военныхъ талантахъ у Дверницкаго не было недостатка. Едва онъ перешелъ Бугъ, какъ напалъ на каргопольскихъ драгунъ генерала Эмме и разбилъ ихъ; здѣсь то и перешелъ къ полякамъ штабъ-ротмистръ Познякъ, бѣло-

руссъ по происхожденію, сообщившій Дверницкому весьма важныя данныя о передвиженіяхъ и расположеніи русскихъ войскъ.

Тотчасъ послѣ порыцкой побѣды пріѣхалъ въ польскій лагерь молодой Моржковскій съ достовѣрными донесеніями Дверницкому о томъ, что генералъ Рюдигеръ стягиваетъ свои войска къ Дубну, но отдѣльные отряды такъ разсѣяны, что, по мнѣнію знатоковъ военнаго дѣла, требуется по крайней мѣрѣ 8 дней, чтобы ихъ сконцентрировать, что возстаніе Олизара уже подготовлено въ лѣсахъ ковельскихъ и ждутъ только приказа генерала собираться во Владиміръ.

Моржковскій привезъ также Дверницкому проектъ, выработанный Нарцизомъ Олизаромъ и его такъ называемыми „сибаритами“, который состоялъ въ томъ, чтобы генералъ двинулся въ ковельскіе лѣса, гдѣ его войско усилится новыми повстанцами и гдѣ онъ найдетъ все нужное для прокормленія и содержанія войска, а, перейдя оттуда черезъ пинскія болота, онъ будетъ имѣть открытый путь для дѣйствій на Украинѣ чрезъ лѣса овручскіе и радомысльскіе и на Подоліи чрезъ лѣса житомірскіе и звягельскіе, что въ такомъ случаѣ въ лѣсахъ организуются серьезныя возстанія, а для Украины и Подоліи будетъ сборный пунктъ; что генералъ будетъ имѣть возможность собрать тамъ стотысячное войско и дѣйствовать оттуда, какъ изъ укрѣпленнаго лагеря. Этотъ проектъ, который по внимательномъ разсмотрѣніи оказывался довольно практичнымъ, былъ выработанъ или самимъ Олизаромъ, или Феликсомъ Тржецякомъ, альфой и омегой стратегическихъ плановъ котораго были дѣйствія надъ Припетью, въ мозырскихъ и овручскихъ пущахъ; онъ утверждалъ, что только тамъ небольшое войско можетъ противостоять сильнѣйшему непріятелю и организоваться само въ многочисленную армію, обучить своихъ солдатъ и запастись всякими припасами, не заботясь о противникахъ. Островки на болотахъ, обильные нивами и сѣнокосами, доступъ къ которымъ можетъ быть прегражденъ вынутіемъ нѣсколькихъ бревенъ изъ плотинъ на этихъ болотахъ представляютъ естественные бастіоны и крѣпости, а весь лѣсъ—укрѣпленный лагерь. Кто бы ни былъ авторомъ этого проекта, но онъ во всякомъ случаѣ

служитъ доказательствомъ, что Нарцизъ Олизаръ со своимъ сибаритствомъ стоилъ въ сто разъ болѣе, чѣмъ Тадеушъ Валевскій со своей солидностью.

Зная военныя дарованія генерала Дверницкаго, нельзя допустить, чтобы онъ не понялъ всей важности и практичности этого проекта. Но, къ несчастью, въ военной кассѣ генерала было, какъ намъ передавали, такъ же пусто, какъ и въ его личной, а генералъ не хотѣлъ сознаться въ этомъ и покаяться, что совершилъ грѣхъ, растративъ общественныя деньги еще прежде, чѣмъ дошелъ до Буга, давно уже возилъ съ собою пустые сундуки, выкрашенные въ зеленый цвѣтъ, цвѣтъ надежды, что они снова наполнятся, и держался надменно, забывая то, что не столько виноватъ тотъ, кто совершилъ проступокъ, чѣмъ тотъ, кто не хочетъ сознаться въ своемъ проступкѣ, потому что впадаетъ въ новый грѣхъ.

Михаилъ Чацкій, назначенный, но не вступившій въ исполеніе своихъ обязанностей, начальникъ двухъ повѣтовъ—дубенскаго и кременецкаго, собралъ нѣсколько десятковъ помѣщиковъ, болѣе привычныхъ къ выпивкѣ, чѣмъ къ военному дѣлу, и пригласилъ Дверницкаго въ Боремль. Генералъ, помня старинную польскую пословицу, что гость, какъ свѣжая рыба, три дня хорошъ, а потомъ протухаетъ, рѣшилъ прогостить три дня въ Боремлѣ, и несмотря на постоянныя донесенія, что русскія войска стягиваются и что, двинувшись впередъ, онъ могъ бы разбить каждый отрядъ отдѣльно одинъ за другимъ, остался на мѣстѣ и вслѣдствіе этого былъ вытѣсненъ изъ Боремля, а потомъ и изъ Волыни. Да и какъ было не остаться, когда тамъ такъ хорошо кормили!

Два дня прошли спокойно, ѣли и пили въ замкѣ, какъ у Бога за пазухой, но на третій день пѣхота Петра Высоцкаго была отброшена съ праваго на лѣвый берегъ Стыри, а русская артиллерія открыла такой огонь, что ядра стали попадать въ замокъ въ то время, когда гости собирались вставать изъ за стола.

Польскіе кавалеристы вскочили на коней; Дверницкій сталъ во главѣ ихъ. Не было уже ни времени, ни мѣста строиться

въ боевой порядокъ или дѣлать маневры въ обходъ непріятеля, потому что русскіе наступали все сильнѣе и сильнѣе. Дверницкій водилъ въ атаку дивизіонъ за дивизіономъ, опрокинулъ драгунъ и гусаръ, но не могъ сломить оранскихъ гусаръ; онъ перемѣнилъ шесть лошадей и до поздней ночи сдерживалъ напоръ русскихъ и разстраивалъ ихъ ряды. Когда наступила ночь и его никто уже не преслѣдовалъ, онъ спокойно отступилъ къ Почаеву.

Быстрыми переходами двинулся Дверницкій со своей храброй конницей въ Галицію, хотя никто, даже донцы генерала Рюдигера, не гнался за нимъ, и измученные польскіе солдаты, заѣзжая во встрѣчавшіеся дворы, чтобы утолить голодъ и отдохнуть, не были никѣмъ безпокоимы, развѣ только какой нибудь шляхтичъ, боясь, чтобы они не уничтожили всѣхъ его напитковъ, шепнетъ имъ на ухо, что ему дали знать о приближеніи донцовъ, а за ними огромнаго войска, вѣроятно имѣющаго цѣлью отрѣзать ихъ отъ границы.

Разъ-два удалось такимъ образомъ выпроводить гостей, но потомъ повстанцы въ отвѣтъ на подобныя сообщенія только покручивали усы и говорили:

— Пускай идутъ! А ну-ка, хозяинъ, давай намъ вина да водки; вотъ увидишь, какъ мы имъ зададимъ!

Шляхтичъ попадалъ въ свою собственную западню и долженъ былъ дѣлать довольный видъ; чтобы не проститься со своей чуприной.

Это отступленіе въ Галицію походило на масляничное катанье и потому не вызывало неудовольствія, и самого генерала, по польскому обыкновенію, ни въ чемъ не обвиняли. Некогда было—такъ уже спѣшили! Не остановились даже въ Почаевѣ поклониться святынѣ, хотя польскій солдатъ и очень набоженъ.

Генералу Дверницкому было очень прискорбно, что армія генерала Рюдигера его не преслѣдовала; онъ боялся, чтобы ему не сказали: „у страха глаза велики, ты бѣжалъ, когда за тобой никто не гнался; такъ вѣдь и заяцъ не дѣлаетъ“. Но, какъ самъ Дверницкій говорилъ, Богъ покровительствовалъ ему и всегда посылалъ то, на что онъ и не надѣялся. Такъ случилось

и теперь. Генералъ Ротъ двигался съ цѣлымъ корпусомъ изъ Подоліи. Уже изъ Сабинецъ, гдѣ генералъ въ послѣдній разъ завтракалъ на волынской землѣ у Эдуарда Петриковскаго, можно было видѣть отряды козаковъ и уланъ генерала Рота, а за ними пѣхоту и артиллерію.

Дверницкій вскочилъ на коня и построилъ свое войско, растянувъ его длинной линіей вдоль границы, а зеленые ящики съ кассой выставилъ, какъ будто артиллерійскій паркъ, на лѣвомъ крылѣ, за мосткомъ и плотиной, на мысѣ между болотами; мостикъ онъ велѣлъ сорвать и плотину испортить, чтобы русскіе не зашли въ тылъ кассѣ.

Дверницкій велѣлъ открыть огонь изъ орудій, чтобы принудить Рота къ отвѣту и наступленію, которое заставило бы поляковъ перейти австрійскую границу. Но ген. Ротъ и не отстрѣливался изъ пушекъ и не двигался впередъ къ австрійской границѣ, а какъ будто нарочно оставался на волынской территоріи. Русское войско отдыхало, а разъѣзды были посланы во всѣ стороны.

Дверницкій былъ не спокоенъ и все разъѣзжалъ предъ фронтомъ войска, вполнѣ готоваго къ сраженію. Іосифъ Томашевскій и молодой Моржковскій были при немъ. Генералъ замѣтилъ, что русскіе слѣпы, ничего не видятъ, что они дѣлаютъ глупости, такъ какъ оставляютъ въ покоѣ кассу, не интересуясь даже узнать, что это такое. Потомъ онъ переговорилъ отдѣльно съ Эдуардомъ Петриковскимъ и тотъ отъѣхалъ съ нѣсколькими слугами. Спустя съ полчаса увидѣли кучку донцовъ, бѣгущихъ къ ящикамъ съ кассой. Дверникцій смотрѣлъ въ ту сторону, не спуская глазъ, и не могъ скрыть своей радости.

— Слава Богу! Честь спасена!

Онъ повернулъ коня, и увидѣвъ русскіе разъѣзды, направлявшіеся къ правому крылу, указалъ на нихъ, посовѣтовался съ окружающими и наконецъ сказалъ:

— Ясно, что насъ обходятъ и хотятъ вступить въ Галицію, а тутъ еще мнѣ доносятъ, что Рюдигеръ двигается на насъ со всей арміей. Но надо рано вставать, чтобы застать насъ врасплохъ!

Затѣмъ онъ приказалъ отступить на австрійскую территорію, а венгерскіе гусары заняли границу и такъ окончилась волынская экспедиція Дверницкаго.

Уже въ Галиціи Іосифъ Томашевскій спросилъ генерала, какія приказанія передастъ онъ чрезъ него на Украину и Подолію, и получилъ слѣдующій отвѣтъ:

— Пускай возстаютъ, пускай сражаются. Вотъ только бы мнѣ раздѣлаться съ австрійцами, а тамъ я, Богъ дастъ, перейду со всѣмъ своимъ войскомъ въ Подолію, около Каменца. Я не буду терять времени и вы не теряйте!

Съ такимъ отвѣтомъ и уѣхалъ Іосифъ Томашевскій.

Нельзя было сдѣлать больше и важнѣе ошибокъ военныхъ и политическихъ, чѣмъ сдѣлалъ Дверницкій: онъ указалъ путь *бѣгства за границу* и, если такъ можно выразиться, пренебреженія обязанностію защищать отечество. За это онъ долженъ быть сурово осужденъ и какъ человѣкъ, и какъ общественный дѣятель. Что онъ заслужилъ, то и должно быть ему воздано ради примѣра.

Дверницкій безъ сомнѣнія былъ самымъ способнымъ и самымъ счастливымъ изъ польскихъ генераловъ и доказалъ это дѣлами, а не хвастовствомъ, фантастическими проектами или осужденіемъ и порицаніемъ другихъ. Онъ былъ, можетъ быть, однимъ изъ самыхъ выдающихся людей своего времени: хорошо образованный, начитанный, онъ умѣлъ прикидываться передъ простаками и самъ простакомъ, чтобы не задѣть ихъ самолюбія и свойственнаго глупымъ людямъ желанія водить всѣхъ за носъ. Онъ могъ властвовать надъ поляками и направлять ихъ куда хотѣлъ и какъ хотѣлъ. Онъ съумѣлъ шутя достигнуть высшихъ военныхъ чиновъ, но въ концѣ концовъ все прошутилъ: и славу, и знанія и, что важнѣе всего, дѣло своей родины.

Для тѣхъ, которые были при Дверницкомъ, не было тайной, что онъ растратилъ деньги, данныя на волынскую экспедицію, въ Люблинѣ, Красноставѣ и Любартовѣ, прежде чѣмъ дошелъ до Буга, и не найдя у Михаила Чацкаго волынской кассы, которой и не существовало, притомъ зная, что въ

лѣсахъ не будетъ недостатка ни въ людяхъ, ни въ припасахъ для продовольствія и снаряженія, но не найдется денегъ, о сборѣ которыхъ не было и рѣчи, и слыша, что на Украинѣ и въ Подоліи наложена и собирается подать (какъ и всегда, слухи преувеличивали суммы, говорили чуть не о милліардѣ), онъ хотѣлъ какъ можно скорѣе добраться до этихъ денегъ, чтобы кто нибудь другой не успѣлъ захватить ихъ въ свои руки. Дорога черезъ лѣса была длинной и медленой: надо было сражаться и формировать войско, и кто знаетъ сколько бы времени это заняло, и вотъ Дверницкій избралъ путь чрезъ Почаевъ и Галицію. Можетъ быть, генералъ и разсчитывалъ уладиться съ княземъ Меттернихомъ такъ же, какъ съ генераломъ Курутой и Рожницкимъ. Побуждаемый желаніемъ овладѣть деньгами, онъ сдѣлалъ большую, непростительную военную ошибку, причемъ здѣсь играло роль и желаніе скрыть фактъ растраты общественныхъ денегъ, лучшимъ доказательствомъ чего служитъ оставленіе непріятелю ящиковъ съ кассой и, въ вѣрности чего насъ торжественно увѣряли, посылка нарочнаго въ Сулинцы съ цѣлью направить донцовъ на покинутые ящики. Лучше открыто сказать правду, чѣмъ скрывать истину, извращеніе которой, вслѣдствіе причинъ политическихъ или софизма „de mortuis aut bene aut nihil“, произвело то, что мы не знаемъ въ истинномъ видѣ ни нашей исторіи, ни нашихъ преданій. Когда приходится дѣйствовать, мы, не зная своего прошлаго, ищемъ его ощупью, играемъ въ жмурки, и или поймаемъ кого нибудь или, что чаще случается, сами съ завязанными глазами, бываемъ выталкиваемы за дверь. Вслѣдствіе нашего невѣжества мы остаемся неисправимыми.

У меня болѣе чѣмъ у кого либо лежитъ сердце къ рыцарскому образу Дверницкаго, который болѣе всѣхъ нашихъ генераловъ напоминалъ Стефана Чарнецкаго и Конашевича-Сагайдачнаго; онъ одинъ изъ всѣхъ генераловъ являлся мужественнымъ вождемъ; онъ превосходно командовалъ тысячами, но и во главѣ сотенъ или даже десятковъ готовъ былъ броситься въ битву. Какъ же не любить такого полководца, но какъ и не оплакивать того зла, которое онъ причинилъ!

Послѣ несчастнаго исхода возстанія, ему простили его грѣхи, окружили его ореоломъ популярности и снова допустили его водить себя за носъ, а онъ все грѣшилъ да грѣшилъ и умеръ, надѣлавъ рядъ политическихъ ошибокъ. А еслибы съ нимъ обошлись иначе, быть можетъ, онъ и опомнился бы и дѣло приняло бы лучшій оборотъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

БАКОТСКІЙ СКАЛЬНЫЙ МОНАСТЫРЬ.

(Объясненіе къ рисункамъ).

Въ Ушицкомъ уѣздѣ Подольской губерніи, между мѣстечкомъ Студеницею и городомъ Старою Ушицею, на живописномъ берегу Днѣстра расположено небольшое село Бакота.

Населеніе это въ давнее княжеское время было значительнымъ городомъ, составлявшимъ политическій центръ если не всей Подольской земли, то по крайней мѣрѣ той западной ея части, которую лѣтописи называютъ галицкимъ „Понизьемъ". Имя Бакоты упоминается въ Ипатской лѣтописи первый разъ въ 1240 году и, затѣмъ, лѣтописныя и документальныя свѣдѣнія даютъ намъ возможность слѣдить за судьбою этого города до самаго его разоренія въ 1430 или 1431 году.

Первое упоминаніе лѣтописи о Бакотѣ указываетъ уже на этотъ городъ, какъ на центръ Понизія; разсказывая въ 1240 г. о попыткѣ галицкихъ бояръ отторгнуть разныя области галицкаго княжества, лѣтопись передаетъ, что бояринъ Доброславъ „вокняжился бѣ, и грабяше всю землю, и вошелъ въ Бакоту, все Понизье прія безъ княжа повеленія".—Много заботъ стоило Даніилу Романовичу удаленіе этого боярина, но уже въ слѣдующемъ году (1241) спокойствіе Понизья было вновь нарушено: Бакоту осадилъ претендентъ на галицкій столъ кн. Ростиславъ Михайловичъ Черниговскій съ союзниками своими князьями Болоховскими. Только вслѣдствіе энергическаго похода Ро-

мановичей на Болоховскую землю и благодаря „мудрости и крѣпости“ посланнаго Даніиломъ въ Бакоту печатника Кирилла, городъ, а вмѣстѣ съ нимъ и все Понизіе были удержаны галицкимъ княземъ. Отбивши Ростислава, Даніилъ Романовичъ отправился лично въ Бакоту „хотя уставити землю“.

Но порядокъ, установленный имъ, оказался не прочнымъ; въ 1255 году „пріѣхаше татаре къ Бакотѣ“, и представитель мѣстнаго населенія, нѣкто Милѣй, „приложися къ нимъ“.— Вскорѣ послѣ того Левъ Даниловичъ арестовалъ, по приказанію отца, Милѣя и принятого имъ татарскаго баскака: но Даніилъ, „сдумавъ съ сыномъ“ отпустилъ Милѣя обратно въ Бакоту, взявъ съ него клятву въ вѣрности; клятва эта оказалась не дѣйствительною: Милѣй при вторичномъ приходѣ татаръ „створи лесть и предасть паки татарамъ Бакоту“.

Съ этого времени связь Понизья съ галицкимъ княжествомъ прерывается и область эта находится въ непосредственной зависимости отъ татаръ въ теченіи цѣлаго столѣтія.—О судьбѣ этого края подъ властью татаръ лѣтописи умалчиваютъ; изъ текста древнѣйшей литовско-русской лѣтописи мы знаемъ только, что страна пользовалась значительною долею автономіи въ внутреннемъ своемъ управленіи. Татаре потребовали только, чтобы укрѣпленія городовъ были срыты; въ Подоліи не существовало, вслѣдствіе того, ни одного города „ни деревомъ рубленого, ни каменемъ будованого“, затѣмъ жители обложены были въ пользу татаръ данью, за полученіемъ которой пріѣзжали изъ ордъ баскаки; но сборомъ дани завѣдывали представители мѣстныхъ общинъ „атаманы“, которые и были единственными извѣстными намъ органами управленія края.

Послѣ побѣды, одержанной въ 1362 г. на берегахъ Синей воды В. К. Ольгердомъ надъ тремя татарскими ханами, носившими титулъ „отчичей и дѣдичей подольской земли“, Подоліе вошло въ составъ В. К. Литовскаго и было отдано Ольгердомъ въ ленъ его племянникамъ князьямъ Коріатовичамъ. Послѣдніе занялись устройствомъ и укрѣпленіемъ страны, „вошли въ пріязнь со атаманы, почали боронити Подольскую землю

отъ татаръ". Съ этою цѣлью они стали вновь строить укрѣпленные замки и возстановлять древніе княжескіе города. Они основали Смотричъ, Каменецъ и возобновили укрѣпленія Бакоты; въ городѣ этомъ они застали въ скалѣ пещерный монастырь, „гдѣ были чернцы въ горѣ"—по словамъ лѣтописи,—„въ томъ мѣстѣ нарядили городъ Бакоту". Западное Подоліе было раздѣлено Коріатовичами на пять административныхъ округовъ, во главѣ которыхъ стояли возведенные ими замки: Каменецъ, Смотричъ, Скала, Червоноградъ и Бакота; значеніе центральнаго города Подоліи переходитъ теперь къ вновь основанному Каменцу, пользовавшемуся репутаціею неприступной крѣпости, и Бакота отходитъ на второй планъ въ качествѣ столицы одного изъ Подольскихъ повѣтовъ. Повѣтомъ этимъ управляли назначаемые князьями старосты, и имя одного изъ бакотскихъ намѣстниковъ—Немиры,—сохранилось въ двухъ дошедшихъ до насъ документахъ (1388—1392).

Въ 1393 г. В. К. Витовтъ, преслѣдуя свою завѣтную мысль устраненія удѣльныхъ князей, отнялъ Подоліе у Өедора Коріатовича, но не имѣлъ возможности удержать его за собою; онъ долженъ былъ вслѣдствіе домогательствъ польскаго короля Владислава Ягайла уступить ему пять западныхъ подольскихъ повѣтовъ, въ томъ числѣ и Бакоту, за сумму 26,000 копъ; король-же, два года спустя, передалъ ихъ въ ленъ одному изъ польскихъ вельможъ, воеводѣ Краковскому Спытку изъ Мельштина, взыскавъ съ него уплаченную Витовту сумму.—Спытко погибъ въ несчастной битвѣ на берегахъ Ворсклы въ 1399 году, и король выкупилъ у его вдовы Подоліе, возвративъ ей уплаченную мужемъ ея сумму, и передалъ область въ ленъ брату своему Свидригайлу; но вскорѣ, вслѣдствіе измѣны Свидригайла, ленъ былъ у него отнятъ, и въ 1410 году Ягайло возвратилъ Подоліе Витовту, уплатившему за то 40,000 копъ грошей. Въ теченіе 20 лѣтъ послѣ того всѣ Подольскіе замки находились во владѣніи Витовта. Только послѣ кончины этого великаго князя поляки вновь предъявили свои притязанія на Подоліе и хитростью завладѣли Каменецкимъ замкомъ. Между Ягайломъ

и преемникомъ Витовта Свидригайломъ вспыхнула война за обладаніе Подоліемъ; четыре западные повѣта области были захвачены и удержаны поляками, Брацлавъ съ восточною половиною Подолія остался во власти литовцевъ; Бакотскій повѣтъ, лежавшій почти на рубежѣ обѣихъ территорій, былъ театромъ самой упорной борьбы; между тѣмъ какъ поселившаяся въ немъ польская шляхта признала надъ собою власть польскаго короля, крестьянское населеніе тянуло къ Литвѣ и старалось избавиться отъ иноземнаго дворянства. Среди борьбы замокъ Бакотскій былъ разрушенъ; вѣроятно въ это время разоренъ былъ и городъ, такъ-какъ съ того времени прекращаются всякія о немъ упоминанія. Послѣдній документъ, въ которомъ упоминается имя Бакоты, какъ города, это актъ перемирія, заключеннаго между королемъ Ягайломъ и Свидригайломъ въ 1431 году. Въ документѣ этомъ сказано между прочимъ, что обѣ стороны обязываются до окончанія срока перемирія не возстановять и не починять разрушеннаго Бакотскаго замка. Вслѣдъ затѣмъ (1434 г.), Бакотскій повѣтъ вошелъ въ составъ той части Подолія, которая была окончательно присоединена къ Польшѣ. Не только городъ и замокъ не были возстановлены, но и повѣтъ Бакотскій, при новомъ административномъ дѣленіи области перестаъ существовать, и территорія его вошла въ составъ каменецкаго повѣта. Въ началѣ XVI столѣтія мы уже встрѣчаемъ въ документахъ Бакоту въ качествѣ ничтожнаго сельскаго поселенія: въ 1530 году въ немъ было только 3 дома, а подъ конецъ того же столѣтія, въ 1583 году, въ Бакотѣ люстрація отмѣчаетъ 6 крестьянскихъ домовъ, которыми владѣли 5 помѣщиковъ—шляхтичей.

Немного памятниковъ осталось въ нынѣшней Бакотѣ отъ ея блестящаго, но отдаленнаго прошлаго: лишь лежащее въ двухъ верстахъ отъ нея село Теремцы напоминаетъ названіемъ своимъ древнерусскую старину, да въ самой Бакотѣ крутая гора „Билая", возвышающаяся на 74 сажени надъ уровнемъ Днѣстра, вмѣстѣ съ прилегающею къ ея подошвѣ небольшою прибрежною полосою, сохранила названіе „*Монастырища*". Слѣды бывшаго

скальнаго монастыря до недавняго времени замѣтны были только на самой вершинѣ горы, представляющей отвѣсную скалу третичнаго известняка: въ ней сохранился корридоръ, спускающійся въ скалу въ видѣ двухъ оборотовъ громадной улитки. Нижній конецъ корридора выходитъ на поверхность отвѣсной скалы — очевидно продолженіе его не сохранилось, вслѣдствіе того, что скала въ которой оно было выковано, откололась и упала внизъ. Въ стѣнахъ уцѣлѣвшей части корридора сохранились только двѣ небольшія, выкованныя келіи, и въ одной изъ нихъ,— небольшая ниша, служившая лежанкою.

За исключеніемъ верхней, отвѣсной, скалы, остальная часть ея до самаго подножія была покрыта весьма круто спускавшимся къ рѣкѣ слоемъ щебня, перемѣшаннаго съ землею и крупными обломками камней; слой этотъ образовался отъ обваловъ весьма рыхлой, легко вывѣтривающейся и осыпающейся известковой скалы. Въ прошломъ году крестьяне бакотскіе, руководясь частью благочестивымъ желаніемъ открыть древній монастырь, частью увлеченные фантастическими легендами о хранящихся въ горѣ кладахъ, принялись сбрасывать мусоръ и щебень, покрывающій склоны горы. Почти на половинѣ ея высоты они встрѣтили на обнаженной скальной стѣнѣ рядъ выкованныхъ нишъ, затѣмъ расчистили у подножія скалы площадку и нашли входъ въ обширную пещеру. Дальнѣйшія раскопки крестьянъ были пріостановлены и продолжались въ іюлѣ текущаго года уже по инициативѣ Императорской археологической коммиссіи. Раскопки обнаружили цѣлый нижній этажъ скальнаго монастыря, составлявшій монастырскую усыпальницу; этажъ этотъ представляется въ слѣдующемъ видѣ: у подножія скалы простирается расчищенная площадка въ нѣсколько саженъ шириною, полъ которой состоитъ изъ той-же известковой скалы. На отвѣсныхъ каменныхъ стѣнахъ видѣнъ сначала цѣлый рядъ углубленныхъ внутрь скалы продолговатыхъ нишъ, въ которыя

вдвигались покойники, затѣмъ у одного изъ такихъ углубленій на скалѣ выкована надпись:

ГН

поз григорни оуздав глъ мѣсто се Ц ЧЕ П

БЛГСВИ ХС ГРИГОРЬЯ

ІГУМЕНА ДАВЪША

ГО СИЛУ СТМУ МИХАЛУ

ГБ ВТВО

БМ

Далѣе находится входъ въ пещеру, открытую крестьянами; нѣсколько саженъ лѣвѣе—другая пещера, затѣмъ обширная арка, передняя часть которой обрушилась, но по рединѣ ея остался большой камень, съ равною на верхней его поверхности площадкою; еще далѣе—входъ въ третью пещеру. На поверхности самой площадки въ разныхъ мѣстахъ ея выкованы были въ ея скальномъ грунтѣ 5 гробницъ въ видѣ прямоугольныхъ ящиковъ. Всѣ три пещеры состоятъ изъ широкихъ корридоровъ, сажня въ $1^1/_2$ высотою. Въ стѣнахъ корридоровъ выкованы продолговатыя ниши или лежанки, величиною въ человѣческій ростъ, напоминающія совершенно такія-же ниши въ римскихъ катакомбахъ; на полу корридоровъ—прямоугольныя гробницы въ видѣ ящиковъ, подобныя тѣмъ, которыя сохранились и на площадкѣ передъ входомъ въ пещеры. Всѣхъ нишъ въ стѣнахъ трехъ пещеръ находится 17, гробницъ въ полу 19. Вѣроятно во время существованія монастыря, надъ входами въ пещеры спускался выкованный изъ той-же скалы каменный

сводъ; основанія двухъ большихъ устоевъ, поддерживавшихъ этотъ сводъ, сохранились понынѣ.—Впослѣдствіи этотъ сводъ обрушился вслѣдствіе паденія скалъ, отколовшихся отъ верхней части горы, надавившихъ сверху громадною тяжестью, загромоздившихъ всю площадку и закрывшихъ входы въ самыя пещеры. Расчищая площадку, пришлось скатывать внизъ громадныя каменныя глыбы и сбрасывать массу щебня и мусору. Въ нижнихъ слояхъ его, противъ того мѣста, гдѣ уцѣлѣла половина арки, на самомъ днѣ обвала лежали каменныя глыбы, нижняя поверхность которыхъ, тщательно выглаженная и на нѣкоторыхъ болѣе крупныхъ обломкахъ представлявшая ясные слѣды правильной кривизны (вѣроятно сегменты свода), покрыта была живописью, представлявшею лики святыхъ, дѣланные на поверхности камня, непокрытой штукатуркою, масляными красками. Среди большого количества мелкихъ обломковъ, покрытыхъ остатками живописи, на одномъ найдены были буквы М. Р., на другомъ $\frac{В}{Л}$; на четырехъ болѣе крупныхъ обломкахъ уцѣлѣли лики шести святыхъ С Н; на одномъ изъ этихъ обломковъ изображена была мужская фигура, но живопись столь плохо сохранилась, что не было возможности разсмотрѣть ни чертъ лица, ни подробностей одѣянія. На другомъ фрагментѣ уцѣлѣлъ, повидимому, ликъ Бо городицы; обломокъ этотъ пред ставлялъ ту особенность, что сія ніе вокругъ головы было не только изо бражено краскою, но притомъ выко вано на скалѣ въ видѣ haut-relief'а. На третьемъ, самомъ крупномъ, об ломкѣ, виднѣются изображенія трехъ святыхъ (см. рис. I): по серединѣ муже ская фигура въ

корзнѣ и панцырѣ съ сіяніемъ вокругъ головы, по сторонамъ двѣ женскія фигуры. Наконецъ на четвертомъ фрагментѣ (см. рис. II) уцѣлѣла мужеская голова, окруженная сіяніемъ, и женское погрудное изображеніе.

На основаніи, описанныхъ остатковъ Бакотскаго монастыря, позволяемъ себѣ высказать нѣсколько догадокъ о ихъ древности и значеніи.

Скальный Бакотскій монастырь упоминается въ концѣ XIV столѣтія; въ то время онъ представлялъ уже учрежденіе древнее, пережившее счастливо періодъ подчиненія Подолія татарамъ; полагаемъ, что не будетъ рискованнымъ предположить возникновеніе его еще въ то время, когда край находился подъ властью галицкихъ князей, т. е. въ половинѣ XIII или въ концѣ XII столѣтія.

Судя по тексту сохранившейся надписи, монастырь былъ созданъ во имя святаго Михаила. Основателемъ его или устроителемъ былъ игуменъ Григорій. Намъ кажется, что вся надпись была сдѣлана не въ одно и тоже время. Повидимому, первоначальная надпись, выкованная у ниши, въ которой по всему вѣроятію похороненъ былъ уважаемый игуменъ, состояла лишь изъ трехъ послѣднихъ строкъ: „Благослови Христосъ Григорья ігумена, давшаго силу Святому Михайлу“. Затѣмъ впослѣдствіи, когда воспоминаніе объ устроителѣ монастыря стало сглаживаться въ памяти слѣдовавшихъ поколѣній, прибавлена была для поясненія первая строчка: „Григорій оуздвяглъ мѣсто се“ (шрифтъ этой строчки размѣромъ на половину меньше остальныхъ; въ словѣ уздвяглъ встрѣчаемъ начертаніе оу вмѣсто ѹ, которое 4 раза поставлено въ 3-й и 4-й строкахъ).

Монастырь вѣроятно былъ опустошенъ, и братія разсѣяна въ то время, когда разореніе постигло городъ Бакоту (около 1430 года); затѣмъ монастырскія келіи, пещеры и усыпальница вѣроятно долгое время стояли въ-пустѣ, подвергались грабежамъ и расхищенію съ цѣлями корыстными или изъ побужденій празднаго любопытства, пока, вѣроятно, много лѣтъ спустя, обвалъ верхней скалы не скрылъ подъ грудами мусора древнихъ сооруженій. Этимъ обстоятельствомъ, полагаю, можно объяснить отсутствіе въ пещерахъ всякихъ принадлежностей церковнаго служенія, равно какъ и отсутствіе въ нишахъ и гробницахъ скелетовъ или мощей погребенной въ нихъ братіи.

Арка, уцѣлѣвшая между входами во вторую и третью пещеры, представляетъ, вѣроятно, остатокъ небольшой пещерной кладбищенской церкви; на мысль эту наводятъ два обстоятельства: уцѣлѣвшій въ срединѣ арки камень съ гладкою поверхностью, подобный которому сохранился понынѣ, въ качествѣ алтаря, въ пещерной Іоанно-Крестительской церкви села Лядавы (на берегу Днѣстра въ могилевскомъ уѣздѣ); а также многочисленныя изображенія святыхъ, найденныя на томъ мѣстѣ, гдѣ повидимому долженъ былъ находиться входъ въ эту церковь.

По поводу имени игумена Григорія позволимъ себѣ сдѣлать сближенія, нисколько, конечно, на немъ не настаивая: среди крайне скудныхъ лѣтописныхъ свѣдѣній о судьбѣ древней галицко-русской церкви, единственное уцѣлѣвшее имя лица, прославившагося пустынножительствомъ и святостью, это имя Полонинскаго игумена Григорія. Подъ 1262 годомъ Ипатская лѣтопись, разсказывая объ обращеніи въ христіанство литовскаго князя Войшелка Мендовговича, сообщаетъ, что князь этотъ, принявъ крещеніе, вслѣдъ затѣмъ „иде въ Полонину ко Григоріеви въ монастырь и пострижеся во чернцѣ и бысть въ монастыри у Григорія 3 лѣта ..... пріемъ благословеніе отъ Григорія. Григорей-же бяшеть человѣкъ святъ, якого-же не бысть передъ нимъ и ни по немъ не будетъ“.—Вѣроятно совпаденіе именъ двухъ игуменовъ совершенно случайное, но, можетъ быть, оно не исключаетъ возможности предположенія, что знаменитый святостью полонинскій игуменъ могъ также „дати силу“ пещерному монастырю св. Михаила въ Бакотѣ, и преслѣдуя идеалъ аскетической жизни, можетъ быть оуздвиглъ и этотъ монастырь.“

В. А.

Документы, извѣстія и замѣтки.

Астрономъ Эйлеръ въ Сѣчи Запорожской въ 1770 г. [1])

(*Отрывокъ изъ напечатанной статьи моей подъ заглавіемъ «Первыя попытки изученія Новороссіи въ 1760—1774 г.*)» По случаю небеснаго періодическаго явленія, наблюдаемаго въ нынѣшнемъ году астрономами во всемъ образованномъ мірѣ — «прохожденія планеты Меркурія мимо солнца», мы нашли любопытный документъ объ этомъ же событіи за 120 лѣтъ назадъ. И этотъ документъ мы заимствовали не изъ записокъ академій, или библіотекъ высокихъ ученыхъ учрежденій, но изъ бѣдныхъ остатковъ запорожскаго архива! Это событіе произвело не малый переполохъ въ Сѣчи Запорожской, судя по слѣдующей перепискѣ 1770 года.

Въ самомъ разгарѣ кровавой борьбы нашей съ турками, (1769—1774), когда войско запорожское съ кошевымъ своимъ во главѣ подвизалось въ очаковскихъ и ногайскихъ степяхъ, правящій въ Сѣчи, судья войсковой Николай Тимофѣевъ донесъ атаману съ особымъ нарочнымъ о своихъ хлопотахъ слѣдующимъ письмомъ отъ 16 мая 1770 года.

---

[1]) Настоящая замѣтка прислана намъ многоуважаемымъ сотрудникомъ нашимъ, маститымъ историкомъ А. Скальковскимъ при слѣдующемъ письмѣ:

Въ редакцію журнала „Кіевская Старина“.

Приступивъ къ дополненію книги моей подъ заглавіемъ: „*Исторія Новой Сѣчи*“ вновь добытыми документами, я спѣшу представить въ редакцію „Кіевской Старины“ прилагаемую при семъ статейку мою, подъ заглавіемъ:

„Астрономъ Эйлеръ въ Сѣчи Запорожской въ 1770 г. и покорнѣйше просить напечатать ее—если угодно, въ одной изъ книжекъ журнала, для извѣстія Кіева съ новымъ—вѣроятно послѣднимъ въ жизни, историческимъ трудомъ моимъ“.

Императорской академіи наукъ, Московскаго общества и др. членъ, А. Скальковскій.

«Сегодня отъ поручика артиллеріи Эйлера присланъ нарочный, морскаго флота штурманъ Василій Кипріановъ, съ тѣмъ, что оной Эйлеръ теперь находится въ крѣпости св. Елисаветы и въ скорости сюда будетъ въ Сѣчь, для «примѣчанія въ солнцѣ Венеры», подъ здѣшнимъ градусомъ. Тотъ же присланный требуетъ подводъ 20 для поѣздки ему Эйлеру около города, для посмотрѣнія, также расположенія рѣкъ и днѣпровыхъ гирлъ, и всякаго во всемъ удовольствія, а паче чтобы мясиво въ городѣ было безпрестанно, чтобы дозволялось посмотрѣть также, какимъ образомъ казненные вѣшаются и пр.» Г. судья спрашивалъ дважды у кошеваго наставленія, что ему дѣлать?

Отвѣтъ кошеваго, съ похода писанный, весьма подробно свидѣтельствуетъ о безпокойствахъ запорожской старшины, на счетъ пріѣзда такого удивительнаго для нихъ гостя.

«Посланному отъ г. Эйлера, или ему самому, сказать имѣете, что войска запорожскаго всѣ козаки въ походѣ находятся, потому подводъ и провожатыхъ поручику Эйлеру давать не можно. А что требуетъ отводу квартиры такой, на коей помѣстились бы палатокъ 8, то надобно знать, что въ Сѣчи такихъ дворовъ не имѣется. А если пространнаго мѣста надобно, то по теперешнему лѣтнему времени то сталъ бы за городкомъ. Что же требуетъ что бы въ Сѣчи безпрестанно мясиво было и допущенно ему видѣть какимъ образомъ казненные, (вѣроятно осужденные) вѣшаются, то ему поручику и никому стороннему, въ здѣшніе суды и распоряженія мѣшаться не слѣдуетъ, ибо здѣшніе суды и распоряженія дѣлаются по Высочайшимъ привилегіямъ».

Что бы понять причину такого переполоха запорожцевъ, то надобно помнить, что въ эти злополучные для войска годы (1761—1773) войско, кромѣ войны съ турками и татарами, столь обычной для козаковъ, вело тяжкую борьбу съ сосѣдями, донецкимъ и новосербскимъ корпусомъ, и даже съ придворными «благодѣтелями», которые на ихъ землѣ ихъ «Палестину корыстуются безщадно», а потому ученыхъ экспедицій Палласа, Эйлера и другихъ академиковъ считали за посланцевъ размежеванія и захвата новыхъ цѣлыхъ округовъ запорожскихъ земель, какъ это было уже въ 1750 и даже 1760 годахъ [1]).

Но вѣроятно съ ученымъ астрономомъ запорожцы скоро поладили, ибо находимъ въ числѣ «аттестатовъ» о принятіи въ козачество, его самого слѣдующаго содержанія:

---

[1]) Объ этихъ спорахъ „за границы" т. е. за земли, мы подробно говорили въ нашей *Исторіи Новой Сичи* ч. II стр. 138—201, и ч. III стр. 149.

«Астрономической экспедиціи главный предводитель, артиллеріи, бомбардирскаго полку, господинъ поручикъ *Христофоръ Леонтьевичъ Эйлеръ*, въ пріѣздъ свой въ нынѣшнее время въ Сѣчь Запорожскую, по его прошенію, въ войско запорожское, въ число куреня куцовскаго товарищемъ принятъ 4 августа 1770 года.

И такъ, изъ этой кратковременной борьбы астронома съ кошемъ, г. Эйлеръ въ 2 мѣсяца, вышелъ полнымъ побѣдителемъ.

А. Скальковскій.

Савва Чаленко и Игнатъ Голый. Много писано уже объ этихъ двухъ ватажкахъ, сдѣлавшихся—первый по какому-то недоразумѣнію, второй съ гораздо бо́льшимъ основаніемъ — героями народныхъ пѣсенъ, но все-таки жизнь ихъ недостаточно извѣстна, и въ самыхъ подробныхъ разсказахъ о нихъ встрѣчаются нѣкоторые пробѣлы [1]). Въ документахъ кіевскаго центральнаго архива намъ встрѣтилось два извѣстія, которыя могутъ пополнить біографію этихъ лицъ нѣсколькими новыми чертами.

Первое извѣстіе касается Чаленка и относится къ 1735 году. Въ это время Чаленко, какъ извѣстно, находился еще въ отрядѣ Верлана и дѣйствовалъ въ духѣ народнаго возстанія; правда, дѣйствія эти были довольно безцвѣтны и ограничивались грабежомъ, но это не мѣшало ему пользоваться сочувствіемъ и поддержкою со стороны запорожцевъ; только въ концѣ 1736 г. Чаленко открыто измѣнилъ образъ дѣйствій — явился къ региментарю Малиновскому, принесъ присягу на вѣрность Рѣчи [2]) Посполитой и былъ назначенъ полковникомъ. И вотъ, мы узнаемъ, что еще въ 1735 г. случилось слѣдующее происшествіе, констатированное оффиціальнымъ документомъ:

«735 г. куреня Куреневскаго Тимко Птуха ездилъ спашпортомъ въ с. Бужинъ для доправки на должникахъ долговъ, то въ тѣ поры Савка Чалѣнко, лядскій ватагъ повесить приказалъ [3]).

[1]) Наиболѣе полный, хотя далеко не безпристрастный очеркъ ихъ дѣятельности сдѣланъ д-ромъ Антоніемъ У. (переводъ помѣщенъ въ „Кіевской Старинѣ" 1887 № 11); въ концѣ очерка приложенъ обстоятельный списокъ источниковъ.

[2]) См. архивъ Ю.-З. Россіи ч. III, т. 3, предисловіе В. Б. Антоновича.

[3]) „Ведомость именная, сколко отъ прошедшаго 733 дажѣ по настоящій 746 годъ казаковъ войска запорожскаго низоваго ляхи повешали и что вниxъ поотбирали" и т. д., представленная кіевскому ген.-губ. Леонтьеву кошевымъ атаманомъ.

«Лядскимъ ватагомъ» Чаленко въ этомъ извѣстіи названъ по ошибкѣ; но самый фактъ ограбленія имъ запорожца въ то время, когда онъ еще пользовался поддержкою запорожья, можетъ служить дополненіемъ къ характеристикѣ этого человѣка, имя котораго такъ незаслуженно опоэтизировано народомъ.

Второе извѣстіе касается Игната Голаго и относится къ 1743—4 г. Оно находится въ перепискѣ кіевскаго ген.-губ. Леонтьева съ кошевымъ атаманомъ Іакимомъ Игнатовичемъ по поводу одного незначительнаго наѣзда. Вотъ обстоятельство этого дѣла.

18 сентября 1743 г. восемь человѣкъ запорожцевъ напали подъ Немировымъ у Ободянской корчмы на ѣхавшихъ изъ Кіева сидѣльцевъ купца Свѣшникова и ограбили ихъ. Свѣшниковъ отправилъ въ Сѣчь для розысковъ сидѣльца Филатова, который и узналъ, что ихъ разбивалъ «Медвѣдовскаго куреня козакъ Игнатка Ватажка». Услыхавъ, что Игнатка находится въ Гардѣ, Филатовъ, взявъ проводника у кошеваго, поѣхалъ туда, но Игнатки не нашелъ: ему сказали, что онъ «будучи въ Гардѣ поѣхалъ наздобічъ». Когда же Филатовъ возвратился въ Сѣчь, то «кошевой Игнатовичъ, призвавъ въ свой курень, билъ нещадными побои и посадилъ подъ караулъ въ пушкарню скованнаго; потомъ отпустилъ, но потомъ опять велѣлъ сковать». Филатовъ обратился съ жалобою въ гарнизонную сѣчевую канцелярію къ подполк. Кондыреву; послѣдній обратился къ кошевому и представилъ ему ордеръ Леонтьева о разысканіи грабителей. Тогда кошевой призвалъ медвѣдовскаго куреннаго атамана и спрашивалъ его объ Игнаткѣ, но тотъ отвѣчалъ: «у насъ де такой Игнатко былъ, а нынѣ ево неимѣетъца, а где делся, не знаемъ». Обо всемъ этомъ Кондыревъ донесъ Леонтьеву 15 декабря 1743. Въ тотъ же день и кошевой Игнатовичъ послалъ Леонтьеву отписку, въ которой объясняетъ, что Филатовъ въ первый пріѣздъ въ сѣчь не показалъ ему ордера Леонтьева и не объявилъ цѣли поѣздки, почему онъ и не могъ оказать ему содѣйствія. Что же касается Игнатка, то медвѣдовскій атаманъ «созналъ, что теперь немае, а впрежъ хотя и былъ, но оный при фелтмаршалу фонъ Миниху служилъ и жену мѣлъ въ Малороссіи, то и теперь чи не съ женою, а промежи войска не имѣется и атаманъ не знаетъ о немъ». Но получивъ ордеръ вашего высокопр—ва, прибавляетъ онъ, «мы проискъ чинитимемъ и аще провѣдино будетъ, то не укрыватимемъ».

На оборотной сторонѣ этой отписки находится слѣдующая резолюція Леонтьева: «записалъ къ отпуску сообщить и справясь спол-

скими дѣлами ответствовать, что за убивство Савки Чаленка онъ Игнатъ содержался у них запорожцев подъ карауломъ, а нынѣ они представляютъ, яко бы уже ево и въ Сѣчи не имѣется, и то видно ево атаманское закрывательство сущихъ воровъ, понеже когда онъ Игнатка по первому дѣлу приличенъ и подъ карауломъ держанъ, то уже ево безъ ордера свобождать и такіе пустые отговорки учинить не подлежало»...

Въ томъ же духѣ составленъ и ордеръ Леонтьева кошевому отъ 15 января 1744. Въ этомъ ордерѣ, за изложеніемъ обстоятельствъ дѣла, сказано: «а понеже предсимъ481присланной отъ бывшаго кашеваго атамана Еремѣевича отпискѣ показано, что онъ Игнатка по ордеру моему по приличности учиненного имъ полскому полковнику Савкѣ Чаленку смертнаго убивства содержитца завашимъ крепкимъ карауломъ, котораго было по тому первому ево злодейству безуказу освобождать ненадлежало, а видно всвабоду ево слабость и потачки отвасъ последовали»... Въ пресеченіе же далнейшей вашей слабости и потворства наикрепчайше предлагаю помянутаго ведомого злодея (въ черновомъ текстѣ: оного знатнаго плута и вора казака) Игнатку не принося никакихъ кзакрывательству отговорокъ немедленно сыскать. Въ противномъ случаѣ Леонтьевъ грозитъ представить обо всѣхъ «коварствахъ и укрывательствахъ» кошеваго Его И. В.

Кошевой Игнатовичъ въ отпискѣ отъ 11 февраля объясняетъ побои, нанесенныя Филатову («ударилъ разовъ три палкою по шіи») наказаніемъ за «обманство». Объ Игнаткѣ же говоритъ: «А зъ Ігнатка то ми атаманъ кошовій курѣннаго атамана медведовскаго неоднократно призывая стязовали, чи не слышно где бъ оной обретался, то атаманъ подсовестию христианскою созналъ, же незнаетъ, где оной Игнатко пошолъ и за прописаннимъ Игнаткою уже для взискания везде вкрузѣ нашемъ войсковомъ постепью и по рѣчкамъ проискъ чинено, но толко внашемъ крузѣ нигде оного немае и неслышно, ибо ащеби оной внашемъ крузѣ где билъ, тоби ми его прибравъ до рукъ и подполковнику нещадѣли отдать, ибо оной Игнатка прошедшаго года якъ ушолъ, то и посію пору незнать вжени у Малороссіи, чили въякихъ другихъ краехъ зобретается ми неизвѣстни».

Леонтьевъ отвѣчалъ на это новымъ ордеромъ отъ 16 марта, составленнымъ почти въ тѣхъ же выраженіяхъ, какъ и предъидущій, Игнатовичъ отвѣчалъ на него новою отпискою, въ которой говоритъ: «ми атаманъ кошовіи якъ первоистенно и праведно писали, что незнаемъ где Ігнатка зобретается оттого времени якъ ушелъ, то и те-

перъ пишемъ, же жаднимъ видомъ не закрывали бъ его, если бы где былъ онъ слышенъ промежду нашимъ войскомъ, а то нигде не можемъ про него прослишать, и праведно пишемъ, же вкрузѣ нашемъ войсковомъ ево неимѣется а еслибы былъ и мы закривать бы могли, ибо за нимъ потачку чинить, то впредь на насъ вина зобрящеться», Въ заключеніе кошевой извиняется въ томъ, что ударилъ Филатова «за неучтивіе договорки».

Этою отпискою и оканчивается въ нашемъ дѣлѣ эпизодъ съ Игнатомъ, дальнѣйшая участь котораго остается неизвѣстною. Изъ фактовъ, упоминаемыхъ въ дѣлѣ, заслуживаютъ вниманія его женитьба и служба при Минихѣ, знакомящія насъ отчасти съ прошлымъ Игната, до начала его гайдамачества. Но особенный интересъ представляетъ содержаніе его подъ карауломъ въ Сѣчи за убійство Чаленка и загадочное освобожденіе. Мы видѣли, что Леонтьевъ прямо обвинялъ Игнатовича въ содѣйствіи побѣгу Игната. Обвиненіе это, повидимому, было справедливо: по крайней мѣрѣ Игнатовичъ ничего не возражалъ противъ него и не далъ никакого объясненія относительно побѣга Игната, который между тѣмъ открыто разъѣзжалъ по запорожскимъ землямъ и предпринималъ экскурсіи «наздобічъ». Отписка Игнатовича и поведеніе его относительно Филатова еще яснѣе опредѣляютъ отношеніе запорожцевъ къ убійцѣ Саввы Чаленка.

В. Щербина.

Судьба одной знатной козацкой фамиліи. На страницахъ «Кіевской Старины» появлялось не мало матеріаловъ для исторіи козацкой старшины, пріобрѣтавшей разными способами большія земельныя имущества и составившей, послѣ присоединенія края къ русскому государству, новую козацкую аристократію. Конечно, при тѣхъ политическихъ смутахъ, которыя переживала Малороссія въ XVII и XVIII ст. и на почвѣ которыхъ возникала козацкая аристократія, далеко не всѣмъ ея представителямъ удавалось упрочить свое положеніе, и многіе роды, временно возвышавшіеся, теряли по тѣмъ или другимъ причинамъ пріобрѣтенное положеніе. Предметомъ настоящей замѣтки служитъ исторія одного такого рода—*Бурляевъ*, извлеченная изъ двухъ дѣлъ кіевскаго центральнаго архива (изъ числа, такъ называемыхъ, «старыхъ дѣлъ», переданныхъ изъ архива губернскаго правленія). Дѣла эти озаглавлены такъ: «Дѣло объ отыскивающихъ съ подъ владѣнія гр. Браницкаго вольности с. Мисайловки жителяхъ

Бурляяхъ, они жъ Капусты, Капустенки, Гаркавенки и Харковенки». Одно изъ нихъ началось въ 1806, окончилось въ 1829, другое началось въ 1824, окончилось въ 1830; кромѣ того, въ обоихъ дѣлахъ есть указанія еще на два однородныхъ дѣла, окончившихся въ 1830; истцы во всѣхъ дѣлахъ различные, но находящіеся между собою въ близкомъ родствѣ. По самому существу разсматриваемыхъ дѣлъ, въ нихъ нельзя встрѣтить біографическихъ подробностей, которыя могли-бы вполнѣ уяснить судьбу этой фамиліи; но и тѣ немногія данныя, какія сохранены здѣсь, даютъ понятіе о рѣзкихъ переворотахъ въ ея положеніи. Перевороты эти служатъ отраженіемъ крупныхъ историческихъ событій, въ которыхъ нѣкоторые изъ представителей этой фамиліи играли видную роль. Не слѣдя за процессуальными подробностями, мы постараемся извлечь изъ разсматриваемыхъ дѣлъ и нѣкоторыхъ печатныхъ источниковъ возможно полную исторію данной фамиліи.

Фамилія Бурляй встрѣчается впервые въ эпоху Хмельницкаго: Бурл*ай*, или Бурл*яй*, «знаменитый пиратъ на Черномъ морѣ, который завоевалъ Синопъ, задавалъ страхъ самому Цареграду», впослѣдствіи полковникъ гадяцкій или зѣньковскій, былъ убитъ подъ Збаражемъ въ 1649 [1]); не знаемъ, состояла-ли въ какомъ-нибудь родствѣ съ нимъ данная фамилія Бурляевъ, но изъ представленныхъ въ судъ документовъ видно, что представители ея вели свой родъ тоже отъ современника Хмельницкаго Кондрата Бурляя [2]), козака команды придворной е. к. в. Этому Бурляю 20 сентября 1667 въ Варшавѣ дана отъ короля Яна-Казимира привиллегія на мельницу, домъ и грунта «за чинимые отечеству заслуги» (привиллегія эта въ подлинникѣ представлена была въ судъ). Сынъ Кондрата—Гаврило Бурляй пріобрѣлъ еще болѣе видное положеніе и еще большія маетности, но уже не отъ польскаго, а отъ русскаго правительства. Отъ него сохранились слѣдующія привиллегіи, также въ подлинникахъ представленныя въ судъ: 1) 1709 г. іюня 9 отъ гетмана войскъ запорожскихъ Ивана Скоропадскаго, полковнику тѣхъ же войскъ Гаврилѣ Бурляю на имѣніе—селеніе Германовку и слободку; 2) 1710, генваря 16 отъ его сіятельства кіевскаго губернатора кн. Голицына по указу

---

[1]) Костомаровъ. Богданъ Хмельницкій, изд. 4-е, т. II, стр. 13 и 107—8; см. также собр. соч. М. А. Максимовича, т. I, стр. 730.

[2]) Не тотъ-ли это Кондратій Бырляй, который вмѣстѣ съ Сѣлуаномъ Мужиловскимъ велъ переговоры съ московскимъ правительствомъ о подданствѣ южной Руси. (Акты ю. и з. Россіи т. III, № 337)?

его императорскаго величества Петра Алексіевича полковнику сердюцкого полку Гаврилѣ Бурляю на домъ въ Кіевѣ, послѣ полковника Зеленскаго оставшійся, 3) 1710, отъ гетмана Скоропадскаго оному жъ полковнику Гаврилѣ Бурляю на дѣдичное имѣніе Ольшану; 1711 отъ его сіятельства кн. Голицына оному жъ запорожскому полковнику Гаврилѣ Бурляю о нечиненіи обидъ со стороны воинскихъ подданнымъ его. Всѣ эти документы, и въ особенности второй, заключаютъ въ себѣ указаніе и на причину милостей, излившихся на Гаврилу Бурляя: всѣ они датированы 1709—11 г., а упомянутый во второмъ документѣ Зеленскій — несомнѣнно лубенскій полковникъ Дмитрій Зеленскій, бѣжавшій вмѣстѣ съ Мазепой [1]). Сынъ Гаврила— Карпо Бурляй — принадлежалъ также къ козацкой старшинѣ; онъ былъ полковымъ судьею переяславскимъ, но повидимому никакихъ новыхъ маетностей не пріобрѣлъ. Еще при жизни его, въ концѣ XVIII в., начинается рядъ неблагопріятныхъ для семьи случайностей, которыя чуть не повели къ закрѣпощенію потомковъ сердюцкаго полковника. Сыновья Карпа (переяславскаго судьи) Иванъ и Михаилъ переселились почему-то въ Польшу. Причина этого переселенія въ дѣлѣ не выяснена: въ одномъ изъ своихъ прошеній истцы выражаются объ этомъ такимъ образомъ: «по умертвіи Карпа судьи переяславскаго и въ разсужденіи разныхъ перемѣнъ въ свѣтѣ всѣ знатности пропали, и сыновья его Иванъ и Михайло переселились въ Польшу»; въ одномъ же изъ показаній говорятъ, что Иванъ «вышелъ изъ-за Днѣпра въ Польшу, получа отъ отца своего документы, служащіе на нѣкоторыя имѣнія въ семъ краѣ состоящія, еще за нѣсколько лѣтъ передъ гайдамащиною, а братъ его Михаилъ послѣ гайдамащины вышелъ въ Польшу послѣ смерти отца и матери». Михаилъ поселился въ с. Карапашахъ, а затѣмъ перешелъ въ Тупики; Иванъ же поселелился въ с. Мисаиловкѣ; они считали себя свободными людьми, никакихъ повинностей не отбывали и только платили чиншъ за свои участки земли. Паденіе Польши и присоединеніе края къ Россіи измѣнили всѣ прежнія отношенія въ краѣ. Села, гдѣ поселились Иванъ и Михайло, составляли старостинскія имѣнія, входившія въ составъ богуславскаго староства, которое въ 1775 г. было подарено совмѣстно съ другими староствами отъ Рѣчи Посполитой королю въ вѣчное владѣніе, почему и жители должны были подпасть «праву дѣдичному»; король пожаловалъ въ свою очередь бо-

---

[1]) Максимовичъ I, 717.

гуславское староство своему племяннику кн. Понятовскому; по присоединеніи края къ Россіи имѣніе было секвестровано, затѣмъ возвращено Понятовскому, а послѣднимъ продано гр. Браницкому.

Во время всѣхъ этихъ перемѣнъ экономія считала Ивана Бурляя и его многочисленныхъ потомковъ (у него было 6 сыновей) крестьянами, такъ какъ они были записаны въ инвентарь 1765 подъ прозваніемъ Капусты. Иванъ въ то время не заботился о подтвержденіи своихъ шляхетскихъ правъ, потому что, какъ выразился одинъ изъ его потомковъ, «по бывшей въ Польшѣ для всякого народа вольности не для чего было объявлять и доказывать своей вольности». Михаилъ же почему-то не былъ записанъ въ *инвентари* и считался шляхтичемъ. По присоединіи края къ Россіи и составленіи ревизіи въ 1795, «Капусты» [1]) были записаны въ числѣ крестьянъ гр. Браницкаго. Причиною этой записи они выставляли потомъ, во 1-хъ, «незнаніе тогда россійскаго порядка, во 2-хъ, недобросовѣстность провзводившаго ревизію капита Агибалова, который требовалъ 70 р. (по другимъ показаніямъ сначала 300 р., а потомъ—30) за то, чтобы записать ихъ шляхтичами и, не получивъ ничего, записалъ крестьянами (другого брата Михаила, жившаго въ Тупикахъ, тотъ же Агибаловъ записалъ шляхтичемъ. Послѣ этого экономія гр. Браницкаго начала «употреблять ихъ въ разніе порабощенія». Но Бурляи горячо принялись отстаивать свои права: они обратились въ кіевское дворянское депутатское собраніе, которое, на основаніи извѣстныхъ уже намъ документовъ, дважды, въ 1796 и 1802, признало дворянское происхожденіе Бурляевъ (герба Ясенчакъ), но, такъ какъ они записаны въ подушн. окладѣ на основаніи сенатскаго указа 20 сент. 1802, не выдало имъ грамоты и отослало дѣло въ дерпартаментъ герольдіи. Не смотря на свое крестьянское положеніе, Иванъ Бурляй успѣлъ дать дѣтямъ образованіе: по крайней мѣрѣ, изъ дѣла видно, что два сына его, Кирило и Василій, воспитывались въ кіевской духовной академіи, а послѣдній продолжалъ образованіе въ медицинскоой академіи, получилъ степень штабъ-лекаря и, отправляясь въ турецкую компанію, посѣтилъ своихъ родичей въ Мисайловкѣ; онъ былъ убитъ подъ Очаковымъ. Внуки Ивана, опираясь на свои дворянскіе документы, поступили на службу; одинъ изъ нихъ Семенъ Карповичъ до-

---

[1]) Изъ показаній свидѣтелей-креястьянъ видно, что Бурляевъ дѣйствительно называли Капустами, потому что у нихъ была хорошая капуста, и Гаркавенками— п. ч. отецъ ихъ „имѣлъ рѣчь гаркаву“.

служилъ до чина маіора, другой—Иванъ Мартиновичъ до титулярнаго совѣтника. Эти то чиновники и подняли наконецъ дѣло объ освобожденіи своихъ отцовъ и дядей (Ивана тогда уже не было въ живыхъ), и въ 1829—30 всѣ дѣла о Бурляяхъ закончились освобожденіемъ ихъ отъ крѣпостной зависимости. Къ сожалѣнію, въ находящихся въ нашихъ рукахъ дѣлахъ (собственно остаткахъ дѣлъ, потому что подлинныя дѣла отсылались на храненіе въ тѣ повѣтовые суды, гдѣ они возникали - въ данномъ случаѣ въ богуславскій) не сохранилось ни полныхъ рѣшеній, ни свѣдѣній о дальнѣйшей участи освобожденныхъ, но изъ одного дѣла видно, что они однако не были признаны дворянами, а получивъ право избрать родъ жизни, изъявили желаніе приписаться херсонской губерніи въ ольвіопольскіе мѣщане.

В. Щербина.

Рисунки изъ путешествія имп. Екатерины II въ южную Россію.

Объ этомъ знаменитомъ путешествіи, такъ полно изслѣдованномъ г. Есиповымъ на страницахъ «Кіевской Старины», сохранилось художественное свидѣтельство. Въ петербугскомъ императорскомъ эрмитажѣ, въ отдѣлѣ рисунковъ, въ числѣ другихъ, можно видѣть акварели большого формата, сдѣланныя, какъ видно, на мѣстѣ въ разныхъ пунктахъ поѣздки императрицы. На краяхъ листовъ читается надпись: Hadfield J. C. 1787.

Мы видѣли тринадцать изъ этихъ мало кому извѣстныхъ рисунковъ, такого содержанія: 1) Видъ Кіева съ Днѣпра во время торжества встрѣчи. 2) Кіевлянки, бросающія цвѣты на пути императрицы. 3) Женщина кіевской губерніи. 4) Кіево-Печерская Лавра. 5) Другой видъ печерскаго монастыря. 6) Видъ Подола съ террасы императорскаго дворца. 7) Горы возлѣ Лавры. 8) Пушка Мазепы (?) 9) Кременчугъ. 10) Дѣвушка изъ селенія Кодакъ. 11) Херсонъ. 12) Другой видъ Херсона. 13) Ѳеодосія.

Сопровождалъ ли художникъ, сдѣлавшій эти рисунки, императрицу во время поѣздки, или сдѣлалъ ихъ послѣ по чьему либо указанію—не знаемъ. Въ изслѣдованіи г. Есипова, самомъ полномъ, какое существуетъ объ этомъ предметѣ, имя его не упоминается.

Нечего говорить объ историческомъ интересѣ этихъ рисунковъ, гдѣ воспроизведены со всею точностью старинные костюмы, вновь

возникающіе города, какъ Кременчугъ и Херсонъ, Кіево-Подолъ до пожара и проч. Воспроизведеніе ихъ было бы истинной услугой исторіи и археологіи.

Г.

Случай столкновенія кіевскаго магистрата съ военнымъ начальствомъ. (1773 г.). Квартировавшіе въ Кіевѣ во множествѣ военные люди причиняли не мало безпокойствъ мирнымъ обывателямъ города. Посильно защищая свое домашнее спокойствіе, мѣщане прибѣгали иногда къ содѣйствію магистрата, но онъ, какъ видно, не въ силахъ былъ оказывать въ этихъ случаяхъ дѣйствительную защиту. Въ архивныхъ дѣлахъ нерѣдко встрѣчаются жалобы магистрата на причиняемыя военными людьми обиды кіевскимъ мѣщанамъ, въ томъ числѣ и насилія надъ женщинами. Такъ, въ 1772 г. по поводу похищенія капитаномъ Вильде одной замужней женщины и совершеннаго деньщикомъ капитана Кольмана насилія надъ одной мѣщанской дѣвушкой магистратъ обращался къ генералъ-губернатору съ жалобой вообще на распущенность военнослужащихъ. Но и генералъ-губернаторъ не могъ, какъ видно,оказать существенной помощи въ подобнаго рода дѣлахъ. Прямое же вмѣшательство магистрата въ защиту отдѣльныхъ лицъ причиняло ему лишь однѣ непріятности, какъ указываетъ на это, между прочимъ, такой случай.

27-го февраля 1773 года мѣщанинъ Иванъ Яновскій, вернувшись вечеромъ домой изъ своей лавки, увидѣлъ, что жившая у него на хозяйствѣ сестра его, захвативъ съ собой имущества на 600 рублей, скрылась изъ дому. «Будучи въ разсужденіи, что оная кимъ ни есть изъ военныхъ чиновъ увезена», Яновскій въ ту же ночь отправился въ погоню за ней въ Васильковъ. Пробывъ тамъ цѣлый день, онъ дѣйствительно дождался, что къ командовавшему на заставѣ маіору Куликову, у котораго онъ находился, пришелъ за пропускомъ рижскаго карабинернаго полка карабинеръ Ямщиковъ, который, оказалось, и везъ вмѣстѣ съ деньщикомъ ротмистра Сиверса сестру Яновскаго и ея служанку. Маіоръ Куликовъ арестовалъ бѣглянокъ и передалъ ихъ на руки Яновскому вмѣстѣ съ карабинерами, и для конвоя отрядилъ трехъ козаковъ. 1-го марта Яновскій представилъ всѣхъ этихъ лицъ въ магистратъ, прося «о поступленіи кто въ семъ происшествіи винными найдутся по законамъ». Оказалось, что сестра Яновскаго отправлялась въ Польшу къ поручику Шупинскому, который

«спознался» съ нею, когда квартировалъ въ Кіевѣ въ домѣ ея брата. По просьбѣ этого поручика, ротмистръ Сиверсъ устроилъ это похищеніе Яновской, пославши за нею своихъ карабинеровъ.

Кіевскій магистратъ, представляя арестованныхъ солдатъ въ кіев. губ. канц., жаловался по этому поводу вообще на причиняемыя мѣстному мѣщанству обиды, прося генералъ-губернатора — «о содержаніи надъ состоящими здѣсь военнослужащими установленной дисциплины и о удержаніи ихъ таковыхъ поступокъ, кому надлежитъ, предложить».

Между тѣмъ того же 2-го марта получено было генералъ-гурбернаторомъ и письмо отъ генералъ-поручика Фонъ-Сиверса, который, оказывается, былъ крайне обиженъ такимъ арестомъ своего карабинера, ѣздившаго съ выданною имъ, Сиверсомъ, подорожною. Обвиняя маіора Куликова, Сиверсъ, главнымъ образомъ, возмущался дѣйствіемъ магистратскихъ властей: «г. войтъ, довольно будучи извѣстенъ, что карабинеръ, яко воинской команды, зависитъ не отъ его рѣшенія, вступилъ совсѣмъ въ безпредѣльное и несвойственное ему совсѣмъ званіе, взялъ подъ свой караулъ: чѣмъ я будучи не мало обиженъ, В. В. П-ву симъ сообща, пок. прошу приказать ему войту того карабинера Ямщикова, да и женщинъ, къ лучшему удостовѣренію обо всемъ томъ, прислать ко мнѣ, и ему войту подтвердить, чтобъ онъ въ касающихся не до его должности, хотя бъ и ему случилось таковыхъ гдѣ нибудь найти, не давая своимъ мыслямъ воли, представлялъ къ той командѣ, куда они принадлежатъ».

Генералъ-губернаторъ препроводилъ Сиверсу копію магистратскаго доношенія вмѣстѣ съ арестованными солдатами, а магистрату все-таки сдѣлалъ выговоръ: «впредь имѣть осторожность и такова нареканія, какъ отъ г. генералъ-порутчика Сиверса представлено, на себя не навлекать, дабы тѣмъ не подать причины войти въ худыя слѣдствія». Маіору Куликову тоже былъ сдѣланъ Воейковымъ выговоръ за «непорядочный и предосудительный поступокъ».

Сиверсъ въ отвѣтномъ письмѣ своемъ отъ 6-го марта заявлялъ Воейкову, что въ донотошеніи магистрата онъ видитъ одну только «ябеду». Карабинеръ Ямщиковъ, на допросѣ въ своей «командѣ» скрылъ, конечно, участіе въ этомъ дѣлѣ своихъ офицеровъ, а показалъ, что де увезъ онъ Устинью Яновскую по ея просьбѣ, такъ какъ она желала выйти замужъ за «человѣка» поручика Шупельскаго, стоявшаго тогда въ с. Трилѣсахъ.

Такимъ образомъ оказанная магистратомъ защита обывателя вмѣнена ему въ преступленіе.

А. А.

Изъ бумагъ сенатора тайн. сов. М. П. Миклашевскаго [1]).

1. Указъ Сената гетману Разумовскому о скуплѣ земель козаковъ и посполитыхъ (съ копіи).

Божіею милостію мы, Екатерина II Императрица Всероссійская и проч. и проч. и проч.

По титулѣ гетманской

Генеральная войсковая канцелярія доношеніемъ отъ 17 генваря 1749 и мая 2 чиселъ 1750 годовъ, по доношенію гадяцкой полковой канцеляріи, представляла, что ген.-маіоромъ кн. Кантемиромъ и гусарскихъ полковъ офицерами, такожъ и рядовими гусарами покуплено у обывателей гадяцкаго полку грунтовъ не малое число, а иные и совсѣмъ искуплены; а понеже именнымъ блаженныя памяти государыни и-цы Анны Іоанновны 1739 году февраля 5 дня указомъ повелѣно всѣмъ малороссійскимъ козакамъ до будущаго всемилостивѣйшаго соизволенія грунта продавать и подъ другими видами по тамошнему обыкновенію за другимъ укрѣплять запретить, о которой де непокупкѣ грунтовъ у козаковъ и у посполитыхъ, и послѣ того въ разныхъ годахъ изъ Правительствующаго Сената указами накрѣпко подтверждено. Хотя же именнымъ 1740 году октября 6-го указомъ и повелѣно волохамъ, сербамъ и другимъ иностраннымъ людемъ, кои въ Россійской службѣ вѣчно останутся, въ покупкѣ грунтовъ и земель препятствія не чинить, но того въ ономъ указѣ, допускать ли оныхъ иностранныхъ людей до покупки и козачьихъ грунтовъ, неизображено, и затѣмъ онымъ иностраннымъ людямъ надлежитъ ли тѣ козачіе грунта искупать,—генеральная войсковая канцелярія состоитъ въ сумнителствѣ, ибо тѣмъ козаки за распродажею своихъ грунтовъ службы козачей отправлять уже не въ состояніи и живутъ за ними въ послушаніи подданическомъ, и отъ того въ козачей службѣ происходить умаленіе и требуетъ оная канцелярія объ ономъ разсмотрѣнія и указу, тѣмъ волохамъ, сербамъ и другимъ иностраннымъ людемъ, служащимъ въ гусарскихъ полкахъ, и прочимъ, кои уже отъ службы

---

[1]) О Миклашевскомъ см. „Рус. Бесѣда" 1856 г. кн. I, а также краткую замѣтку въ „Кіевской Старинѣ" 1890 г. январь. Въ этомъ же году въ нашемъ журналѣ было помѣщено нѣсколько писемъ М. П. Миклашевскаго.

въ отставкѣ, допускать ли впредь по оному 1740 году указу и козачіе грунта и земли покупать и тѣ покупленные ими оставить ли при нихъ во владѣніи, или какъ тѣ покупленные отобрать, такъ и впредь искуплѣ козачихъ грунтовъ по силѣ оныхъ генеральныхъ о непокупкѣ никому козачихъ грунтовъ указовъ, ихъ не допускать, дабы въ козакахъ умаленія произойти не могло; и въ нашемъ Сенатѣ определено по онымъ доношеніямъ о показанныхъ скупленныхъ въ Малороссіи у козаковъ и посполитыхъ иностранными людьми, равно жъ и тамошними владѣльцами грунтахъ и о живущихъ въ подданствѣ за ними козакахъ и о запрещеніи имъ впредь въ покупкѣ таковыхъ у козаковъ и у посполитыхъ грунтовъ вамъ нашему гетману по нынѣшнимъ обстоятельствамъ разсмотрѣть вновь и обо всемъ, на основаніи нашихъ указовъ и правъ малороссійскихъ, представить въ нашъ Сенатъ со мнѣніемъ; и для того означенное доношеніе отослать къ вамъ нашему гетману (которыя при семъ посылаются). Въ Санктпетербургѣ, Іюля 26 дня 1764 года. По Ея Императорскаго В-ва указу сенаторъ и кавалеръ Федоръ Ушаковъ; сенаторъ и кавалеръ Николай Муравьевъ, сенаторъ князь Петръ Трубецкой, сенаторъ Дмитрій Соболевъ.

Надворный совѣтникъ Самойло Дѣнь.

---

2) Къ исторіи расхищенія земель въ Малой Россіи. Прошеніе бывшаго гетмана К. Г. Разумовскаго о назначеніи новыхъ членовъ въ коммиссію для разсмотрѣнія земельнаго спора его съ другими владѣльцами. (съ копіи).

Всемилостивѣйшая государыня:

Вашему Имп. В-ву извѣстно, что я не имѣлъ за собою никакихъ деревень, а жилъ только однимъ недвижимымъ имѣніемъ жены моей великороссійскимъ, и что въ 759 году Ея Величество въ Бозѣ почивающая тетка Государиня И-ца Елизаветъ Петровна, содержа нашу фамилію въ особенномъ покровительствѣ, въ разсужденіи многочисленной моей фамиліи жаловала мнѣ въ вѣчное и потомственное владѣніе нѣкорыя небольшія маетности въ Малой Россіи, яко то городки, или, лучше сказать, мѣстечка Батуринъ и Почепъ, съ ихъ малыми уѣздами, Бакланскою и Шептаковскою волостьми.

Сіи двѣ деревни, бывши долговременно между гетманствомъ въ крайнемъ несмотрѣніи, разными чинами и, однимъ словомъ сказать, мужиками (которіе себѣ чины за деньги достали) такъ раскрадены въ

землях и угодіях въ отказанных деревнях при отдачѣ мнѣ нашлись, что я принужденъ былъ того года просить Правительствующаго Сената, чтобъ нарочно знающіе люде изъ великороссійскихъ чиновъ определены были для разобранія, что кому и по какимъ крѣпостямъ принадлежитъ, и всѣмъ тѣмъ, кто въ сихъ мнѣ пожалованныхъ деревняхъ поселился и съ землями и угодіями старинными, ни къ моимъ деревнямъ принадлежащими, завладѣлъ. Почему и опредѣлены были стацкій совѣтникъ Шишкинъ и подполковникъ Семеновъ, яко знающіе и безпристрастные люде, которые все сіе въ самую истинну разсмотрѣли и наконецъ нашли, что подъ разными вымышленіями и подложными крѣпостьми купчими и здѣлками многіе изъ тѣхъ деревень, до отдачи мнѣ разграблены, а иншіе и розданы малороссійскими пристрастниками, по лихоимству обманывая многократно Правительствующій Сенатъ и Коллегію иностранныхъ дѣлъ (которая тогда вѣдала малороссійкія дѣла) укрѣплены въ противность всѣмъ правамъ малороссійскимъ, статьямъ Богдана Хмельницкаго, по которымъ онъ подъ державу великороссійскую приступилъ, и указомъ имяннымъ высочайшимъ предковъ Вашего И-аго В-ва, и когда помянутые отдатчики Шишкинъ и Семеновъ, открывъ все то воровство отобрали въ силу именнаго указа, которымъ мнѣ и потомству моему сіи деревни пожалованы и отданы къ моему владѣнію, то помѣщики неправильно били челомъ о томъ въ Правительствующемъ Сенатѣ, прописавъ на меня многія изъ согласія многихъ клеветниковъ мужиковъ лжи, якобы я тое силою здѣлалъ и лишилъ ихъ послѣдняго пропитанія, почему сіе дѣло нѣсколько было въ Сенатѣ безъ разслѣдованія; а напослѣдокъ по Высочайшему Вашего И-аго В-ва повелѣнію опредѣлена нарочная коммиссія, въ которой генералъ-поручикъ Костеринъ да статскій дѣйствительный совѣтникъ Эммей, коллежскій совѣтникъ Курбатовъ дѣло сіе производятъ въ Спбургѣ,

А нынѣ получаю извѣстіе, что и помянутые члены той коммиссіи, несвѣдомы будучи о многихъ обстоятельствахъ ябедническихъ малороссійскихъ, вѣру подаютъ тѣмъ ябедникамъ, которые воспользовавшись моимъ теперь отдаленіемъ и членовъ не знаніемъ многихъ обстоятельствъ, по сему дѣлу надобныхъ, дѣло все умышленно наклоняютъ на крайнюю мнѣ и дому моему обиду, и ежели по ихъ докладу и резолюціи Вашего И-аго В-ва воспослѣдуетъ, то изъ того родится, что во всей Малороссіи таковымъ же образомъ многимъ числомъ земли, государевы деревни и угодія довольные раскраденные всѣмъ грабителямъ мужикамъ примернымъ образомъ надобно будетъ

утвердить тѣ, которые по самой справедливости и по всѣмъ законамъ отобрать у нихъ должно, о чемъ мнѣ, яко знающему малороссійскія дѣла по долговременной моей практикѣ, паче всѣхъ извѣстно.

Всемилостивѣйшая Государиня! Вашему И-ому В-ву уповаю извѣстенъ мой характеръ и безкорыстіе и что я никому не желая и ни малѣйшей обиды сдѣлать, и тѣмъ менше присвоить, но долженствуя признаться, что чувствительно, и того лишаясь, что мнѣ и роду моему всемилостивѣйше пожаловано, и что малороссійскіе мужики и простые козаки самовольно и безъ вѣдома государственной власти, и наконецъ, тѣмъ же похищеннымъ достаткомъ чины себѣ покупили, и по тѣмъ чинамъ *шляхетское* на себя право наводятъ, безъ заслугъ и безъ всякаго достоинства, по которому ябеднически выклопотали въ отдаленномъ краю такія маетности, которыя, смѣло могу признаться, всемилостивѣйшая государиня, ни по чему имъ не принадлежатъ, но еще и иныхъ надлежало бы по указамъ оштрафовать.

Не распространяю я здѣсь о доказательствѣ, дабы не трудить тѣмъ Ваше И-ое В-во, но всеподданнѣйше только прошу для безпристрастнаго изслѣдованія повелѣть къ той коммиссіи въ Москвѣ другихъ членовъ опредѣлить, между которыми былъ бы хотя одинъ прямо знающій всѣ хитрости и обманы ябедниковъ малороссійскихъ; изъ чего не токмо найдется на мою сторону правосудіе, но и Ваше И-ое В-во усмотрите, сколь много такимъ же непозволительнымъ образомъ деревень и земель Вашего И-аго В-ва въ Малой Россіи раскрадено, почему и въ коммиссію надобно такихъ секретарей и служителей опредѣлить, которые бы прежднимъ неправымъ резолюціямъ по малороссійскимъ дѣламъ, яко по прежнимъ, уже не были послѣдовательны. Ожидаю на сіе высочайшей резолюціи Вашего Императорскаго Величества всеподданнѣйшій рабъ графъ К. Разумовскій.

Резолюція.

1762 года. По сему доложить, а въ Сенатъ послать указъ для опредѣленія нарочныхъ членовъ въ коммиссію для расбору вышеписаннаго о раскраденныхъ земляхъ; той же коммиссіи изслѣдовать, и о удовольствіи въ обстоятельствѣ доложить.

Дѣло у Елагина 1763 года февраля 18 дня (помѣта).

3) Письмо Неплюева къ М. П. Миклашевскому съ запрещеніемъ употреблять нѣкоторыя слова въ донесеніяхъ. (*Съ подлинника*).

Милостивый Государь мой Михаилъ Павловичъ!

Государь императоръ, выслушавъ послѣднѣ полученное донесеніе вашего превосходительства, сего октября отъ 12-го числа вы-

сочайше повелѣть мнѣ изволилъ написать вашему превосходительству, дабы вы, милостивый государь мой, впредь въ донесеніяхъ не употребляли такихъ словъ, кои смыслу въ россійскомъ языкѣ несвойственны, а введены въ употребленіе незнающими онаго и почитающими за похвальное умствованіе то, что никакого смыслу не имѣетъ, какъ наприѣръ, въ донесеніи вашего превосходительства употреблено слово *пособіе*; и сему подобныхъ: *обозрѣть*, *преслѣдовать*, *выполнить*, *протеченіе*, *подъ стражу* и проч.—Исполняя симъ высочайшее повелѣніе, честь имѣю быть съ совершеннымъ почтеніемъ

Милостивый государь мой вашего превосходитольства покорнымъ слугою Д. Неплюевъ.

Г. Гатчина октября 29 дня 1799 года. Его превосходительству М. П. Маклашевскому.

Сообщилъ Н. Василенко.

Памяти И. Ѳ. Тимковскаго, М. А. Максимовича и П. А. Антоновича. Помѣщенная въ «Кіевской Старинѣ» статья Н. Шугурова объ И. Ѳ. Тимковскомъ[1]) навела меня на мысль о небезполезности дѣлиться съ другими печатно иногда самыми ничтожными воспоминаніями, касающимися лицъ нашего недавняго прошлаго, имена которыхъ достойны того, чтобы не быть забытыми въ исторіи. Вѣдь изъ ряда такихъ мелкихъ замѣтокъ искусная рука можетъ со временемъ создать живые облики почтенныхъ дѣятелей прошлаго, весьма поучительные для современниковъ и потомковъ, и иногда очень любопытные для характеристики быта и нравовъ пережитыхъ эпохъ. Въ данномъ случаѣ я не могу сообщить ничего рѣзко бьющаго въ глаза относительно почтенныхъ лицъ, имена которыхъ поставлены въ заголовкѣ моей замѣтки, тѣмъ болѣе, что перваго изъ нихъ я никогда и въ глаза не видалъ; однако-же, мнѣ кажется, и эти мелочи, съ одной стороны, будутъ служить данью благодарности дорогимъ именамъ, съ другой—прибавятъ нѣсколько новыхъ симпатичныхъ фактовъ къ тѣмъ, которые хорошо извѣстны уже изъ многихъ другихъ данныхъ.

Н. Шугуровъ въ своей статьѣ объ И. Ѳ. Тимковскомъ указываетъ на то, съ какой благодарностью вспоминали всегда ученики

---

[1]) 1891 г. № 8—10.

имя этого славнаго своего воспитателя. Я и хочу теперь прибавить еще одинъ такой случай благодарной памяти, тѣмъ болѣе, что онъ проявился въ умилительно скромной, нисколько не расчитанной на эффектъ, формѣ, хотя участниками его были—маститый уже въ тѣ годы старецъ, пользовавшійся всероссійской извѣстностью ученаго, Михаилъ Александровичъ Максимовичъ, и тоже удрученный уже годами человѣкъ, въ большихъ чинахъ, съ крупнымъ положеніемъ въ обществѣ, попечитель кіевскаго учебнаго округа Платонъ Александровичъ Антоновичъ.

Будучи въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ хорошо знакомъ съ М. А. Максимовичемъ, я не разъ слыхалъ отъ него разсказы, связывавшіеся съ воспоминаніями о его дядѣ И. Ѳ. Тимковскомъ, отъ котораго онъ пріобрѣлъ и первыя свои познанія въ наукахъ. Изъ разсказовъ этихъ у меня въ памяти не сохранилось ничего особенно характернаго; но за то я живо помню день 20-го Іюля 1872 года, когда я въ теченіе всего лѣта прожилъ подъ одной кровлей съ Михаиломъ Александровичемъ на знаменитомъ его хуторѣ «Михайловой Горѣ», въ уютномъ, маленькомъ флигелькѣ подъ соломенной крышей, теперь уже не существующемъ. Живо помню я этотъ день вотъ по какимъ обстоятельствамъ.

Случилось такъ, что жена Мих. Алексадр. съ маленькой дочкой уѣхала, на единственной парѣ имѣвшихся у нихъ лошадокъ, къ своимъ роднымъ, въ степи, верстъ за 50 отъ ихняго хутора. Оставались дома только самъ хозяинъ, сынъ его, тогда ученикъ 1-го класса, и я—въ качествѣ репетитора

19-го Іюля вечеромъ получается записка изъ Канева отъ Плат. Алекс. Антоновича, который по дѣламъ службы, какъ онъ сказалъ, былъ въ этомъ городѣ. Въ запискѣ значилось, что такъ-какъ завтра церковь празднуетъ день св. Иліи, то ему хотѣлось-бы, пользуясь случаемъ, провести этотъ день вмѣстѣ съ уважаемымъ Мих. Александр., посвятивъ его памяти покойнаго Ильи Ѳеодоровича Тимковскаго, бывшаго также воспитателемъ и его въ Новг.-Сѣверскѣ; поэтому, 20-го числа рано утромъ онъ пріѣдетъ на лодкѣ изъ Канева въ ближайшее къ Михайловой Горѣ село Прохоровку и непосредственно съ берега отправится въ церковь, чтобы тамъ выслушать обѣдню и потомъ заказать панихиду по Тимковскомъ, а затѣмъ уже ѣхать на Михайлову Гору. Надо было видѣть, съ какимъ удовольствіемъ прочитана была эта записка Михайломъ Александровичемъ, всегда отъ души любившимъ П. А. Антоновича, теперь-же особенно умилив-

шимся, видя такую сердечную теплоту въ немъ по отношенію къ уважаемому дядѣ. Но умиляться долго не приходилось: надо было подумать о томъ, какъ доставить съ берега въ церковь такого почтеннаго гостя, при томъ въ чинахъ немалыхъ, а затѣмъ—какъ и чѣмъ завтра потчивать его. Ни лошадей, ни повозки, ни кучера дома нѣтъ,—надо гдѣ-то занимать ихъ, а обѣдъ прійдется подать такой, на какой «спроможется» нехитрая въ этихъ случаяхъ деревенская кухарка. Пришлось мнѣ сейчасъ-же идти въ сосѣднее село къ одному знакомому помѣщику и просить на завтра на цѣлый день лошадей, экипажъ и кучера. Добыть-то все это я добылъ, но далеко не въ такомъ видѣ, къ какому въ большинствѣ случаевъ привыкли высокопоставленныя особы: простая бричка на дрогахъ, пара скромныхъ лошадокъ, съ соотвѣтственной упряжью, и возница въ обыкновенномъ деревенскомъ костюмѣ. Рѣшено было, что Михаилу Александровичу самому, по старости лѣтъ и по болѣзненности, не слѣдуетъ ѣхать встрѣчать гостя, т. к. нужно было на берегъ явиться къ 7 часамъ утра, а поѣду съ этой цѣлью я и, встрѣтивъ его, прямо повезу въ церковь, а затѣмъ пошлю лошадей за Мих. Александровичемъ. Въ назначенный часъ я былъ уже на берегу и вскорѣ увидѣлъ такой-же скромный водяной экипажъ, каковой былъ со мной сухопутный: обыкновенная некрашенная лодка, называемая на Днѣпрѣ «гылярой», и на ней три гребца; весь парадъ, очевидно устроенный каневскимъ исправникомъ, состоялъ въ томъ, что тутъ-же на лодкѣ находился нижній полицейскій чинъ, въ качествѣ провожатаго при почетномъ пассажирѣ.

Мало привыкшій къ общенію съ «особами», я все время придумывалъ фразы, которыя благоприличнѣе было бы сказать при первой встрѣчѣ, но всѣ мои планы сразу рушились отъ совершенно неожиданной простоты и задушевности, съ какими гость самъ обратился ко мнѣ, разспрашивая то объ одномъ, то о другомъ, пока мы доѣхали до церкви. Выслушавъ обѣдню и отслуживъ панихиду «по рабѣ Божіемъ Иліи», къ которой успѣлъ подъѣхать и Михаилъ Александровичъ, эти два почтенные старца скромненько усѣлись въ неприхотливый, и довольно таки тряскій, экипажъ и направились на Михайлову Гору, гдѣ въ теченіе всего остального дня лилась задушевная бесѣда, постоянно возвращавшаяся къ основной темѣ дня—къ воспоминаніямъ объ Ильѣ Ѳедоровичѣ Тимковскомъ. Тутъ-то, въ этой простотѣ отношеній ко всѣмъ, включая и прислугу, въ этой сердечности слышанныхъ мною рѣчей ихъ, я еще одинъ разъ убѣ

дился въ дорогихъ чертахъ характера Михаила Александровича и въ первый разъ замѣтилъ ту добрую, простую и исполненную живого огня душу Платона Александровича, ту сердечность его, въ которыхъ потомъ неоднократно мнѣ пришлось убѣдиться совсѣмъ при другихъ обстоятельствахъ и при иной обстановкѣ. Но это уже воспоминанія, навѣянныя иными темами, а потому имъ не время теперь.

В. Науменко.

Къ вопросу о сохраненіи памятниковъ историческихъ лицъ.

Въ «Одесскомъ Вѣстникѣ» (№ 252) читаемъ: *«Херсонъ* (отъ нашего корреспондента). Сегодня на Потемкинскомъ бульварѣ херсонскимъ гражданамъ предоставлено было любоваться прекурьезной картиной реставрированія потемкинскаго памятника. Извѣстно, что наше городское управленіе въ память столѣтія со дня смерти князя Потемкина (5 октября), рѣшило между прочимъ, заняться приведеніемъ въ надлежащій видъ какъ бульвара, такъ и реставрированіемъ самаго памятника, для чего думою въ послѣднемъ засѣданіи была ассигнована извѣстная сумма денегъ. Повторяемъ, постановлено было реставрировать памятникъ (князю Потемкину), на который всесокрушающая сила времени наложила свою печать. И вотъ сегодня мы видѣли, какъ эту миссію выполнялъ какой-то рабочій: сидя на корточкахъ, онъ при помощи долота и молотка усердно скашивалъ, одно за другимъ, ребра гранитнаго пьедестала, на которомъ высится памятникъ, и снялъ такимъ образомъ вершка на 1½ гранита—во всю длину реберъ! На вопросъ возмущенныхъ такимъ безобразіемъ г.г. С. и Р.—кто распорядился такъ обезобразить памятникъ—рабочій наивно отвѣчалъ, что онъ исполняетъ приказъ городской управы, которая велѣла ему именно такъ исправить пьедесталъ на томъ основаніи, что въ одномъ изъ угловъ были отбиты куски гранита, а потому, молъ, для ровности слѣдуетъ стесать всѣ углы и ребра. Такъ вотъ какъ, читатель, городская управа наша реставрируетъ памятникъ князю Потемкину, къ слову сказать, единственный въ городѣ монументъ (если не считать памятника Д. Говарду противъ тюрьмы), находящійся въ самомъ центрѣ его! Ужъ, по истинѣ, усердіе не по разуму, за которое врядъ ли скажутъ спасибо нашей управѣ любители старинныхъ памятниковъ, и вообще люди, дорожащіе сохраненіемъ ихъ первоначальныхъ формъ".

Изъ этого сообщенія не видно, приглашала ли херсонская городская управа для выполненія своего постановленія спеціалиста-художника, обращалась ли она за совѣтомъ къ какому либо компетентному учрежденію по археологіи и техникѣ дѣла, или руководилась соображеніями личнаго вкуса простаго каменщика? Изъ того, что корреспондентъ «Одесскаго Вѣстника» называетъ этотъ фактъ «безобразіемъ», которымъ «возмутились» прохожіе, видно только, что тремъ жителямъ Херсона не нравится способъ обновленія памятника Потемкина ко дню столѣтняго юбилея со дня его смерти.

Конечно, управа и дума херсонскія въ возраженіе на приведенную корреспонденцію могутъ отвѣтить, что de gustibus non est disputandum. Но хотя Новороссіи можетъ быть и свойственно относиться слегка ко всякому «старью», все же и для новыхъ и для старыхъ городовъ должны бы существовать одинаковые обычаи. Вѣдь если думы на свои собственныя средства ставили какіе-либо памятники, то еще не было примѣра, чтобы они обсуждали и утверждали и самую внѣшнюю форму ихъ; опредѣленіе послѣдней съ точки зрѣнія художественнаго выполненія деталей всегда отдается на усмотрѣніе спеціалистовъ. Изъ этого ясно, что и всякое измѣненіе существующаго уже памятника едва-ли можетъ подлежать компетенціи хозяйственнаго учрежденія.

Въ дѣйствующемъ городовомъ положеніи въ числѣ обязанностей городскаго общественнаго управленія указана и обязанность украшать города памятниками. Но разъ они созданы по обычнымъ правиламъ при помощи подписки со всей страны, то едва ли могутъ считаться собственностью того города, гдѣ находятся, и едва ли могутъ быть измѣняемы въ болѣе упрощенномъ порядкѣ, чѣмъ тотъ, какимъ совершается ихъ постройка. По этому нужно думать, что постановленіе херсонской думы о реставрированіи памятника должно бы было пройти до своего осуществленія болѣе долгія перипетіи, чѣмъ мы видимъ въ данномъ случаѣ: только нѣсколько дней назадъ въ послѣднемъ засѣданіи думы, состоялось ея постановленіе, а тутъ уже рабочій тешетъ гранитный пьедесталъ памятника!

Интересно, что скажетъ по поводу этого инцидента Одесское Общество исторіи и древностей, въ кругъ обязанностей котораго входитъ и храненіе памятниковъ древностей въ Новороссійскомъ краѣ?

БИБЛІОГРАФІЯ.

Чтенія въ историческомъ обществѣ Нестора Лѣтописца. Книга пятая. Издана подъ редакціей М. Ф. Владимирскаго-Буданова. Кіевъ 1891. Стр. V+3+182+227. Цѣна 2 р. 50 съ пер. 2 р. 75 к.

Пятая книга «Чтеній» не богата отдѣломъ «изслѣдованій». За исключеніемъ двухъ-трехъ статей, и между ними интересной и важной, какъ по богатству фактовъ, такъ и по самой важности затронутаго вопроса, статьи *проф. В. С. Иконникова* объ отмѣнѣ пытки въ Россіи, въ которой авторъ слѣдитъ шагъ за шагомъ за постепеннымъ измѣненіемъ у правительства взгляда на пользу пытки,—остальныя статьи носятъ какой то extra спеціальный, узко-археологическій характеръ и могутъ представлять интересъ развѣ только для того круга самыхъ узкихъ спеціалистовъ, которымъ нѣтъ дѣла до исторіи, какъ науки общественной, имѣющей своей цѣлью не собраніе раритетовъ, а жизнь общества во всѣхъ ея проявленіяхъ, будь то въ сферѣ политической, экономической, умственной, правовой, нравственной, религіозной. Выдѣляя статью проф. Иконникова изъ «изслѣдованій», помѣщенныхъ въ «Чтеніяхъ», мы, при всемъ нашемъ желаніи процвѣтанія историческому обществу, все-же сожалѣемъ, что статья эта помѣщена въ такомъ, мало распространенномъ сборникѣ, какъ «Чтенія», а не въ какомъ-нибудь другомъ журналѣ, гдѣ бы она, несомнѣнно, пріобрѣла гораздо большій кругъ читателей и не прошла бы безслѣдно, познакомивъ публику съ однимъ изъ интересныхъ вопросовъ нашей, если такъ можно выразиться, правовой культуры.

Важный вопросъ объ еврейской колонизаціи затронулъ и *И. М. Каманинъ* въ своей статьѣ «*Евреи въ лѣвобережной Украйнѣ*»; но въ виду того, что вопросъ этотъ большой и сложный и тѣсно связанъ съ экономическою жизнью Малороссіи съ одной стороны, а съ

другой—и съ экономическимъ положеніемъ тѣхъ мѣстностей, откуда выселялись евреи, авторъ ограничился скромною задачею прослѣдить увеличеніе еврейскаго населенія на лѣвомъ берегу Днѣпра къ концу XVIII вѣка.

Для своей цѣли И. М. Каманинъ пользовался «вѣдомостями», составленными въ 1738 году, по приказанію сената, и въ 1792 году, по распоряженію кіевскаго намѣстника сенатора Кречетникова. Въ обоихъ случаяхъ дѣло шло о высылкѣ евреевъ за границу; но въ 1792 году высылка эта не состоялась; въ 1794 году положеніе евреевъ было облегчено, а въ 1804 году были расширены ихъ права изданіемъ извѣстнаго «Положенія для евреевъ» (стр. 43). Къ сожалѣнію только, авторъ не затронулъ вопроса, на сколько можно довѣрить свѣдѣніямъ, собраннымъ оффиціальнымъ путемъ, да еще при такихъ обстоятельствахъ, когда евреямъ приходилось, поневолѣ, скрываться, въ чемъ имъ, несомнѣнно, могло помогать и малорусское шляхетство, заинтересованное, чтобы евреи остались въ Малороссіи (стр. 41—43). Пользуясь такимъ подозрительнымъ матеріаломъ, И. М. Каманинъ сдѣлалъ при томъ непростительную оплошность, повліявшую на всѣ его выводы и соображенія. Онъ забылъ, что въ «вѣдомостяхъ» 1738 г. онъ имѣетъ свѣдѣнія о количествѣ евреевъ на всемъ лѣвомъ берегу, а въ «вѣдомостяхъ» 1792 года—только въ уѣздахъ кіевскаго намѣстничества и что о плотности еврейскаго населенія въ такихъ, напр., уѣздахъ, какъ коропскій, кролевецкій, глуховскій, нѣжинскій, сѣверная часть Черниговщины, ему ничего неизвѣстно; цифру еврейскаго населенія въ кіевскомъ намѣстничествѣ авторъ принимаетъ за цифру населенія на всемъ лѣвомъ берегу [1]). Конечно, благодаря этому, его соображеніе, будто къ концу XVIII вѣка замѣчается *«передвиженіе* массы евреевъ отъ прежнихъ внутреннихъ торговыхъ центровъ къ Днѣпру» (стр. 52)—падаетъ само собою. «Разселеніе евреевъ, по мнѣнію И. М. Каманина, подчинялось *исключительно* условіямъ, въ которыхъ находилась торговля лѣваго берега Днѣпра» (стр. 53). Мы позволимъ себѣ оспаривать у автора право дѣлать выводы и обобщенія исключительно только на основаніи статистическаго матеріала: статистика даетъ возможность установить фактъ, для объясненія же его нужны другія средства. Судя по настоящему положенію дѣлъ, торговля, дѣйствительно, должна была играть немаловажную роль въ

---

[1]) Чтенія стр. 51. % вычислены, какъ будто бы данныя есть для всего лѣваго берега.

дѣлѣ разселенія евреевъ на лѣвомъ берегу Днѣпра, но была ли она *исключительнымъ* условіемъ? Самъ же И. М. Каманинъ говоритъ: «профессіи евреевъ, какъ бѣлорусскихъ, такъ и польскихъ (выходцевъ) излюбленныя ими: тѣ и другіе, говоритъ вѣдомость, *по договорамъ съ владѣльцами* находятся у продажи горячаго въ шинкахъ вина и другихъ питей, *иные въ винокуренныхъ заводахъ*, а протчіе *упражняются въ рукодѣліи и въ партикулярномъ услуженіи*» (стр. 52). Значитъ, кромѣ торговли и спросъ на еврейскій трудъ игралъ роль въ колонизаціи; къ сожалѣнію только, матеріалы, бывшіе въ рукахъ И. М. Каманина, не даютъ возможности опредѣлить роль различныхъ условій въ дѣлѣ еврейскаго разселенія на лѣвомъ берегу. На вопросъ этотъ, вѣроятно, отвѣтятъ тогда, когда ближе будетъ изслѣдована внутренняя жизнь Малороссіи въ XVIII вѣкѣ [1]).

Несмотря на нѣкоторыя положенія, съ которыми мы согласиться не можемъ, мы должны признать, что статья И. М. Каманина, по намѣченному имъ вопросу, принадлежитъ къ наиболѣе интереснымъ «изслѣдованіямъ», помѣщеннымъ въ «Чтеніяхъ». Первая половина статьи посвящена «отношеніямъ польскаго и русскаго правительства къ евреямъ въ лѣвобережной Украйнѣ. Въ краткомъ очеркѣ, такъ сказать, à vue d'oiseau, авторъ даетъ обзоръ мѣръ, принимавшихся по отношенію къ евреямъ съ XII вѣка. Общій выводъ, къ которому

[1]) Для статистики населенія Малороссіи вообще и еврейскаго въ частности не лишены значенія такъ называемыя „ревизскія сказки", заключающія въ себѣ перепись населенія, положеннаго въ подушный окладъ. „Сказки" эти же могутъ похвалиться своей точностью: ревизіи и обыкновенно сопровождались злоупотребленіями. укрывательствомъ „душъ"; на точность могла вліять также и трудность веденія самаго дѣла—переписи населенія, при отсутствіи хорошо выработанной техники но все же приблизительное понятіе о количествѣ населенія „сказки" могутъ дать Желательно, чтобы лица, имѣющія возможность заняться на мѣстѣ, въ Полтавѣ и Черниговѣ, воспользовались „ревизскими сказками" и составили бы таблицы населенія Малороссіи во второй половинѣ XVIII и въ XIX вв. Просматривая, съ разрѣшенія г-на управляющаго полтавск. казенной палатой А. В. Шидловскаго, весной этого года дѣла въ архивѣ палаты, мы видѣли „ревизскія сказки" 1782, 1795 и послѣдующихъ годовъ, сохранившіяся по всѣмъ уѣздамъ полтавской губерніи; всѣ они находятся въ исправности, и къ нимъ имѣются канцелярскія описи. Такія же „сказки" должны быть и въ черниговской казенной палатѣ. Сказки содержатъ свѣдѣнія о мѣщанахъ, купцахъ, евреяхъ, козакахъ, разночинцахъ, отставныхъ отъ службы, священно—и церковнослужителяхъ, о крестьянахъ, поступившихъ изъ монастырей въ казенное вѣдомство, о помѣщичьихъ крестьянахъ. Свѣдѣнія о послѣднихъ подавались самими помѣщиками. Здѣсь интересны свѣдѣнія о бѣглыхъ, отданныхъ въ приданое, въ солдаты и пр.

пришелъ г. Каманинъ такой: «польское правительство разрѣшало поселеніе евреевъ въ лѣвобережной Украйнѣ; напротивъ, русское правительство всегда относилось неблагопріятно (къ н)имъ и запрещало ихъ поселеніе; малорусское дворянство, напротивъ, поддерживало евреевъ (стр. 53).

Живо написанный рефератъ *О. И. Левицкаго «Луцкая старина»* знакомитъ насъ съ остатками и судьбой луцкихъ древностей, и намъ лишній разъ приходится убѣдиться, какъ мало цѣнятъ у насъ остатки старины и заботятся объ ихъ сохраненіи. Въ Луцкѣ сохраняется, между прочимъ, библіотека бывшаго іезуитскаго коллегіума, заключающая въ себѣ, по словамъ О. И. Левицкаго, не мало цѣнныхъ книгъ и рукописей и какимъ-то чудомъ уцѣлѣвшая отъ многочисленныхъ пожаровъ, постигавшихъ зданіе, гдѣ она помѣщается; въ ней есть не мало цѣннаго матеріала для исторіи южно-русской драмы и затѣмъ для исторіи армянской общины, когда-то существовавшей въ Луцкѣ. Хотя библіотека находится и въ хорошихъ рукахъ, все же, для удобства пользованія ею, обществу слѣдовало бы позаботиться о передачѣ ея въ университетъ или академію. Библіотека эта оказывается совсѣмъ еще неизвѣстной, каталоговъ нѣтъ,—они только составляются. Неужели общество, выслушавши рефератъ г. Левицкаго, останется равнодушнымъ и не приметъ мѣръ, чтобы подробнѣе съ ней ознакомиться? По нашему мнѣнію, это прямая обязанность общества. Кто же будетъ заботиться о приведеніи въ извѣстность и о сохраненіи памятниковъ и остатковъ старины, если не историческое общество, прямо заинтересованное въ этомъ? вѣдь не еврей же Сорока, на котораго сердиты теперь за то, что онъ сломалъ въ Луцкѣ старинную церковь, *проданную ему властями съ публичныхъ торговъ?* (стр. 76 и слѣд.) [1]).

[1]) Вообще намъ кажется, что *Обществу лѣтописца Нестора* слѣдуетъ серьезно подумать о томъ, чтобы собрать и собирать, по возможности, полныя свѣдѣнія объ *южно-русскихъ* памятникахъ старины. Такую задачу указываетъ ему само географическое положеніе его мѣстопребыванія—Кіевъ.

Судя по отчету (*Чтенія* кн. V отд. I стр. 34), общество располагаетъ кой-какими, хотя, правда, чрезвычайно скудными средствами и оно могло бы въ удобное для себя время командировать нѣсколько членовъ для осмотра архивовъ, хранящихся въ разныхъ учрежденіяхъ и у частныхъ лицъ, и затѣмъ принимать мѣры, если не къ передачѣ ихъ въ вѣдѣніе общества или университета, то, по крайней мѣрѣ, къ должному ихъ охраненію. Историческимъ обществамъ, думается намъ нужно стараться добиться, чтобы вопросъ относительно архивовъ былъ также поставленъ какъ стоитъ вопросъ относительно раскопки кургановъ, т. е, чтобы ни одинъ архивъ не былъ уничтоженъ безъ предварительнаго сношенія съ ка-

кимъ-нибудь ученымъ учрежденіемъ, будь то историческое общество или университетъ; иначе, при отсутствіи въ Малороссіи архивныхъ коммиссій, всѣ мелкіе архивы, содержащіе въ себѣ наиболѣе цѣнные документы для характеристики народной жизни, погибнутъ. Намъ извѣстно, напримѣръ, что не очень давно былъ проданъ на пуды архивъ глуховскаго уѣзднаго суда, причемъ достоинство и важность дѣлъ оцѣнивалъ секретарь полицейскаго управленія г. Л—чъ, человѣкъ не получившій никакого образованія и, сколько намъ извѣстно, никакой склонности къ исторіи не питающій. Одинъ изъ любителей старины показывалъ намъ нѣсколько дѣлъ, найденныхъ имъ уже въ лавкѣ, гдѣ они были обречены на завертываніе въ нихъ покупокъ; судя по этимъ дѣламъ, съ гибелью глуховскаго архива погибло очень много интереснаго для характеристики бытовой стороны народа. Не знаемъ, на сколько вѣрно, но намъ передавали, что такая же участь постигла и архивъ новгородсѣверскаго уѣзднаго суда. Весной этого года на волоскѣ висѣла судьба архива глуховскаго духовнаго правленія: протоіерей соборной церкви, какъ намъ передавали, сдѣлалъ представленіе о продажѣ его на пуды, но, къ счастію, епархіальное начальство не согласилось на это. Этимъ лѣтомъ обстоятельства помѣшали намъ осмотрѣть архивъ, но лица, его видѣвшія, говорятъ, что онъ находится въ ужасномъ безпорядкѣ, часть дѣлъ разбросана по полу; хранится онъ на чердакѣ лавокъ, принадлежащихъ соборной церкви, и прикрытъ толстымъ слоемъ голубинаго помета; о пыли уже и говорить нечего. Дѣла, хранящіяся въ архивѣ, относятся, главнымъ образомъ, къ половинѣ XVIII вѣка. Какія цѣнныя данныя могутъ храниться въ архивахъ духовныхъ правленій, показываетъ напечатанная въ № 1. „Кіевской Старины“ за 1890-й годъ статья проф. Амф. С. Лебедева „Борьба духовенства съ суевѣріями въ бѣлгородской епархіи“.

Кромѣ приведенія въ извѣстность и охраненія (пока въ Малороссіи нѣтъ архивныхъ коммиссій) архивовъ, обществу слѣдовало бы позаботиться о приведеніи въ извѣстность хоть главнѣйшихъ источниковъ по исторіи Малороссіи и объ ознакомленіи публики съ ихъ характеромъ. Изслѣдователь, желающій заняться какимъ-нибудь вопросомъ малорусской исторіи, встрѣчаетъ на первыхъ порахъ два серьезныхъ препятствія—одно изъ нихъ лежитъ въ разбросанности главнѣйшихъ источниковъ, которыхъ нужно искать въ Кіевѣ, Черниговѣ, Москвѣ, Харьковѣ, Полтавѣ и въ частныхъ рукахъ; второе—въ неизвѣстности источниковъ, ихъ главнѣйшаго характера. Изслѣдователь на первыхъ же порахъ становится въ тупикъ, съ чего начать? Мы знаемъ, напримѣръ, что въ черниговской казенной палатѣ хранятся документы по исторіи монастырскаго землевладѣнія (*Ал. Лазаревскій.* Описаніе Старой Малороссіи т. I стр. XIII), но какого рода они, исключительно ли это дѣла о поземельныхъ спорахъ, или же тамъ есть юридическіе акты укрѣпленія, статистическій матеріалъ—остается неизвѣстнымъ; неизвѣстенъ также и архивъ малороссійской коллегіи при харьковскомъ университетѣ, такъ какъ „опись“ г. Рагозина не даетъ о немъ никакого почти понятія; не извѣстны документы, хранящіеся и въ Кіевѣ въ частныхъ рукахъ, въ университетѣ, академіи. Къ стыду южно-русскихъ любителей старины и ученыхъ нужно сказать, что съ характеромъ такого, напр., источника, какимъ является „Слѣдствіе о маетностяхъ“ публика познакомилась только въ самое послѣднее время, благодаря выходу въ свѣтъ I тома „Описанія Старой Малороссіи“ г. Лазаревскаго и рецензіи на него проф. Лучицкаго (Кіев. Унив. Изв.).

О «старинѣ» говоритъ и *В И. Василенко* въ своей статьѣ «*Гадяцкая старина*», знакомящей читателя съ судьбой гетманскаго замка въ городѣ Гадячѣ. *Проф. И. И. Малышевскій* выступилъ на этотъ разъ съ рефератомъ «О церкви и иконѣ св. Богородицы подъ названіемъ «Пирогощи», *упоминаемыхъ* въ лѣтописи и въ словѣ о Полку Игоревѣ» и давно *безъ всякаго слѣда* исчезнувшихъ. Рефератъ *Н. В Стороженка* «*Малороссійское ополченіе 1812 года*» состоитъ, главнымъ образомъ изъ матеріаловъ, относящихся къ ополченію 1812 г. и заключающихъ въ себѣ официальную, порой интересную, переписку малоросс. генер.—губ. Лобанова-Ростовскаго, Трыцинскаго, Реннина и др.

Проф. В. З. Завитневичу принадлежитъ археологическая замѣтка о «*Замкѣ князя Семена Олельковича и лѣтописный городецъ подъ Кіевомъ*», можетъ быть и имѣющая интересъ для спеціалистовъ. Неважной и малоцѣнной представляется намъ и статья *Н. Н. Оглоблина* «*Къ исторіи открытія золотыхъ воротъ*». Авторъ посвятилъ цѣлыхъ 30 страницъ разсказу объ достаточно извѣстномъ чиновникѣ особыхъ порученій Лохвицкомъ, разыгрывавшемъ изъ себя роль археолога и обрѣвшемъ, между прочимъ, крестъ, водруженный св. Андреемъ на горахъ кіевскихъ. Статья г. Оглоблина была бы, пожалуй, и интересна для характеристики официальныхъ «ученыхъ» николаевскаго царствованія и того вообще времени, когда на занятіе «науками» смотрѣли какъ на службу, какъ на путь достигнуть чиновъ и орденовъ—но она безконечно длинна, авторъ дѣлаетъ ее утомительной, заваливая неинтересными, да и ненужными мелочами; выходитъ, дѣйствительно, что у автора была цѣль написать не «къ исторіи времени», а «къ исторіи открытія золотыхъ воротъ», потому-то весь его интересъ и сосредоточивается на томъ, когда «земля была снята», когда известь насыпана, когда дерну навалили, и по этому поводу приводится подробнѣйшая переписка Лохвицкаго.

Чтобы покончить съ отдѣломъ «изслѣдованій», намъ остается сказать еще нѣсколько словъ по поводу статьи *проф. А. И. Соболевскаго* «*Нѣсколько мѣстъ начальной лѣтописи*». Прочитанная въ засѣданіи Общества, статья эта вызвала замѣчанія профессоровъ Ма-

---

Для ознакомленія публики съ характеромъ матеріала было бы полезно давать такую характеристику документовъ, какую сдѣлалъ напр., *В. А. Мякотинъ* относительно дѣлъ, хранящихся въ кіев. центр. арх. (Кіев. Ст. 1891 г. февраль „Дѣла по исторіи крестьянства лѣвобережной Малороссіи въ XVIII в. въ кіев. центр. арх.). Починъ въ этомъ дѣлѣ, думается намъ, должно взять на себя Историческое общество Нестора лѣтописца.

лышевскаго, Антоновича, Владимирскаго-Буданова, Завитневича; къ сожалѣнію только, протоколы засѣданій не сообщаютъ намъ, въ чемъ заключались эти замѣчанія? Проф. А. И. Соболевскій имѣетъ въ виду критику текста. Никто не станетъ отрицать важности такой критики. Когда на помощь историку при чтеніи трудныхъ и запутанныхъ мѣстъ является филологъ во всеоружіи своихъ филологическихъ знаній и ученаго аппарата—дѣйствительно, является иногда возможность распутаться въ темныхъ мѣстахъ лѣтописи и другихъ подобныхъ источниковъ, представляющихъ изъ себя наслоенія и искаженія многихъ вѣковъ. Когда же является филологъ, вооруженный одной лишь филологической формалистикой, когда онъ подводитъ запутанныя мѣста подъ заранѣе опредѣленныя формулы, когда, при толкованіи текста, онъ ограничивается только своими собственными, часто произвольными размышленіями, тогда въ перспективѣ лежитъ еще больше запутать то, что̀ пытаются объяснить. «Критика текста», предложенная г. Соболевскимъ, носитъ именно этотъ послѣдній характеръ. До чего бездоказательна она, основана исключительно на филологической формалистикѣ и какія недоумѣнія она вызываетъ, показываетъ слѣдующій, наиболѣе рельефный, примѣръ. Дѣло идетъ о народѣ, извѣстномъ у насъ обыкновенно подъ именемъ *сѣверянъ*. Въ различныхъ спискахъ лѣтописи народъ этотъ называется различно—*сѣверъ*, *сѣверо*, *сѣвера*, *сѣверы*, *сѣверяне*. Изъ приведенныхъ г. Соболевскимъ примѣровъ видно, что названіе *сѣверъ* встрѣчается 9 разъ, *сѣверо*—тоже 9, сѣвера—8, сѣверы—5; очень рѣдко встрѣчается *сѣверяне*, *сѣверяны*. «Изъ четырехъ первыхъ именъ, какъ совершенно резонно замѣчаетъ проф. Соболевскій, лишь одно могло находиться въ оригиналѣ лѣтописи. Какое? Форма *сѣвера* встрѣчается сравнительно рѣдко (sic), чтобы можно было на ней остановиться, да кромѣ того, изъ нея нельзя объяснить всѣ другія формы (почему?); форма *сѣверы* есть явное (почему?) позднѣйшее осмысленіе другой формы (почему и какой?), форма *сѣверъ* легко могла произойти изъ *сѣверо* (подъ вліяніемъ существительнаго *сѣверъ* и другихъ причинъ (какихъ?). Такимъ образомъ форма *сѣверо*, какъ чтеніе наиболѣе трудное (?! sic) и вмѣстѣ съ тѣмъ очень частое (9 разъ, какъ и *сѣверъ*), заслуживаетъ особеннаго вниманія (sic): изъ нея нетрудно объяснить всѣ другія формы (какимъ образомъ?); она должна была находиться у лѣтописца (почему?) (Стр. 2—3).—По этому образчику, пусть ужъ самъ читатель судитъ, на сколько «Замѣтки» г-на Соболевскаго «имѣли право увидѣть свѣтъ» (стр. 1).

Мы переходимъ къ третьему отдѣлу «Чтеній» —къ «матеріаламъ». Отдѣлъ этотъ самый важный и интересный по цѣнности матеріаловъ, звѣсь напечатанныхъ, главнѣйшіе изъ которыхъ касаются Малороссіи и проливаютъ намъ достаточно свѣта на ея прошлую жизнь. Здѣсь помѣщены слѣдующіе «матеріалы»: Описаніе Черноморья, составленное Эмидіемъ д'Асколи въ 1634 г. (на итальянскомъ языкѣ) съ предисловіемъ *проф. Н. П. Дашкевича;* письмо канцлера Олпбрахта Гаштольда къ земскому подскарбію Богушу Боговитиновичу въ началѣ XVI в. о защитѣ Кіева отъ разоренія его татарами, сообщ. ***И. М. Каманинымъ;*** сообщ. ***А. М. Лазаревскимъ*** «Акты по исторіи монастырскаго землевладѣнія въ Малороссіи (1636—1730); ***М. Ф. Владимірскимъ-Будановымъ*** «Акты по управленію Малороссіею за 1767 г.; ***О. И. Левицкимъ*** «Къ исторіи водворенія въ Кіевѣ уніи» и ***С. Т. Голубевымъ*** «Матеріалы для исторіи западно-русской церкви».

Мы остановимся, главнымъ образомъ, на актахъ, сообщенныхъ А. М. Лазаревскимъ и М. Ф. Владимірскимъ-Будановымъ: по важности они занимаютъ первое мѣсто.

Не всѣ акты, сообщенные проф. М. Ф. Владимірскимъ-Будановымъ, отличаютси новизной: нѣкоторые изъ нихъ давно уже напечатаны и притомъ въ изданіяхъ, до того распространенныхъ, что врядъ ли была настоятельная необходимость перепечатывать ихъ вновь.

«Записка о недостаткахъ, усмотрѣнныхъ въ Малороссіи« напечатана, напр., въ приложеніяхъ къ книжкѣ г. Авсѣенка «Малороссія въ 1767 году; № XXI—въ Чтеніяхъ общества ист. и древн. 1861 г. кн. 1 между сообщенными М. О. Судьенкомъ «бумагами до управленія Малороссіею графа П. А. Румянцева-Задунайскаго относящимися»; тамъ же на стр. 148 помѣщенъ № XVI, а на 149—№ XIII. Другіе документы печатаются впервые, и на основаніи ихъ мы имѣемъ возможность, съ одной стороны, подробнѣе познакомиться со взглядами и дѣятельностью реформатора Малороссіи; съ другой—найти нѣсколько чертъ, характеризующихъ малорусскую общественно-правовую жизнь, какъ она выработалась ко второй половинѣ XVIII вѣка.

14 декабря 1766 года былъ изданъ манифестъ о созывѣ депутатовъ въ коммиссію для составленія Уложенія, и манифестъ этотъ вызвалъ въ Малороссіи самые разнообразные толки [1]). Нашлись люди,

---

[1]) О толкахъ, вызванныхъ въ Малороссіи манифестомъ 14 ноября см. XXVII т. Исторіи Россіи Соловьева и *И. В. Теличенка* „Сословныя нужды и желанія Мало-

которые отважились «разсуждать и о дѣлахъ государственныхъ, о которыхъ, какъ они сами признаются, ни свѣдѣнія, ни прямого понятія притомъ не имѣютъ, превращая оныхъ силу и разумъ въ различные глупымъ и невѣждамъ свойственные толки»; нашлись люди, позволившіе себѣ критиковать Высочайшій манифестъ и обрядъ о выборѣ депутатовъ, а это въ глазахъ суроваго реформатора Малороссіи, не привыкшаго къ противорѣчіямъ, не знавшаго въ Россіи никакого проявленія въ обществѣ политической мысли, должно было считаться «прямо противнымъ всевысочайшимъ узаконеніямъ». И вотъ онъ «предлагаетъ» малороссійской коллегіи «во всѣ полки и въ суда земскіе послать указы и велѣть тѣхъ полковъ отъ полковыхъ канцелярій во всѣхъ сотняхъ обнародовать, дабы всѣ и всякій о томъ вѣдая, отъ всякихъ таковыхъ до нихъ не принадлежащихъ разсужденій удержались, а старались единственно, прямо исполняя всевысочайшія установленія, прилежать по должности званія своего въ службѣ и дѣлахъ полезныхъ упражняться, а не въ праздности и невѣжествѣ». Съ виновными Румянцевъ грозилъ поступить по всей строгости законовъ, такъ какъ, говорилъ онъ, «мнѣ не подтверждать оные, но въ исполненіе приводить должно» (XVIII). И онъ исполнилъ свою угрозу. Собранное въ Нѣжинъ шляхетство батуринскаго и нѣжинскаго повѣтовъ выбрало въ предводители и депутаты въ коммиссію уѣзднаго судью Селецкаго, но затѣмъ, «не давъ ему никакого полномочія и не сочиня наказа, разъѣхалось на цѣлый мѣсяцъ и, собравшись потомъ выбрало въ депутаты вмѣсто Селецкаго Гр. Долинскаго. Казалось бы, въ этомъ нѣтъ ничего преступнаго; дворяне раздумали, имъ показалось удобнѣе имѣть депутатомъ Долинскаго, но формалисту генералъ-губернатору такой поступокъ показался «въ противность манифесту и обрядамъ», и онъ приписалъ его «одной слабости предводителя, неразумѣнію и непонятію силъ манифеста и приложенія»; я старался, говоритъ онъ, о точномъ исполненіи распоряженій правительства, «но всѣ мои даваемыя къ тому руководства не произвели въ сихъ кривотолкахъ никакого дѣйства, но, напротивъ, они вздумали прямо моимъ ордерамъ упорствовать». Выборъ Долинскаго былъ кассированъ, депутатомъ признанъ былъ Селецкій, и тѣмъ изъ дворянъ, которые стояли за выборъ Селецкаго, приказано было дать ему «полномочіе и наказъ». Съ «ослушниками ордеровъ» Ру-

---

россіянъ въ эпоху Екатерининской коммиссіи". Стр. 4 и слѣд. (также въ Кіевск. Стар. 1890 года).

мянцевъ поступилъ, какъ и хвалился—по всей строгости законовъ: цѣлый рядъ лицъ, списокъ которыхъ приложенъ къ документу, былъ отрѣшенъ отъ занимаемыхъ ими должностей и приказано было не опредѣлять ихъ вновь, «ибо, писалъ генералъ-губернаторъ малороссійской коллегіи, о поступленіи съ ними по законамъ я правительствующему сенату представилъ: къ нимъ никакой довѣренности имѣть не можно» (№IV).

Сенатъ утвердилъ выборъ Селецкаго, «похваля при томъ его и согласныхъ съ нимъ владѣльцовъ усердіе», избраннаго на мѣсто Селецкаго предводителемъ Тарнавіота отрѣшилъ отъ должности, «которую онъ ужь и нарушилъ неисполненіемъ по манифесту»; но суду его не предалъ, такъ какъ Румянцевъ засвидѣтельствовалъ, что «то отъ одной простоты произошло»; ослушниковъ указовъ, отрѣшенныхъ Румянцевымъ отъ должностей, сенатъ распорядился «отослать воинскихъ на воинскій, а гражданскихъ и неслужащихъ на гражданскій судъ, которымъ велѣть надъ виновными, заключа сентенціи, подать въ малороссійскую коллегію, а оной, разсмотря, съ своимъ мнѣніемъ представить сенату. «Въ предупрежденіе подобныхъ происшествій» обо всемъ этомъ были посланы указы въ города, гдѣ еще не было выборовъ, (№ V). Чѣмъ кончился судъ надъ ослушниками указовъ— мы не знаемъ; въ «актахъ» мы находимъ одинъ только документъ, относящійся къ суду надъ ними. 14 августа 1767 года Румянцевъ «къ производженію воинскаго суда» надъ ослушниками назначилъ полковника фонъ-Зытмана на мѣсто заболѣвшаго кн. Хованскаго (№ VI) [1]).

Седьмой документъ изданныхъ проф. Владимірскимъ-Будановымъ актовъ относится къ извѣстнымъ погарскимъ выборамъ, гдѣ произошло столкновеніе между шляхетствомъ и мѣщанствомъ, между тянувшимъ сторону шляхетства погарскимъ войтомъ Григоріемъ Панасомъ и городскимъ головою Денисомъ Приваловымъ, поддерживавшимъ интересы мѣщанства. На Привалова посыпались доносы въ неисполненіи формъ, обряда, во всевозможныхъ злоупотребленіяхъ, и VII документъ относится къ концу этой общественной драмы [2]).

---

[1]) Недоразумѣнія при выборахъ въ Нѣжинѣ были извѣстны давно, но документы, относящіеся къ нимъ, напечатаны проф. Владимірскимъ-Будановымъ впервые. Ср. *Соловьевъ* т. XXVII стр. 52—54, *Теличенко* стр. 19.

[2]) Наказы малор. депут. стр. 219—226. *Соловьевъ* т. *XXVII* стр. 54—56 *Теличенко* стр. 20, *Авсѣенко* „Малороссія въ 1767 году" стр. 18 и слѣд.

Румянцевъ дѣлаетъ распоряженіе объ удержаніи подъ арестомъ одного только войта Панаса и объ освобожденіи его товарищей, потому что онъ нашелъ, «что всѣ таковые несправедливые доносы послѣдовали единственно отъ непознанія самихъ себя, неразумѣнія прямого общаго блага, однимъ словомъ отъ крайняго ихъ невѣжества, которое открывается наипаче въ отвѣтахъ, гдѣ они поставляютъ себѣ во оправданіе, что всякое прошеніе не есть погрѣшность, не разсуждая, что *прошеніе, затѣянное въ обиду другому или затрудняющее вышнее начальство, есть, конечно, преступленіе, каторое заслуживаетъ наказаніе;* иные же показываютъ, что по причинѣ скораго отправленія не поняли, на чемъ подписались».

Вообще Румянцевъ дѣйствовалъ въ Малороссіи слишкомъ самостоятельно и подъ часъ присвоивалъ себѣ власть настоящаго персидскаго сатрапа. «Онъ, говоритъ проф. М. Ф. Владимірскій-Будановъ, часто выходилъ изъ скромныхъ рамокъ администратора и становился законодателемъ» (стр. 98); такъ онъ, напримѣръ, дѣлаетъ распоряженіе, чтобы жители малолюдныхъ городовъ не избирали депутата въ коммиссію, «чтобъ не обратилось то имъ въ тягость», а со всѣми своими нуждами и желаніями прямо обращались къ нему (№ I); предлагаетъ малороссійской коллегіи рѣшить, нужно ли судей низшихъ инстанцій, при переносѣ рѣшенныхъ ими дѣлъ въ высшія, вызывать туда «на очное омовеніе» или же самыя дѣла могутъ показать, достойны ли судьи оправданія или обвиненія. По закону, конечно, коллегія не могла рѣшить этого, такъ какъ здѣсь дѣло шло объ отмѣнѣ основнаго закона 4 разд. 40 арт. Литовскаго статута, дѣйствовавшаго тогда въ Малороссіи; но Румяцевъ уже à priori рѣшаетъ вопросъ и безъ Высочайшей власти, говоря въ «предложеніи» коллегіи, что многіе артикулы статута писаны для литовскаго княжества и для извѣстнаго времени, а для Малороссіи они не пригодны, въ томъ числѣ и 40 арт. 4 разд. (№ XIX). Румянцевъ, наконецъ, преобразовываетъ цѣлыя учрежденія опять-таки «безъ предварительнаго утвержденія своихъ мѣръ верховною властью» (стр. 98). Въ 1760 году Разумовскимъ, въ бытность его гетманомъ, былъ преобразованъ генеральный судъ, который состоялъ теперь изъ 12 «персонъ» и 10 выборныхъ депутатовъ, по одному отъ каждаго полка (№ XII). Смѣнившій Разумовскаго Румянцевъ не зналъ въ своемъ отечествѣ выборнаго суда, противорѣчившаго идеѣ централизаціи, проводникомъ которой въ Малороссіи являлся онъ, какъ генералъ-губернаторъ Екатерины II. Естественно поэтому, что Румянцевъ, присвоивъ

себѣ громадную власть, отмѣняетъ выборныхъ судей отъ полковъ на томъ основаніи, что «во всѣ годы продолженія сего постановленія (преобразованія Разумовскаго) рѣдко когда было полное собраніе въ судѣ сихъ всѣхъ десяти депутатовъ, а больше могли они въ неприбытіи и отлучкахъ своихъ выговариваться всякими причинами» (№ XIII). Вмѣсто нихъ назначаются «непремѣнными членами» суда надв. сов. Гр. Фридрикевичъ, зем. судья Сергѣй Дергунъ, бунч. тов. Александръ Безбородко и Петръ Симановскій. «Вновь опредѣленные члены, писалъ Румянцевъ въ ордерѣ объ ихъ назначеніи, конечно, должны чувствовать, коль великая къ нимъ довѣренность въ возлагаемой на нихъ важной должности обязуетъ быть ихъ прилежными, рачительными, единодушными въ благоразсужденіяхъ, хранить безпристрастіе и всякую добродѣтель непорочнаго судьи, исполняя праведными успѣхами надежду, которую имѣть могу, что ихъ тщаніе и прилежные труды умалятъ число просителей, прекратятъ волокиту и рачительно поищутъ истребить причины, противящіяся всякаго дѣла скорому окончанію» (№ XIV).

Малороссійскіе суды, дѣйствительно, были далеко не въ завидномъ положеніи. Волокита царила вездѣ, отчасти благодаря злоупотребленіямъ судей, а отчасти и благодаря процессу статута, который доставлялъ много путей тянуть дѣло для той изъ сторонъ, которая была заинтересована въ этомъ. Еще раньше преобразованія генеральнаго суда и наставленія его непремѣннымъ членамъ, Румянцевъ обратилъ вниманіе на волокиту, такъ какъ къ нему стали поступать жалобы. Препровождая ихъ въ коллегію, Румянцевъ напоминаетъ ей, что «всякая тяжба, бѣднымъ особливо людямъ, не меньше чувствительна, какъ и приключенныя обиды, о коихъ просятъ», и предлагаетъ «въ нижніе суды дать повелѣніе, чтобы судьи по справедливости исполняли возложенную на нихъ должность и чтобы всякая небрежность со стороны ихъ не оставалась безъ строжайшаго взысканія» (№ XI). Но несмотря на всѣ эти подтвержденія, дѣла «къ вящему разоренію бѣдныхъ» производились медленно и «безъ всякаго наблюденія порядка предписаннаго въ правахъ» (№ XVIII); указы, изданные для Малороссіи, были забыты, «вышли изъ наблюденія», какъ выражается Румянцевъ, и ими не пользовались даже въ судахъ (№ II). Опредѣленнаго сборника «правъ» не существовало. Для шляхетства былъ, правда, статутъ, для мѣщанства—магдебургское право; козаки выговорили себѣ суды въ статьяхъ; но на это раздѣленіе никто не обращалъ вниманія. Земскіе суды судили по статуту и судили не

однихъ только шляхтичей, но и козаковъ и мѣщанство, а потому часто отсуживали имѣнія въ тѣхъ случаяхъ, «гдѣ бы имъ, по словамъ Румянцева, не только вступать, но и принимать просьбы не слѣдовало». Козаки и мѣщане жаловались, что законовъ не знаютъ: «иной за нестанье по позву на срокъ ему неизвѣстный или отлучку отъ суда, будучи командированъ, лишается своего иску и имѣнія», а противная сторона всегда пользуется этимъ незнаніемъ». Чтобы хоть какъ-нибудь помочь дѣлу, Румянцевъ предлагаетъ коллегіи «выписавъ съ правъ, какія дѣла судамъ земскимъ на разсмотрѣніе опредѣлены, запретить онымъ, чтобъ отнюдь въ гражданскія дѣла не вступали, и мѣщанъ, коимъ судимымъ должно быть въ магистратахъ, къ суду земскому не привлекали»; въ помощь козакамъ опредѣлить адвокатовъ въ судахъ земскомъ и гродскомъ (№ XVII). Но такіе адвокаты раньше были уже учреждены при высшихъ судахъ, генеральномъ и коллегіи, и они не оправдали возложеннаго на нихъ довѣрія; казенная должность не могла доставить имъ той выгоды, какую представляло ходатайство по частнымъ дѣламъ, а потому они начали злоупотреблять своимъ положеніемъ и вмѣсто того, чтобы защищать интересы козаковъ и коронныхъ посполитыхъ, для чего они и были учреждены, адвокаты стали вести противъ нихъ тяжбы частныхъ лицъ, дѣйствуя такимъ образомъ во вредъ короннымъ интересамъ (№ XVI).

Несомнѣнно, Малоросія имѣла въ Румянцевѣ самого энергичнаго реформатора, который старался прислушаться къ нуждамъ народнымъ, во все старался входить, вездѣ старался помочь. Касалось ли дѣло суда, налоговъ, повинностей (№№ XX, XXI), экономическаго и матеріальнаго положенія народа—вездѣ Румянцевъ оставлялъ слѣды своей дѣятельности. Какъ широко понималъ онъ необходимость реформировать строй старой Малороссіи, показываетъ «Записка о усмотрѣнныхъ въ Малой Россіи недостаткахъ, о исправленіи которыхъ въ малороссійской коллегіи трахтовать должно». Въ «Запискѣ» этой сгруппированы главнѣйшіе недостатки малорусскаго строя, бросившіеся въ глаза энергичному реформатору. Картина получается, правда, невеселая; краски, можетъ быть, слишкомъ ужъ сгущены; но въ общихъ чертахъ нарисованная картина вѣрна. Малорусскій общественный строй представлялъ, дѣйствительно, много непригляднықъ сторонъ и къ тому времени, когда писалась «Записка», показалъ всю свою несостоятельность, всю ложность основы, на которой онъ покоился и развивался и которая, по нашему мнѣнію, играла такую

видную, первенствующую роль въ дѣлѣ крушенія его, этого общественнаго строя,—то было широкое, почти ничѣмъ не сдерживаемое развитіе индивидуализма во всѣхъ сферахъ общественной жизни, какъ политической, такъ и экономической, и въ сферѣ отношеній между членами даннаго общества—въ сферѣ правовой.

Въ своей «Запискѣ» Румянцевъ предлагаетъ малороссійской коллегіи разсудить, какъ можно помочь дѣлу, какой нужно устроить судъ, чтобъ въ немъ не было «смѣшенія воинскихъ, гражданскихъ и земскихъ дѣлъ»; нужно ли учредить особый аппелляціонный судъ или же функціи его можетъ отправлять одинъ изъ департаментовъ коллегіи; какія нужно учредить «помѣстныя правленія» для отправленія дѣлъ «въ разсужденіи доходовъ, экономіи и коммерціи» (§ 1); нужно наново раздѣлить Малороссію (§ 2); въ судахъ нужно учредить адвокатовъ (§ 3), привесть въ порядокъ государственные доходы, которые съ самаго Хмельницкаго «въ надлежащій порядокъ приведены не были» (§ 4); позаботиться объ учрежденіи «плантацій и мануфактуръ» (§ 6), объ охраненіи лѣсовъ (§ 7), о приведеніи въ порядокъ дорогъ и плотинъ и завѣдываніи ими (§ 9), объ упорядоченіи виннаго промысла, нужно ограничить винокуреніе и шинкарство, чтобы «отымался способъ къ чрезмѣрному пьянству, въ коемъ обращаяся, здѣшній простый народъ не токмо теряетъ охоту къ трудолюбію, но часто и жизни безвременно лишаются; умалчивая, что множество пьяныхъ во снѣ и въ бѣшенствѣ по дорогамъ въ городахъ и поселеніяхъ къ омерзенію всегда видѣтъ случается» (§ 8). Города находятся въ жалкомъ положеніи; избывая повинностей, мѣщане бѣгутъ въ козаки, ратушныя имѣнія всѣ расхищены, постройка въ городахъ деревянная (§ 5), училищъ нѣтъ, нѣтъ и больницъ, родильныхъ пріютовъ. «Къ призрѣнію больныхъ и увѣчныхъ, говоритъ Румянцевъ, хотя, *какъ сказываютъ*, и есть больницы; но всѣ таковые а паче заразительными болѣзнями одержимые, на публичныхъ площадяхъ и большихъ улицахъ, въ доказательство крайняго о нихъ небреженія, лежатъ; въ спасеніи же во грѣхи впадшихъ и избавляющихъ себя отъ стыда и поношенія, и когда, въ первомъ пароксизмѣ, умерщвленіемъ своего плода должность христіанскаго человѣколюбія вовсе упущена, какъ таковыхъ убійствъ по дѣламъ весьма много, къ сожалѣнію, оказывается» (§ 12). Чиновники—лихоимцы, на службѣ только обогащаются (§ 13); въ дворяне пишется кто попало (§ 10); «простой народъ мнимымъ въ свободѣ своевольствомъ доведенъ до крайняго нерадѣнія о своемъ собственномъ, лѣности и распутства (sic),

ибо многіе, оставя свои пахотныя и другія земли, бродятъ съ мѣста на другое и, чтобъ удобнѣе провождать жизнь праздную и распутную (sic), остаются на всегда безъ грунтовъ, подъ именемъ подсусѣдковъ, работая лѣниво за кормъ и напой виномъ» (§ 18).—Военное дѣло находится въ безпорядкѣ (§ 14), артиллерія никуда не годится (§ 15); козаки, на обязанности которыхъ лежала повинность нести военную службу, уходятъ въ подданство, а владѣльцы, не смотря на запретительные указы, ихъ принимаютъ—все это нужно привести въ порядокъ «общественнаго добра ради, единожды на всегда на мѣрѣ поставить и тѣмъ самымъ пресѣчь всѣ и всякія родящіеся неустройства» (§ 14 и 16). Что касается земельныхъ отношеній, то тамъ царилъ тоже полнѣйшій безпорядокъ; почти всѣ села и деревни были розданы въ частное владѣніе подъ именемъ свободно войсковыхъ (§ 19), козачьи грунты, не смотря на неоднократныя запрещенія и подтвержденія этихъ запрещеній, продолжали продаваться и купчія преспокойнѣйшимъ образомъ совершались въ судахъ (§ 20). Большія имѣнія находились въ рукахъ чернаго и бѣлаго духовенства. Въ Великороссіи ихъ ужъ отобрали въ казну; «подлежитъ разсуждать и здѣсь, какимъ образомъ, сдѣлавъ къ пропитанію и снабденію церквей и обителей достаточное опредѣленіе, всѣ монашествующихъ имѣнія къ короннымъ, яко большею частію къ тѣмъ принадлежащія присоединить». Бѣлому духовенству опредѣлить съ приходовъ содержаніе и на основаніи указовъ 1728 и 1734 годовъ запретить владѣть имѣніями тѣмъ изъ нихъ, которые не дворянскаго происхожденія (§ 11).

Монастыри были однимъ изъ крупнѣйшихъ и главныхъ землевладѣльцевъ въ старой Малороссіи. Земельныя богатства ихъ очень ранняго происхожденія; они образовались частью вслѣдствіе пожертвованій частныхъ лицъ и государства, частью вслѣдствіе «скупли», затѣмъ заимокъ и захватовъ—этого обыкновеннѣйшаго способа завладѣнія на первыхъ порахъ всякаго вновь слагающагося общества. Войны Хмельницкаго нарушили земельный строй въ Малороссіи, выработавшійся ко второй половинѣ XVII вѣка, но онѣ не коснулись монастырей: ихъ крѣпости не были «скасованы» козацкою саблею, и типъ этого землевладѣнія продолжалъ существовать до конца XVII, вѣка, вполнѣ приноровившись къ тѣмъ экономическимъ, бытовымъ и политическимъ условіямъ, которыя выработала новая малороссійская жизнь, послѣ Богдана Хмельницкаго. Для характеристики его за это время драгоцѣнный матеріалъ даютъ «Акты по исторіи мона-

стырскаго землевладѣнія въ Малороссіи», напечатанные въ «Чтеніяхъ» А. М. Лазаревскимъ.

Между этими «актами» мы находимъ поземельные документы батуринскаго и новомлинскаго монастырей, состоящіе изъ гетманскихъ универсаловъ, полковничьихъ «листовъ» изъ различныхъ актовъ, которыми частныя лица передавали монастырямъ право на свои имѣнія; затѣмъ отрывки о поземельномъ спорѣ между этими двумя монастырями; слѣдствіе, наряженное гетманомъ Мазепой по жалобамъ жителей г. Сосницы и с. Кирѣевки на незаконное отобраніе у нихъ новгородсѣверскимъ монастыремъ десятины, и отрывокъ изъ дѣла о поземельныхъ спорахъ между Печерскою Лаврою и Братскимъ монастыремъ за Сорокошицкія земли.

Всѣ эти документы проливаютъ значительный свѣтъ на юридическія основанія монастырскаго землевладѣнія съ одной стороны, а съ другой—характеризуютъ и ту бытовую сторону, на которой покоилось и развивалось это землевладѣніе и которая является прямымъ слѣдствіемъ малорусскаго общественнаго строя, выработавшагося послѣ Богдана Хмельницкаго и основаннаго, какъ мы уже выше замѣтили, на широкомъ развитіи индивидуализма во всѣхъ сферахъ общественной жизни.

Монастырское землевладѣніе, сказали мы, давняго происхожденія и осталось совершенно ненарушеннымъ козацкими возстаніями. Послѣ освобожденія Малороссіи изъ польской власти, гетманы, начиная съ Богдана Хмельницкаго, охотно подтверждаютъ монастырямъ всѣ права на маетности и раздаютъ новыя, то «видячи убогій монастырь батуринскій» (стр. 54), то по просьбѣ игуменіи монастыря дѣвича батуринскаго новомлинскаго «яко для помноженія хвалы Божой, такъ и для вспартя недостатковъ ихъ монастырскихъ и уставичныхъ потребъ» (стр. 64), то «для хвалы Божой и для отпущенія грѣховъ нашихъ, яко и всего войска Запорожскаго (стр. 56). Въ 1636 году, напримѣръ, панъ Юрій Оссолинскій подтвердилъ батуринскому монастырю всѣ его грунта, «*здавна* до того належитыя, въ селѣ Обмочевѣ и Веровскіе, зо всѣмъ кгрунтомъ и пожитками, и сѣножатми, и озерами, борокъ красный, зъ бортмы лѣсъ и осѣчъ по Усорочъ озеро, пущу, взявши отъ озера Стучокъ, до того жъ озера Усороцкаго стягается по-надъ рѣкою Сеймомъ зъ обохъ сторонъ, перевозъ на Сейму батуринскій, поля до опаханя и озера, сѣножати.» (стр. 53). Въ 1655 году актъ Оссолинскаго былъ подтвержденъ Богданомъ Хмельницкимъ; въ томъ же году монастырю надано село

Хмѣловъ (54 стр.); въ слѣдующемъ полковникъ черниговскій Гр. Гуляницкій далъ млинъ на р. Мѣтѣевкѣ (55 стр.); тогда же Богданъ Хмельницкій выдалъ универсалъ на Спасское поле, Божокъ, Любитовъ, Заболотовъ и Варичи (стр. 55—56). Выговскій и Юрій Хмельницкій подтвердили универсалы Б. Хмельницкаго, причемъ нѣсколько «кгрунтовъ» было прибавлено (стр. 56—57); прибавилъ Коренецкій хуторъ и гетманъ Брюховецкій, подтверждая въ 1668 году универсалы своихъ предшественниковъ (стр. 58)

Во владѣніи монастырей мы встрѣчаемъ самыя разнообразные угодія; тутъ были цѣлыя села, деревни, хутора, пущи, перевозы, «арандарская часть», озера (слѣд. и рыбныя ловли), бортныя угодья, сѣнокосы, пахатныя поля, млинки и т. д. и т. д. Къ сожалѣнію только, напечатанные г. Лазаревскимъ акты мало еще даютъ намъ возможности опредѣлить полноту правъ монастырей на свои владѣнія. Монастыри зорко слѣдили, чтобъ уважалось ихъ право собственности, и ревностно оберегали свои владѣнія отъ «своеволей пустошеній», прибѣгая подъ защиту высшей власти—гетманской. «Дойшло до насъ вѣдати, говоритъ 16 ноября 1658 года въ своемъ универсалѣ Выговскій, «же своеволя пустошеня чинятъ въ пущахъ и сѣножатяхъ монастыра Батуринскаго; прето мы... ствержаемъ и покрѣпляемъ... сотники и атамани городовіе и сѣлскіе и жаденъ козакъ справи жадной абы не мѣли до того... абы жаденъ и ногою не вступивъ у монастрыскіе кгрунта, не тилко дуба зрубати, але и прута вирубати не позволяемъ подъ зарукою тысечи копъ; а хто бы былъ въ томъ спречнимъ бунти своеволніи подіймати, на церковь Божію (sic) черничковъ похвалки на забойство, таковово приказуемъ горломъ карати (sic), иначей не чиначи» (стр. 57). «Сурово» приказывалъ въ 1669 году и гетманъ Демьянъ Игнатьевичъ, чтобы козаки и посполитые люди въ грунтахъ монастырскихъ бобриковскихъ «найменьшой шкоды задавати не важилися». Жаловалась ему Евгенія Хлевинская, игуменія батуринская, монастыря бобриковскаго паненскаго, что козаки и люди посполитые «мимо права и универсаловъ, отъ бывшихъ гетмановъ наданныхъ, а звлаща и мимо жалованную его царскаго пресвѣтлаго Величества на тые грунта выданную грамоту, великое укривженіе въ ловленню рыбъ и въ скошуванню сѣножатей шкоды чинятъ и тимъ обители святой не мнѣй задаютъ прикрость»—и гетманъ писалъ въ своемъ универсалѣ: «если бы хто зъ козаковъ, албо зъ посполитыхъ людей якую колвекъ кривду въ помененныхъ озерахъ, отчинахъ, станахъ, поляхъ, сѣножатяхъ мона-

стырскихъ еще хотѣлъ задати, теди таковій зъ кождыхъ за скаргою срокгого отъ насъ не уйдетъ карання, зъ утраченемъ своихъ маетковъ» (стр. 62).

Требуя уваженія своихъ правъ собственности, монастыри не церемонились съ другими, и въ этомъ отношеніи они были истинными сыновьями своего вѣка, гдѣ принципъ «chacun pour soi et Dieu pour tous» имѣлъ такое широкое примѣненіе. Архивы завалены жалобами на «гвалтовные наѣзды», —на отнятіе насильно земель сильными у слабыхъ, богатыми у бѣдныхъ, въ дѣлахъ фигурируютъ часто сомнительнаго свойства документы, подученные свидѣтели—и во всемъ этомъ монастыри играютъ первенствующую роль. Въ своемъ предисловіи къ издаваемымъ актамъ А. М. Лазаревскій обращаетъ вниманіе изслѣдователей на то, что при подтвержденіи Выговскимъ правъ на имѣнія батуринскому монастырю и Самойловичемъ новомлинскому не были представлены акты, на основаніи которыхъ маетности утверждались; издатель заподозриваетъ ихъ существованіе, «такъ какъ монастыри ревниво оберегали свои крѣпостные документы и щедро писали съ нихъ копіи» (стр. 51). Какими путями не брезгали иногда монастыри при пріобрѣтеніи своихъ владѣній, показываетъ слѣдствіе, наряженное Мазепой по жалобамъ жителей г. Сосницы и с. Кирѣевки на незаконное требованіе съ нихъ новгородсѣверскимъ монастыремъ десятины (№ IV).

Давно уже, еще до року Зборовскаго и Збаражскаго, слѣдовательно, до присоединенія Малороссіи къ Россіи, осѣли козаки на сосницкихъ и спасскихъ грунтахъ. Пришелъ съ войны небожчикъ Прокопъ, показывали слѣдователямъ жители-старожилы, и «зъ сынами своими чотирма березнякъ и дубину для пахання нивы теребити почалъ»; пришли и другія козаки того жъ року Зборовскаго Збаражскаго и, «единъ на другого глядя», начали «поле теребити и пахати», а теперь и наслѣдники ихъ пашутъ и никакой десятины никогда никому не давали, «но тое поле отци ихъ ны въ кого не упросили, але сами руками своими козацкими давно теребили и пахали и сумешъ держали и уживали и межи собою еденъ у другого, спасчане у сосничанъ, сосничане у спасчанъ куповали и продавали» (стр. 76 и слѣд.). Такъ было всегда, и казалось бы, кто могъ препятствовать имъ во владѣніи, предъявить свои права на ихъ землю? Сосничане пашутъ давно, собираютъ посѣвъ, никому не отдавая отчета, покупаютъ и продаютъ другъ другу землю—словомъ, владѣютъ на правѣ полной личной собственности: никто имъ ни въ

чемъ не препятствуетъ. Но вотъ является съ своими притязаніями монастырь. «На тотъ часъ Збаразского лѣта, говорили сосницкіе жители, еще а но архимандриты, а нѣ инные старшины духовнѣе въ монастырѣ Спасскомъ не было и *безъ жадного упросу* сумѣшъ спасчане и сосничане на тотъ часъ нивя теребили и орали и десятины не знали» (стр. 76). Теперь уже Спасское во владѣніи монастыря новгородсѣверского, подбирается монастырь и къ сосничанамъ. Отъ имени сосничанъ составляется подложный актъ, въ которомъ они будто бы въ 1670 году (слѣдствіе производилось въ 1701 г.) выпрашиваютъ у монастыря грунты, на которыхъ и поселяются, обѣщая платить монастырю десятину; при чемъ никто не имѣлъ права «новыхъ поль розробляти и продати безъ вѣдома и волѣ его милости отца архимандрита» подъ угрозою отобранія посѣва; продавать землю можно было только жителямъ села Спасскаго, подданнымъ его милости отца архимандрита (стр. 73). Этимъ актомъ свободные поселенцы дѣлались «подданными» монастыря, а грунты, ими занятые и воздѣланные, становились монастырскими грунтами.—Впродолженіе 30 лѣтъ со времени яко-бы составленія этого акта (онъ помѣченъ 12 августа 1670 года) козаки владѣли спокойно, никакой десятины съ нихъ не требовали, пока не явился въ Спасское «городничимъ» отецъ Мардарій, одинъ изъ тѣхъ монастырскихъ «городничихъ», которыхъ управительская дѣятельность создала этотъ особый типъ, крайне непривлекательный" (стр. 52). Начинается требованіе десятины — начинается и дѣло. Наряжается слѣдствіе, спрашиваются жители старожилы. Оказывается, что живы даже двое тѣхъ, подписи которыхъ значатся подъ обязательствомъ; но они отрекаются отъ своихъ подписей, говорятъ, что никогда никакого обязательства не давали, не подписывали; разсказываютъ, какъ происходило дѣло, какъ къ нимъ подъѣзжалъ монахъ, приглашалъ въ Спасское; какъ ѣздили они туда, какъ монахи задобрили сотника, и сотникъ далъ обязательство; но обязательство то подложно; подписи на немъ фальшивы, и писано оно не на ратушѣ. Къ счастью для сосничанъ дѣло было очевидно, подлогъ ясенъ; монахи не могли доказать своихъ правъ, и въ притязаніяхъ на Сосницкія земли имъ было отказано.

Другое подобное же дѣло было въ селѣ Кирѣевкѣ, гдѣ дѣйствовалъ тотъ же отецъ Мардарій. Здѣсь мы знакомимся и съ другою стороною этихъ «городничихъ»—съ ужасною жестокостью, которую проявляли они въ обращеніи съ народомъ и которая какъ-то не подходила къ тому сану, который они носили. Монастырскіе «городни-

чіе» были, въ большинствѣ случаевъ, монахи. Но монастыри того времени не отличались ангельскимъ житіемъ, и монастырскія дѣла даютъ намъ много матеріала для характеристики тѣхъ общежитій, цѣлью которыхъ было проведеніе въ грѣшный міръ сей высокой христіанской любви къ ближнему, самопожертвованія, нестяжанія. Народу тяжело было подъ монастырскимъ «ярмомъ», какъ онъ называлъ свою зависимость, подчиненность, «подданство» монастырямъ. «Хороше нарадилисте всему миру сосницкому, говорилъ одинъ изъ сосницкихъ обывателей сотнику, подписавшему подложное обязательство: зъ лядзского ярма вибилисмося, а теперъ чернецкое ярмо на себе и на насъ зложилисте» (стр. 75). Монастырское «ярмо» приравнивалось «ярму» польскому, и въ этомъ не было преувеличеній. Во второй половинѣ XVIII вѣка суровый реформаторъ Малороссіи такъ характеризовалъ малорусскіе монастыри въ своей «Запискѣ о недостаткахъ», о которой мы говорили выше: «монастырскія имѣнія, говоритъ онъ, управляются безпредѣльно по произволенію властей, *натурально, не съ выгодою для подданныхъ, ниже о нихъ раченіемъ*; особливо чинъ монашескій, для необходимыхъ экономическихъ правленій, удалялся отъ общежительства и правила своего, обращается прямо по такъ называемымъ городничествамъ въ свѣтскихъ упражненіяхъ, паче же по дѣламъ тяжебнымъ въ приказныхъ мѣстахъ стряпая, въ доказательствахъ и изобличеніяхъ, вовсе монашескому чину несвойственно и паче предосудительно другимъ досады причиняютъ, или иногда и сами терпятъ» (стр. 106—107). Какія «досады» причинялъ, напримѣръ, жителямъ села Кирѣевки упомянутый выше отецъ Мардарій, показываетъ ихъ вполнѣ подтвердившаяся жалоба. Кирѣевцы жаловались и просили управы на отца Мардарія относительно «кривдъ, кгрунтовъ, шкоды, грабежовъ, побоевъ, *огнемъ и углями разженными людей Киріевскихъ въ бору печення*, и сѣножати, и нывъ пахотныхъ, и черезъ греблю киріевскую переѣзду заборонення, и въ водѣ до ловлѣ рибное недопускання, еще въ водѣ конопелей мочити, и на водѣ лѣтомъ и зимою бѣлой плоти хустъ прати недопускання, и хустъ въ полонки вкидання, кгвалтовного на киріовцахъ писма на чиншъ вимагання и иншихъ неслыханихъ кривдъ отъ отца Мардарія и отъ людей субъордированыхъ чинення» (стр. 81). О. Мардарій обвинялся далѣе «въ выбѣранню неслушное десятины, а не тылко десятины, але кгвалтовное въ збожахъ половины, албо якъ ему хотѣлося, такъ тайно въ поляхъ ночю, вмѣсто десятины збожа, якъ и въ грабежахъ кгвалтовнихъ, и въ побояхъ, и въ *паленню*

людей огнемъ, людемъ рознимъ меновите: въ побитю сына козацкаго поруччиного кіями, на греблѣ положивши, и въ вымаганню, и въ выбиранню грошей, за грабежъ, и въ иныхъ кривдахъ починеннихъ, въ таковихъ всѣхъ кгвалтовнихъ кривдахъ, шкодахъ, грабежахъ, силкомъ у людей за грабежи грошми викупованню» (стр. 86). Слѣдователи, высланные Мазепой для разбора кирѣевскихъ жалобъ, признали ихъ справедливыми и высказались противъ отца Мардарія, но дѣло кончилось ничѣмъ: о. Мардарій на судъ не явился, не позволилъ ему архимандритъ новгородсѣверскій. Фактъ чрезвычайно характерный для малорусскихъ общественныхъ отношеній.

Укажемъ еще два-три факта для характеристики малорусскихъ монаховъ.

Производится слѣдствіе о косачевскихъ земляхъ; свидѣтель говоритъ не въ пользу монаховъ. Представитель монастыря, чернецъ, волнуется; «на того человѣка цикнувъ, сталъ палцѣ грызти. Громади крикнули: нехай говоритъ той человѣкъ; а чернецъ той *стрѣлилъ изъ пистолета*, и зачалась сварка, и крикъ, и розихалися» (стр. 91). Въ другой разъ производилось разграниченіе земель между монастырями новомлинскимъ и батуринскимъ и черцы послѣдняго хотѣли свидѣтеля, показывавшаго не въ ихъ пользу, «*списомъ прибиты*, когда бъ товариство не воспятили»; тогда же Павелъ Гриба показывалъ, что «игуменъ Гугуревичъ батуринскій крупецкой за своего игуменства не токмо дуброву и сѣножати и бортніе дерева до монастыря крупецкаго усилевне отнялъ», но и самого дѣда его Грибы «Исая, о томъ обстоячого, на тихъ же кгрунтахъ *убилъ до смерти*; якого взявши и привезши, погребли проводомъ христіанскимъ». (Стр. 70).

Факты, извлеченные нами изъ «актовъ», изданныхъ г.г. М. Ф. Владимірскимъ-Будановымъ и А. М. Лазаревскимъ, въ достаточной степени, думается намъ, характеризуютъ тотъ общественный строй, при которомъ возможно было безнаказанно съ дрекольемъ производить «гвалтовные наѣзды», отнимать чужую собственность, палить людей огнемъ, убивать ихъ до смерти [1]), и гдѣ можно было не являться на судъ, даже въ томъ случаѣ, если судъ этотъ наряженъ по распоряженію высшей власти—гетманской.

---

[1]) Выше мы упоминали, что въ архивахъ хранится много дѣлъ о „гвалтовныхъ наѣздахъ“. Для характеристики этихъ, въ большинствѣ случаевъ остававшихся почти безнаказанными, нашествій можетъ служить слѣдующее показаніе Лисаневича,

Исторія Малороссіи въ высшей степени поучительна. Мы видимъ общество, сложившееся не на первыхъ порахъ человѣческаго развитія, а тогда, когда каждый членъ его имѣлъ ужъ за собой многовѣковую исторію, опытъ, когда онъ долго и упорно боролся противъ другаго строя, ему неподходящаго, связывавшаго его по рукамъ и ногамъ, не дававшаго ему жить, когда онъ порвалъ всѣ связи съ этимъ строемъ и задумалъ создать новый, на новомъ основаніи, положивъ въ основу личную свободу. Казалось бы, на этой основѣ общество должно было выработать иной строй, гдѣ бы каждому легче жилось, гдѣ бы человѣкъ былъ «свободенъ» во всѣхъ отношеніяхъ; но этого не случилось, и мы замѣчаемъ какъ разъ обратное явленіе. Малороссія,

---

у котораго Скорунка оспаривалъ право на мельницу: „прошлого іюня 21 дня, пишетъ въ судъ Лисаневичъ, на тое мѣсто, гдѣ я мельницу устроеваю на рекѣ Воронусѣ не свѣдоміе люди, числомъ до 100 человѣкъ всякъ съ коцубами і топорами, якъ би на разбой пріуготовленніе или якъ би ная кого непріятеля прямо і штурмомъ будто города непріятелского доставить, напали, били, коихъ многочисленнихъ людей одинъ верхомъ на конѣ попереду, яко бы не якой вождь, а другой позадѣ проводили и еслибъ я не билъ въ осторожности и обороняясь, при помощи Божой, самого вождя не поймалъ, то Богъ вѣсть, щобъ послѣдовало надо мною, ибо единъ мужикъ, еслибъ случившійся тамо тогда бить атаманъ чешуйковскій Артемъ Кабанъ не похватилъ і не отопхнулъ, то бъ мене необычайною коцубою посередъ голови ударилъ, о чемъ безъ сумнѣнія смерть би мнѣ приключилася". (Кіев. Центр. Арх. Дѣла объ имущ. част. лицъ). До чего была не обезпечена личность человѣка въ Малороссіи, показываетъ такой фактъ. Будучи недоволенъ на ковалевскаго сотника (гадяц. полка) Кицета, генеральный судья Чарнышъ отправилъ изъ Глухова асаула Бороховича съ двумя драгунами арестовать Кицета. Тѣ напали на него ночью, избили безъ милосердія, скованнаго провели въ Глуховъ и „на ратушѣ глуховскомъ кіевъ съ триста давъ, и очень учиня, въ турму посадили, гдѣ недѣль десять сидѣлъ и не малые отъ побою раны терпѣлъ, что ажъ былъ боленъ при смерти и въ тѣлѣ его черви были и шматками з костей мясо падало". Свидѣтели все это подтвердили и судъ приговорилъ Чарныша къ денежному штрафу, а Чарнышъ былъ человѣкъ богатый (Докум. о Чарнышѣ въ библіот. А. М. Лазаревскаго).

Для характеристики малорусскихъ отношеній прошлаго вѣка любопытна та масса жалобъ, которая была подана жителями различныхъ мѣстностей на извѣстнаго епископа черниговскаго Иродіона Жураховскаго. Большая часть ихъ относится къ отнятію у козаковъ и посполитыхъ земель монастырями и бѣлымъ духовенствомъ, затѣмъ къ разнымъ незаконнымъ поборамъ; есть жалобы на истязанія жителей монахами, на разныя неприглядныя стороны монашеской жизни и т. д. Обращаетъ на себя вниманіе „дѣло попа чернотицкаго Іосифа Лаврентіева и зятя его попа жъ Афанасія Клепца о неучиненіи катедрою черниговскою съ помянутыхъ поповъ справедивости за *убитаго* ими Ѳедора Олейника и за модерство надъ другими исполненное" (П. С. пост. и распор. по вѣд. прав. испов. Росс. имп. т. VII стр. 304—320).

въ сущности, не выработала никакого определеннаго, строго обозначившагося строя, никакихъ ясныхъ общественныхъ принциповъ и вся жизнь ея прошла въ какомъ-то хаотическомъ состояніи и исчезла, не оставивъ нигдѣ замѣтнаго слѣда.

Гдѣ искать причинъ этому? Не въ самыхъ ли условіяхъ возникновенія малорусскаго общества, которое, создавшись изъ разнороднѣйшихъ (въ общественномъ смыслѣ) элементовъ, на первыхъ порахъ не имѣло никакихъ опредѣленныхъ правовыхъ принциповъ, которые имѣли бы принудительную силу, регулировали бы отношенія между членами общества, сдерживали бы ихъ инстинкты, антиобщественныя стремленія и служили бы основою для развитія и реформированія общественныхъ отношеній? Не въ условіяхъ ли самой жизни Малороссіи, не въ тѣхъ ли внѣшнихъ слишкомъ неблагопріятныхъ условіяхъ, въ которыя было поставлено вновь возникающее общество? Не въ условіяхъ ли экономическихъ, которыя, сами являясь слѣдствіемъ малорусской исторіи и правовыхъ отношеній, играли такую первенствующую роль въ дѣлѣ крушенія главнаго принципа, который долженъ былъ составить фундаментъ малорусской жизни — личной свободы? Не въ тѣхъ ли условіяхъ предыдущей жизни, которыя не создали малорусской интеллигенціи, не создали людей, сознательно относившихся къ нуждамъ общественнымъ, людей, которые, видя всѣ ненормальности строя, старались бы имъ помочь? Кіевская Академія прошла въ этомъ отношеніи почти безслѣдно для Малороссіи и въ видѣ «людей ученыхъ», каковыми были Голятовскій и tutti quanti, она выпускала въ свѣтъ хорошихъ схоластиковъ-проповѣдниковъ, но плохихъ *общественныхъ* дѣятелей—мыслителей. Вотъ вопросы, которые возникаютъ при взглядѣ на судьбу Малороссіи и на которые, конечно, можно отвѣтить только при болѣе близкомъ знакомствѣ съ условіями возникновенія и развитія малорусскаго строя, когда подробнѣе будутъ изучены тѣ матеріалы, крохотную частицу которыхъ составляютъ «акты» г.г. Владимірскаго-Буданова и Лазаревскаго. Только, къ сожалѣнію кажется, не скоро еще наступитъ это желанное время.

Въ заключеніе, нужно еще сказать два-три слова о документахъ, напечатанныхъ проф. С. Т. Голубевымъ. Они интересны для характеристики бытовой и матеріальной стороны западно-русской церкви, хотя даютъ мало новаго къ тому, что до сихъ поръ было извѣстно. Издатель потратилъ много кропотливаго, добросовѣстнаго, но порой, какъ намъ кажется, безполезнаго труда на выясненіе раз-

ныхъ мелкихъ частностей. Намъ остается, напр., непонятнымъ, къ чему составлять каталоги западно-русскихъ епископовъ, отыскивать по актамъ, гдѣ упоминается то или другое имя, когда о дѣятельности самаго лица, о которомъ идетъ дѣло, не сохранилось никакихъ извѣстій? Недостаткомъ въ изданіи г. Голубева является и отсутствіе предисловія, которое бы опредѣлило значеніе издаваемыхъ актовъ и облегчало бы такимъ образомъ трудъ изслѣдователя. Это, пожалуй, было бы полезнѣй разныхъ мелочныхъ изысканій, которыя все равно затеряются въ массѣ матеріала и пропадутъ безслѣдно.

Въ одномъ изъ своихъ примѣчаній на документы г. Голубевъ затрогиваетъ вопросъ, когда унія проникла въ Кіевъ? и рѣшаетъ его въ томъ смыслѣ, что уже въ 1596 году кіево-софійскій соборъ былъ въ рукахъ уніатовъ (стр. 198—209). Тотъ же самый вопросъ затрогиваетъ и *О. И. Левицкій* въ своей замѣткѣ *«Къ исторіи водворенія въ Кіевѣ уніи»*.

Н. В.

Харьковскій Сборникъ, литературно-научное приложеніе къ „Харьковскому Календарю“ на 1891 г., выпускъ V, подъ ред. В. И. Касперова.

Пятый выпускъ «Харьковскаго Сборника» состоитъ изъ двухъ отдѣловъ: 1) литературно-научнаго (стр. 1—172) и 2) статистико-экономическаго (стр. 1—210). Эти названія неточно опредѣляютъ составъ отдѣловъ; оба отдѣла одинаково научны; первый отдѣлъ состоитъ исключительно изъ историческихъ статей и правильнѣе было бы назвать его историческимъ. Во второй отдѣлъ вошелъ отрывокъ изъ Путешествія Гильденштедта, именно, путешествіе по Слободской Украинѣ въ 1774 г. съ обширнымъ предисловіемъ переводчицы М. Н. Салтыковой и съ пояснительными примѣчаніями проф. Д. И. Багалѣя. Статьѣ этой мѣсто скорѣе въ первомъ отдѣлѣ. Хотя частности въ путешествіи Гильденштедта представляютъ незначительный интересъ, но все его описаніе въ цѣломъ видѣ, по справедливому замѣчанію г-жи Салтыковой, въ настоящее время является уже важнымъ историческимъ матеріаломъ и заключаетъ въ себѣ множество данныхъ для характеристики внутренняго быта Слободской Украины въ концѣ XVIII ст. За исключеніемъ этихъ неправильностей въ распре-

дѣленіи статей и въ терминологіи отдѣловъ, V выпускъ Харьковскаго Сборника свободенъ отъ недостатковъ. Это изданіе представляется отраднымъ явленіемъ провинціальной жизни. Добрый починъ П. С. Ефименка, издавшаго первый выпускъ Харьков. Сборника пять лѣтъ назадъ, не заглохъ, и при новомъ секретарѣ статистическаго комитета изданіе Харьк. Сборника продолжается съ прежнимъ успѣхомъ. Пять выпусковъ Харьков. Сборника въ совокупности составляютъ уже цѣнный вкладъ въ мѣстную исторію и этнографію. Въ V выпускѣ этнографія отсутствуетъ, если не считать приложенныхъ въ концѣ книжки программъ для собиранія этнографическихъ свѣдѣній. Въ историческомъ отдѣлѣ, кромѣ статьи и перевода г-жи Салтыковой, случайно попавшихъ, какъ сказано, во 2-й отдѣлъ, находится извлеченіе изъ автобіографіи Костомарова, о его студенчествѣ и первыхъ шагахъ на служебномъ и научномъ поприщахъ, напечатанное съ разрѣшенія вдовы покойнаго А. Л. Костомаровой. Въ это извлеченіе вошли весьма любопытныя сообщенія о харьковскомъ университетѣ въ 30 годахъ. А. А. Русовъ помѣстилъ статью по поводу извлеченія изъ автобіографіи Костомарова. Въ этой статьѣ находится нѣсколько новыхъ фактовъ изъ воспоминаній автора о Костомаровѣ во время его болѣзни въ 1875 г. Статья г. Русова изложена живымъ языкомъ и проникнута тѣмъ чувствомъ уваженія къ личности человѣка и народа, которое на читателя производитъ всегда пріятное впечатлѣніе и въ новое время все рѣже и рѣже встрѣчается въ литературѣ. Третья статья въ сборникѣ о «церковно судебной практикѣ по дѣламъ брачнымъ въ бѣлгородской епархіи въ 1721—1799 годахъ» составлена г. В. Демидовымъ по архиву харьковской духовной консисторіи. Авторъ подробно останавливается на формальностяхъ, предшествовавшихъ браковѣнчанію, на относящихся сюда церковныхъ законоположеніяхъ и приводитъ нѣкоторые случаи нарушенія ихъ. Спеціалисты найдутъ въ статьѣ г. Демидова много интересныхъ подробностей. Общій интересъ здѣсь имѣютъ лишь нѣкоторыя частности, напр.—о вознагражденіи слободско-украинскаго духовенства второй половины XVIII в. за разныя требы, по попыткѣ правительства въ 1765 г. регламентировать это вознагражденіе.

Лучшей статьей въ V выпускѣ «Харьков. Сборника» нужно признать неоконченную статью протоіерея Н. Лащенкова объ архіеп. харьковскомъ, потомъ черниговскомъ, Филаретѣ Гумилевскомъ, извѣстномъ богословѣ и историкѣ, скончавшемся въ 1866 г. Статья написана на память двадцатипятилѣтія со дня кончины высокопр. Филарета.

Авторъ воспользовался печатнымъ матеріаломъ, широко восполнивъ его воспоминаніями частью собственными, большею частью другихъ лицъ и неизданными письмами недавнихъ дѣятелей изъ мѣстнаго духовенства. Напечатанная часть труда прот. Н. Лащенкова обнимаетъ 5 печатныхъ листовъ (93—172 стр.) Продолженіе обѣщано въ слѣдующемъ году. Изъ мозаики мелкихъ фактовъ, трудолюбиво собранныхъ авторомъ, передъ нами поднимается во весь ростъ личность знаменитаго іерарха русской церкви, великаго ревнителя просвѣщенія, который смотрѣлъ на освобожденіе крестьянъ съ землею, какъ на дѣло святое и справедливое, какъ на начало прогресса и конецъ неустройствамъ въ Россіи, и склонялъ выдающихся мѣстныхъ дворянъ дѣйствовать въ духѣ христіанской любви къ ближнему и къ самопожертвованію. «Мнѣ страшно за васъ, писалъ Филаретъ одному вліятельному дворянину крѣпостнику, особенно тогда, когда возстаете вы противъ надѣла крестьянъ землею. Я въ васъ не узнаю тогда ни христіанина, ни даже человѣка. Вы въ оправданіе указываете на непріятныя для васъ послѣдствія надѣла, напримѣръ, на сосѣдство съ безпечнымъ и неразборчивымъ хохломъ. Это—не оправданіе. Вы смѣшиваете два дѣла: дѣло и его послѣдствія. Предлагайте мѣры противъ неспокойныхъ послѣдствій,—это вамъ предоставлено; но не осуждайте святаго дѣла» (стр. 163—164).

Отдѣлъ статистико-экономическій состоитъ изъ обширной статьи г. Мезенцова о доходности сельскаго хозяйства въ харьковской губерніи, продолженія статьи г. Павловича о растительности харьк. губ. и интересной статьи профес А. Н. Краснова о современномъ состояніи вопроса о происхожденіи слободско-украинской степи.

Въ концѣ сборника находится «извѣщеніе» о томъ, что 12 членовъ Харьк. губ. статистическаго комитета задумали составить «описаніе харьковской губерніи» въ естественно и культурно историческихъ отношеніяхъ. Въ основу этого труда будутъ положены какъ пособія, такъ и источники первой руки. Для пополненія нѣкоторыхъ отдѣловъ (напр., географическаго, геологическаго) организуются ученыя экскурсіи по губерніи. Устройство такихъ экскурсій по другимъ отдѣламъ (напр. этнографическому, историко-географическому) оказывается невозможнымъ по недостатку денежныхъ средствъ. Но здѣсь изслѣдователи возлагаютъ надежды на общество. Къ «извѣщенію» приложены программы для собиранія свѣдѣній по этнографіи вообще, въ частности по быту и языку, затѣмъ по археологіи и исторической

географіи. Кружокъ состоитъ большею частью изъ профессоровъ и приватъ-доцентовъ харьковскаго университета.

Н. Ѳ. Сумцовъ.

---

1) Списокъ землевладѣній въ гродненской губерніи. Составилъ П. Диковъ. Изданіе Гродненскаго губернскаго Статистическаго Комитета. Гродно. 1890 г.—314 ст. іп. 8-о.

2) Памятная книжка гродненской губерніи на 1890 годъ Изданіе Гродн. Статист. Ком. Гродно 1889 г.—24+ХХП+280+38+56+76+30 іп. 8.

Первая книжка представляетъ очень важный матеріалъ для поземельной статистики губерніи. Въ ней помѣщено количество земли въ десятинахъ (съ раздѣленіемъ на усадебную, луговую, лѣсную, пахатную и неудобную), принадлежащей какъ крестьянскимъ обществамъ, такъ и частнымъ владѣльцамъ. Рядомъ мѣръ, предпринятыхъ съ цѣлью полученія болѣе вѣрнаго статистическаго матеріала, комитетъ достигъ значительной точности данныхъ въ настоящемъ изданіи. Въ концѣ книги приложенъ алфавитный списокъ частныхъ владѣльцевъ губерніи.

Въ «Памятной книжкѣ» кромѣ обыкновенныхъ адресныхъ свѣдѣній, помѣщены статистическія свѣдѣнія по губерніи, составленныя, къ сожалѣнію, довольно небрежно, неполно и двѣ статьи: «Очеркъ исторіи города Гродна, составленный на основаніи печатныхъ источниковъ» учителемъ гродненской гимназіи Е. Орловскимъ (76 стр.) и «Топографическія свѣдѣнія о городищахъ и курганахъ въ гродненской губ.», принадлежащія г. Штритеру, секретарю комитета (30 стр.).

Статья г. Орловскаго представляетъ сухой погодный перечень событій, имѣвшихъ мѣсто въ Гроднѣ, не совсѣмъ самостоятельный, такъ какъ авторъ во многихъ мѣстахъ слишкомъ придерживается извѣстнаго описанія гродненской губ. П. О. Бобровскаго (Матерьялы для географіи и статистики Россіи, изданные офиц. генер. штаба), уже устарѣвшаго. Въ ст. г. Орловскаго мы не находимъ ни современнаго топографическаго описанія города, его церквей (даже Коложской); внутренняя исторія совершенно игнорирована авторомъ, хотя изданные акты и представляютъ богатый матеріалъ. Нельзя не выразить также сожалѣнія, что въ числѣ источниковъ и пособій автору были неизвѣстны такія сочиненія, какъ трудъ г. Андріяшева «Ис-

торія волынской земли», г. Лонгинова «Червенскіе города», труды г. Барсова по географіи; онъ не воспользовался даже Соловьевымъ. Знакомство съ этими и др. сочиненіями избавило-бы г. Орловскаго отъ крупныхъ промаховъ, которые онъ сдѣлалъ. Такъ, авторъ считаетъ всѣ извѣстія до XIII в., въ которыхъ упоминается Гродно, относящимися къ теперешнему Гродно и *«въ видѣ курьеза»* (стр. 6.) проводитъ мнѣніе Карамзина, считавшаго Городно 1128 г. и 1183 г. мѣст. Городнымъ пинскаго у.; между тѣмъ всѣ изслѣдователи согласны съ этимъ мнѣніемъ Карамзина (ср. Андріяшева, Истор. Вол., стр. 80, Барсова словарь и др.). Несомнѣнныя же извѣстія о нынѣшнемъ губ. городѣ Гродно начинаются только съ половины XIII ст.

Гораздо лучше небольшая статья г. Штритера о городищахъ и курганахъ. Цѣль ея, какъ объясняетъ предисловіе, облегчить изученіе губерніи въ археологическомъ отношеніи, дать кое какія указанія для тѣхъ, кто пожелалъ бы производить раскопки. Г. Штритеръ воспользовался только исключительно тѣми рукописными матеріалами, которые проходили черезъ комитетъ, собиравшій свѣдѣнія для различныхъ учрежденій. Такъ, онъ воспользовался свѣдѣніями, собранными Центр. статист. комит. въ 1873 г., Имп. Академіи художествъ въ 1886 г. и Имп. Моск. Археолог. Общ. въ 1888 г. и дополнительными свѣдѣніями, собранными самимъ комитетомъ въ 1889 г.

Въ разсматриваемой статьѣ находятся свѣдѣнія о 47 городищахъ, расположенныя поуѣздно. Конечно, г. Штритеромъ указаны далеко не всѣ данныя о городищахъ гродненской губ. Такъ, судя по имѣющимся въ нашемъ распоряженіи матеріаламъ по археологіи этой губерніи, принадлежащимъ Московскому Археологическому Обществу, можно еще назвать до 30 городищъ, неизвѣстныхъ автору разсмотрѣнной статьи.

М. Довнаръ-Запольскій.

А. Лебедевъ. Духоборцы въ Слободской Украйнѣ. Харьковъ 1890 стр. 31.

Интересная брошюра проф. А. С. Лебедева основана на архивныхъ дѣлахъ Харьков. губ. стат. комитета, Харьков. духов. консисторіи и на мѣстныхъ преданіяхъ о духоборцахъ въ с. Большіе Проходы (харьков. уѣзда), собранныхъ и записанныхъ свящ. Гр. Лобковскимъ. Матеріалы, которыми пользовался авторъ, даютъ возможность «видѣть какъ распространенность въ Слободской Украйнѣ духоборства, такъ

и ученіе его—по показаніямъ о немъ самихъ духоборцевъ, а также положеніе духоборцевъ среди православнаго населенія, отношеніе къ нимъ властей гражданскихъ и духовныхъ, и наконецъ—представляютъ нѣкоторыя данныя для сужденія и о происхожденіи духоборства» (стр. 3). На этотъ счетъ существуютъ, какъ извѣстно, два мнѣнія изслѣдователей. Одни (главнымъ образомъ Новицкій) считаютъ родиной духоборства южную Россію и появленіе его относятъ къ половинѣ XVIII вѣка; другіе (Добротворскій, Ливаневъ) производятъ духоборство изъ Великороссіи и связываютъ его «съ древнѣйшими ересями какъ мистическими, такъ и раціоналистическими, а отчасти также и съ проявленіями политическаго вольномыслія, имѣвшими мѣсто въ Великой Россіи» (стр. 26). Амф. С. Лебедевъ склоняется къ послѣднему мнѣнію; въ этомъ его убѣждаютъ, между прочимъ, исключительно великорусскія фамиліи духоборцевъ, встрѣчавшіяся въ актахъ (до 200 именъ) и затѣмъ преданіе, записанное свящ. Лобковскимъ, которое прямо говоритъ, что духоборство занесено въ с. Б. Проходы выходцами изъ Великороссіи (стр. 31).

Н. В.

Обозрѣніе журналовъ.

Вѣстникъ Европы—9.—Русская Мысль—9.—Сѣверный Вѣстникъ—9—Русская Старина—9.—Русскій Архивъ—9.—Историческій Вѣстникъ—9.—Русскій Вѣстникъ—9.—Русское Обозрѣніе—9.—Наблюдатель—9.

Русская Мысль IX. 1891 г. Въ библіографическомъ отдѣлѣ—краткая рецензія на книгу: «Опытъ изученія малорусскихъ думъ. Лисовскаго», за которой не признается никакого научнаго значенія. (Стр. 392). Краткій отзывъ о «Сборникѣ по хозяйственной статистикѣ полтавской губерніи. Томъ X. Переяславскій уѣздъ» (стр. 397); а также о трехъ изданныхъ херсонскимъ губернскимъ земствомъ книгахъ: «Историческій очеркъ развитія херсонской земской сельско-хозяйственной статистики.—Матеріалы для оцѣнки земель херсонской губ. Т. VI. Херсонскій уѣздъ.—Хозяйственно-статистическій обзоръ херсонской губ. за 1889 г.» (стр. 398—401).

Въ обозрѣніи жуналовъ: подробное изложеніе статьи г-жи Ефименко «Малорусское дворянство и его судьба», напечатанной въ августовской книжкѣ «Вѣстника Европы» за текущій годъ (стр. 415—420).

Сѣверный Вѣстникъ IX. 1891 г. *Н. Астыревъ.* «Одинъ изъ вопросовъ дня». Окончаніе статьи о поземельныхъ и сервитутныхъ отношеніяхъ между частными владѣльцами и крестьянами въ юго-западномъ краѣ. (Стр. 247—271).

Русскій Архивъ IX. Воспоминанія А. М. Фадѣва. 1846. Характеристика тогдашняго начальника гражд. управленія въ Закавказіи, состоявшаго вмѣстѣ съ тѣмъ предсѣдателемъ Совѣта главн. управл. закавказскаго края—Ладинскаго. Авторъ мемуара наз. его между прочимъ хитрымъ хохломъ. (Стр. 105—106, 111, 162).

Въ приложеніи: «Записки Ф. Ф. Вигеля». Кіевская жизнь въ 1801 и 1802 г. Характеристика Г. К. Веселицкой, жившей тогда въ Кіевѣ; ея роль въ кіевскомъ обществѣ. Видные чиновные люди Кіева; военный губернаторъ, англичанинъ Феньшъ (какъ онъ попалъ на высокій постъ), губернаторъ Коробьинъ, вице-губернаторъ Четвериковъ. Польское общество въ Кіевѣ (196—201).

Наблюдатель. IX. 1891 г. Въ отдѣлѣ: Новыя книги—похвальный отзывъ о новомъ изданіи Слова о Полку Игоря Чудинова, предназначенномъ для среднихъ учебныхъ заведеній (стр. 25—27).

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ
ИМПЕРАТОРСКАГО
КАЗАНСКАГО УНИВЕРСИТЕТА
НА 1892 ГОДЪ.

Въ **Ученыхъ Запискахъ** помѣщаются

I. Въ отдѣлѣ наукъ: ученыя изслѣдованія профессоровъ и преподавателей; сообщенія и наблюденія; публичныя лекціи и рѣчи; отчеты по ученымъ командировкамъ и извлеченія изъ нихъ; научныя работы студентовъ, а также рекомендованные факультетами труды постороннихъ лицъ.

II. Въ отдѣлѣ критики и библіографіи: профессорскія рецензіи на магистерскія и докторскія диссертаціи, представляемыя въ Казанскій Университетъ, и на студентскія работы, представляемыя на соисканіе наградъ; критическія статьи о вновь появляющихся въ Россіи и за границей книгахъ и сочиненіяхъ по всѣмъ отраслямъ знанія; библіографическіе отзывы и замѣтки.

III. Университетская лѣтопись: извлеченія изъ протоколовъ засѣданій Совѣта, отчеты о диспутахъ, статьи, посвященныя обозрѣнію коллекцій и состоянію учебно-вспомогательныхъ учрежденій при Университетѣ, біографическіе очерки и некрологи профессоровъ и другихъ лицъ, состоявшихъ близко къ Казанскому Университету, обозрѣнія преподаванія, распредѣленія лекцій, актовый отчетъ и проч.

IV. Приложенія: университетскіе курсы профессоровъ и преподавателей; памятники историческіе и литературные съ научными комментаріями и памятники, имѣющіе научное значеніе и еще не обнародованные.

Ученыя Записки выходятъ періодически шесть разъ въ годъ книжками въ размѣрѣ не менѣе 15 листовъ, не считая извлеченій изъ протоколовъ и особыхъ приложеній.

Подписная цѣна въ годъ со всѣми приложеніями 6 руб., съ пересылкою 7 р. Отдѣльныя книжки можно получать въ редакціи по 1 руб. 50 к. Подписка принимается въ Правленіи Университета.

Редакторъ *Ѳ. Мищенко.*

Глуховъ, а зъ нею пошло коней 18 всѣхъ. До Григораша потрете писалемъ о прибиттю его сюда. Золотореви дано робить мосенджѣ 5 фунтовъ, бляхи и пряжки. Статутъ и мѣди фунт. 88 прислано зъ Глухова.

28. Фузѣю, взятую у склепу, слюсаръ вихондожилъ належите. Ездилемъ до пасѣки своей, где 3 пчоли весма худихъ видѣлемъ. Сторожѣ роменскіе въ Луку послани для взяття мужиковъ. Сакганенко скаранъ городискій за противность суду полковому. Отъ Дракгановского, о винайденнихъ его худобу (?) розбившихъ ворахъ, писмо. До ясневелможной писма, писанніе въ .... (?) послалемъ въ Глуховъ, зъ сторожемъ лохвицкимъ. До Ігната тогда жъ, о присилцѣ дробини, въ Глуховъ писано. До лукомского и чигириндубровского старшинъ отписано въ ихъ интерессахъ. Уманцева була и обѣдала и о презенту, дарма будто турбуючую, говорила. Старшина роменская дала доношеніе, что меду зборного нѣхто покупать не хочетъ.

29. Судились Громѣки зъ маткою и обвиненни стали, и на арматѣ осаженни.[1]) Укази 2: до Костантія Лисевича, да Григораша, принесени о походѣ въ крѣпость ст. Креста, черезъ постулникового человѣка, зъ Глухова, зъ вой. енер. канцеляр. Яновскій писаръ строфованъ за тое, что обвинулъ Левченка въ висилцѣ подводъ до Гадяча, для отвозу оттуду въ Ахтирку провіанта. Отписалемъ самъ до лубенского атамана о меду, жебы якъ можна продавать. До старости коровинского писалемъ о шкодѣ человѣка вовковского отъ стадника ихъ. До городиского сотника отписалемъ о Тимошенку, у которого онъ правитъ зол. сто. До Сухомозского о присилцѣ сюда коня. Войтъ принеслъ сунки (?) 2 золотарскіе, и кунтишовъ 3 зъ ярмолукомъ [1]) Мартинъ молодикъ ездилъ въ Куцупѣевщину и тамъ показалось коней 17, а одинъ гдесь забѣгъ, кромѣ сихъ чотирохъ, итого всѣхъ 22, опрочъ дрикгантовъ трохъ

---

[1]) Сыновья Василія Громѣки, бывшаго въ 1695 г. сотникомъ въ м. Смѣломъ, лубенскаго полка. Василій Громѣка былъ родственникъ Мазепы; едва ли не племянникъ его.

на Засуллю стоящихъ, и опрочъ 18 коней зъ панею въ Глуховъ пошовшихъ; итого всѣхъ 43, опрочъ криворудскихъ чтирохъ, да въ Хоролѣ двохъ, а всѣхъ 49, опрочъ двохъ бѣлихъ Орановского. Отпущенъ менший Громѣка въ Смѣлое для зискання сюди срѣбра, у матки своей ими заграбленного, а старший на поруку Івана Остапенка отпущенъ зъ армати тутъ, толко незездить.

30. Мужиковъ лучанскихъ за противность припроважено въ Роменъ. Голубъ, посланний зъ указомъ о висилцѣ козаковъ въ крѣпость ст. Креста, въ полкъ Полтавскій, бувъ у насъ. Слуга отъ п. Бурковской, зъ Сорочинецъ, пріехалъ зъ листомъ и чепчикомъ до моей панеи. Листъ отъ обозного получилемъ и цедули полковника своего миргородского о спаленню футора Криворудского родителскаго. Ездилемъ съ п. Василемъ Романовичемъ, на Засулле, зайцовъ травить. Зъ Хмѣлова Бондарусь писалъ листъ, же козаки сгурились и не попускаютъ нововписнихъ знову въ мужики по указу канцел. енер. Рано посланъ сторожъ лубенскій въ Лубнѣ зъ указами до Костантія и Григораша зъ войск. енер. канцеляр.

31. Неделя. Хоружій полковій нѣжинскій Левицкій, идучи зъ осталними козаками въ походъ низовій, бувъ у насъ, черезъ которого писалисмо до пана род. Отъ брата Андрѣя пріехалъ слуга зъ узваромъ, что Богъ даровалъ ему сина Іоанна, 26 сего мая. Зъ Тулиголовъ Лезовскій пріехалъ и привезено куховъ три оттуду жъ горѣлки, въ которихъ по реестрику Романа тулиголовского показалось носатокъ 28. Слуга п. Бурковской отправленъ назадъ зъ листами, моимъ до еи, а материнскимъ до самой полковниковой миргородской. Василій Дяченко отехалъ въ дорогу шлюнскую, которому далемъ реестрикъ покупить вещи мнѣ, именно: табаку картузовъ 7; фузѣю гладкую довгую и лѣкарствъ штукъ 4, да сегнѣтъ (печать) здѣлать. Лукьянъ Свѣчка пріехалъ зъ Роменъ до прапорщика по жалобѣ его на насъ.

Юнь. 1. Антонъ Мацонко, товаришъ значковій полку прилуцкого, пріехалъ зъ указомъ зъ вой. енер. канцелляріи о висилцѣ козаковъ въ походъ низовій 1100, козаковъ также, бѣжавшихъ отъ низового походу—343 и невийшовшихъ зъ домовъ—177, а всѣхъ

козаковъ зъ Малой Россіи—6500, опрочъ бѣжавшихъ и невійшовшихъ. Черезъ Шеверку Воротолякомъ поручного послани гроши въ Глуховъ до канцеляріи. Другого збору на церковъ кіевопечерскую. Черезъ его жъ писмо род. до ясневелможной послано. и до Селецкого о намѣреніи обозного хоролского писалемъ. Громѣки, за тое, что не все заграбленное отдали, посажени на арматѣ. Яковъ Дуброва повернулся зъ Конотопу и назадъ привезлъ облѣкгъ посиланній до Веліоватихъ,[1]) которіи ничего не приняли. До Григорія. комисара полкового, отписалемъ, жебы раціони інгерноландскимъ офѣцерамъ збирали и онъ би отвезлъ до Гавронецъ. Домъ полковника миргородского арештованъ прокуророиъ Михайломъ Семеновичомъ Хрущовимъ.

2. Петро Воротелякъ, прежде своей дороги, бувъ у мене, которому реестрикъ далемъ покупить мнѣ фарбъ нѣмецкихъ: блакитной, красной и блейвасу и дзикгарикъ ему жъ для направки далемъ. Черезъ его жъ писалемъ до Василя Дяченка, жебы въ аптецѣ купилъ speci: de cucupha (?). Особливо шкуръ лосиних чиненихъ 10 и книжокъ 5, и вина венкгерского штофовъ зъ десять. Указн о походѣ низовомъ послалемъ въ сотнѣ къ Пѣратину черезъ Рабуху, а къ Чигириндубровѣ черезъ Токаренка, а козаковъ определенно въ сотняхъ именно: зъ смѣловской 75, а лишнихъ, мѣючихъ зъ Царицина повернутись зъ конми и возами, 5 зъ Роменской 135, а лишнихъ 9, зъ глинской 80, а лиш. 6, зъ лохвиц. 135, а лиш. 9, зъ Сенецкой 90, а лиш. 6, зъ лубен. 165, а лишнихъ 11, зъ городиской 36, а лиш. 2, зъ чорнуской 90, а лишнихъ 6, зъ пѣратинской 135, а лишнихъ 9, зъ лукомской 145, а лишнихъ 8, зъ чигириндубровской 20, а лишнихъ 2, итого 1100, а лишнихъ 73. Указъ до старшинъ далемъ Антону Маценку, же онъ отправленъ понуждать старшину до походу. Романъ важилъ золотарскую мѣдь и воскъ, теди и мѣдь, и воскъ заважили по 7 фунтовъ. Квартермистръ бувъ Інгерноландского полку, присланной за раціонами, котораго отправилемъ, зсилаючись

[1]) Т. е. Костенецкихъ, которые въ народѣ звались Волёватыми.

на писмо до Григорія комиссара писанное. До прапорщика Волжина и Василя Романовича отвѣтовалемъ на листъ ихъ о Короваяхъ, о Горошинцяхъ. Громѣки отпущени зъ армати подъ кондиціею, жеби матку перепросили и все заграбленное ими возвратили ей. Орановскій писалъ о кадкахъ и рибѣ вялой, до которого тогда жъ отвѣтствовалемъ, а о рибѣ вялой писалемъ до Михайла ревизора бывшого. Старшина роменская доношеніе дали, что нѣхто не покупаетъ меду на пудъ, але развѣ на ведерка. Роману молодикови далемъ наказъ въ 15 пунктахъ. Виехалемъ зъ Ромна въ Глуховъ и ночовалемъ, переѣхавши Борзенку.[1]) Коней зъ мною пойшло въ дорогу 15, а осталось. Сторожъ лохвицкій, повернувшись зъ Глухова, стрѣлъ мене на дорозѣ и подалъ отъ панеи писмо, въ якомъ выражаетъ, что доношеніе отъ насъ въ коллекгію посланное, не принято, потому же зайшолъ якобы указъ, жебы не доношенія, але чолобитніе были подавани во всякихъ жалобливихъ справахъ.

3. Зъ ночлѣгу вставши, видѣлемъ пріѣхавшихъ ко мнѣ черцовъ хмѣлевскихъ, а я отехавши оттуду, пріехалемъ на обѣдъ въ Смѣлое. Зъ Смѣлого виехавши, стрѣтилемся зъ говтвянскимъ сотникомъ. Ночлѣгъ имѣлемъ у Грузкой, где сторожъ говтвянскій, ехавшій до Глухова, явился. Въ Смѣломъ еще писалемъ черезъ Бондаруся до Григорія Манжоса, жеби Антону Маценкови бувъ въ товарищахъ, и въ сотнѣ би поехалъ вигонять козаковъ, о чомъ и до п. Билима и до его, Маценка, писалемъ. До старшини роменской писалемъ, жебы турму новую зробыли.

4. Поехавши отъ ночлѣгу полюючи, приехалемъ на обѣдъ къ перевозу, откуду отправилемъ лохвицкого сторожа зъ указами до п. п. старшини, жебы въ походъ низовій означенное число товариства висилали зъ домовъ заразъ, которое би стягалось на Сухомъ Артополотѣ, близъ села Коноваловъ; а жебы укази тіе во всѣ сотнѣ дойшли, писалемъ до п. Билима и старшини лохвицкой. Перевюзшись черезъ Сеймъ, увидѣлемъ почтара, поехавшаго въ Роменъ и далѣ, зъ указомъ до Григораша Шаргородского о вигонѣ козаковъ.

---

[1]) Урочище по дорогѣ между Ромномъ и Хмѣловомъ.

Пріехалемъ позно въ Тулиголови, где засталемъ въ имбарѣ горѣлки: куховъ 4 великихъ, и двѣ бочки, а третая, неповная, на росходъ. Извѣсно мнѣ стало зъ словъ Романа старости, что у футорѣ Тулигол. обрѣтается воловъ рабочихъ 8, а коней 16.

5. Рано въ Тулиголовахъ ходилемъ до далного Бутурлимовского млина, где ступникъ казалемъ робыти и уговорити о другомъ мѣрочника велѣлемъ. Жида, шинкара тулиголовского, перемѣнилемъ и вмѣсто его Данила Вуциного, мужика, устроилемъ, а напитокъ замѣривши, здать казалемъ Лозовскому. Поехавши оттуду къ футору Калюжновскому, недоиждждаючи, на шляху увидѣлемся зъ Милорадовичемъ, пол. гадяцкимъ, повернувшимся зъ Москви. Розехавшись зъ нимъ, былемъ у млина Калюжновского, а оттоль пріехалемъ у футоръ, где по словамъ дворника показалось воловъ рабочихъ 19, коней старихъ 6, а вновъ пригнанныхъ 3, итого—9, коровъ 11, еще 1 коникъ гнѣден. приблудній, всѣхъ 10, третяковъ 5, телятъ тогорочныхъ 8, лошатъ съ кобилами 2, овецъ 43, козъ и козенятъ 11; по словахъ же того жъ дворника показалось, что посѣяно на полю калюжновскомъ овса четверт. 8, пшеницѣ чет. 2, проса 4 мѣрки, гречки четвер. 3.

6. Пообѣдавши у футорѣ, поехалемъ до Сваркова, где оглядѣвши саду, приказалемъ Микитѣ Плетюнцѣ, жебы онъ харчъ видавалъ садовнику и протчіимъ работникомъ. Поехавши оттоль, на дорозѣ зайця поймалемъ и пріехалемъ у вечеру въ Глуховъ, где арестанти[1]) вмѣсто процессѣи стрѣтоша мя, при антесиgнану своемъ п. Тарновскомъ.

7. У ключника Клима отобралемъ грошей 335 зол. На службѣ Божой былемъ у Михайла, а по службѣ зъ Кошеліовимъ, полковникомъ, были у сотника Мануйловича и тамъ випивши по двѣ чарки, отийшлисмы всѣ. Зъ тихъ же грошей Василеви, ключникови бывшому, далемъ грошей зол. 100 на купленне жита и другихъ потребъ, а господарь Остапецъ, упивавшійся, незнать где дѣлся. Поехалемъ въ городъ до Кошеліова и у Сухарева бывши,

---

¹) Говорится объ арестованной по дѣлу Полуботка старшинѣ.

игралемъ въ карти. Приходили п. п. Чарнолузкій, Пироцкій, Богаевскій, Бѣличъ и проч.

8. Зъ Лаврѣномъ мѣрочникомъ торгъ учинилемъ за зробленне Калюжновского млина: дать ему зол. сто, носатка горѣлки и сукна на кунтушъ. Романъ, староста тулиголовскій, бывши тутъ купилъ гречки на насѣнне и про камень одинъ, лежачій близъ млиновъ германскихъ нашъ извѣстившись, сказалъ. Получилемъ зъ Ромна указовъ канцелярийскихъ два: 1, о присилцѣ комиссаровъ полковихъ новихъ, 2, о висилцѣ козаковъ въ походъ. П. сотникъ лохвицкій писалъ, требуючи денегъ на товариство въ дорогу. Криштопенко, наказній сотникъ, подалъ чолобитную правителямъ, чтобъ въ походъ низовій ему не ити и о томъ зо мною уговорувался. Я подалъ доношеній двѣ въ канцеллярію: 1, о козакахъ хоружовскихъ, якъ би ихъ вислать, а 2, о ему Криштопенку, чтобъ онъ до своей команди ехалъ. Романови тулиголовскому далемъ грошей на расходи зол. 25. Плетюнцѣ войтови казалемъ дать грошей майстру Андрѣю рублей 6, а тютюннику рублей 5; а въ его гроши таковіе; за конѣ зол. 70, за горѣлку носатками виданную зол. пол. 70, итого 135 зол., опрочъ тихъ грошей, якіе доводятся за кухву, имъ теперъ шинкуючуюся. До зборщиковъ роменскихъ о видачѣ меду писалемъ роменской старшинѣ. До Билима писалемъ, о указѣ отъ его опублѣкованномъ, похваляючи его. До роменской старшини писалемъ о козакахъ мѣрними (?) ставшихъ, чтобъ ихъ въ походъ висилать, и до лохвицкого отписалемъ о грошахъ, требуючи виразнѣйшой резолюціи. Отъ Демяна получилемъ, что за горѣлку 5 зол. зълишкомъ взялъ. Отъ Гаврила о вовнѣ, въ Астраханѣ продаючойся добре. Меду зъ полтори куфи, доброго, розсичоного и играного, въ ліодовню зъ хати винесли.

9. Вчора былемъ у полковника Кошелева и зъ нимъ въ коллекгіи, где Кошелевъ предлагалъ о виижджихъ, будто помѣшателство чинячихъ въ зборахъ и наклади беручихъ; знову о доправкѣ грошей 20 р. у сотнички сенецкой предлагано. Былемъ у п. сотника глуховского и тамъ по нѣсколько чарокъ горѣлки випивши, отехалемъ домой. Грицка Петренка, лучанского козака, за досаж-

деніе вдарилемъ. У п. Гречаного былемъ, а оттоль у Кошелева; Тарасу, молодикови, здани, на руки конѣ, ронди, шори, вози и оружже, и устроенъ подконюшимъ, о чомъ реестрикъ, составленній, данъ ему.

10. Шеверда отправленъ въ Роменъ, а черезъ его писано: 1, указъ до старшинъ объ учрежденіи сотника лохвицкого наказнимъ полковникомъ въ походъ; 2, до его жъ сотника лох. о томъ же; 3, до Билима о доправкѣ грошей 20 р. на сенецкой сотничцѣ, о чомъ и інструкцѣя приложенна; 4, до роменской старшини о продажѣ меду зборного вѣдеркою и о заброненіи другій медъ продавать до збуття сего; 5, до атамана роменского о доношеніи зборщицкомъ о виижджихъ; 6, до Дракганевского и Сухомузкого о рѣчахъ, заграбленнихъ его ворами; 7, до Романа, молодика, о зисканню гончара лубенского знову въ Роменъ, и о шорахъ и о козлинахъ; 8, о принужденіи Криштопенка въ походъ; 9, до Леонтія, о кадкахъ винничнихъ, жебы 3 въ Шабалиновѣ достать и прислать въ Роменъ; 10, до родителки о листѣ ясневел. и о приездѣ въ Роменъ еи зъ Сумъ. Доношеніе въ коллекгію Малой Россіи о томъ, что послалемъ указъ доправить на сотничцѣ сенецкой 20 р., поданно отъ мене. Романъ умовилъ тулиголовскій мѣрочника зробити ступникъ за 35 зол. четверикъ жита, полчетверика гречки, полпуда сала, перепустъ горѣлки. Ему жъ задатку далисмо грошей зол. 5. Василь и далъ. Артѣлній приходилъ. Былемъ у п. Гречаного и Кошелева.

11. Михайло Старій тулиголовскій приходилъ зъ супплѣкою, просячи будто недоданихъ грошей ему за тулиголовскій млинъ и проч. 300 зол. Отъ п. Федора Марковича писмо о курѣнчикахъ его, на якое до его отписалемъ и до пѣратинского атамана. Такожде до атамана роменского о калиновскихъ стрѣлцяхъ.

12. Раховалы реестра Остапа и Клима ключника; на Остапу доводячихся показалось грошей 220 зол., жита четвериковъ 8 и четверть 1, овса 4 четверики безъ четверти и солоду на цѣлій варъ и 3 четверти ячменю; а на ключнику явилось 43 зол. доводячихся. Былемъ въ коллекгіи и тамъ отвѣтъ учинилемъ въ

требованномъ свѣдителствѣ въ справѣ князя Четвертенского. Далемъ Василеви грошей на купленне жита и на другіе потреби 150 зол. Далемъ въ судъ енер. свѣдителство протопопенку пѣратинскому въ справѣ его зъ Омеляномъ Таволгою, повстинскимъ, жителемъ. Савѣцкій писаръ пріехалъ въ Глуховъ. Слуга ясневелможной зъ Москви пріехалъ.

13. Ездилемъ въ винницю красногорскую, где по словамъ свинара показалось опоросившихся свиней 4, а поросятъ 24, порожнихъ зась 15, въ сажу 3 кабаны, а четвертій Островского Оттуду поехавши, заехалемъ до п. Федора и зъ нимъ видѣлемся. Зъ Овдоколля, отъ старости тамошнего, привезено дощокъ липовихъ 40 и барило олѣи. Зъ вой. енер. канцелляріи принесени указы 2: 1, о висилцѣ утекшихъ зъ прошлолѣтного походу козаковъ; 2, о висилцѣ скорой настоящого числа. При томъ листъ отъ правителей о висилцѣ Максимовича чорнуского сотника въ походъ низовій. Ездилемъ до склепу и вина осмотрувалемъ зъ п. Андрѣемъ, швакгромъ, и Стаховичомъ. Ключникови реестровъ 12 далемъ, бувшому Василеви Новѣцкому.

14. Неделя. У Кошелева на банкетѣ былемъ. Федко Бѣлополовскій зъ ключникомъ Климомъ пересипали зъ двохъ анталовъ вино у одинъ, итого теперъ вина 3 антали и 2 бочки. Указовъ 2 составили въ полкъ: 1, открито, о виходѣ въ походъ низовій, 2, листомъ о висилцѣ утѣкачовъ.

15. Черезъ засулского козака Семена Безпалчого отправлени тіе висшеписанніе подъ нумеромъ 14 числа указы до Билима, жеби онъ двома нарочними козаками отослалъ въ сотнѣ. Федко зъ Карпомъ и Федоромъ Бѣлополовскимъ поехали изслѣдовать о кгрунтахъ нашихъ, тутъ по близу вездѣ будучихъ, въ Ясмань, Чортории, Баничи, Землянку, Тулиголови и Бистрикъ. У засеймскихъ московскихъ людей, безъ битности Василя молодика, отехавшого зъ Федкомъ и прочіими, за розискомъ о кгрунтахъ, купилемъ жита четвериковъ 8, полъ четверика и полъ четверти, а особливе жита у ихъ же припахаючого купилемъ четвериковъ два; а тое першое жито куплено по 9 зол. четверикъ, сіе зась два четверики по 3

копи, и того всѣхъ грошей заплатилемъ 92 зол. и 6 шаг., якіе гроши я отъ себе далемъ. Савѣцкій писаръ приходилъ ко мнѣ зъ Худолѣемъ, такъ же и Троцкій. Указъ получилемъ зъ канцелляр. о подводахъ до Гадяча, для отвозу провіянта въ Ахтирку, ради ландмилиціи. Войту Плетюнцѣ далемъ кадѣлницю срѣбную до церкви сварковской и книжокъ 2, молитовниковъ.

16. Панѣ Яковиная поехала въ Нѣжинъ. Рано былемъ у коллекгіи и тамъ доношеніе далемъ о меду зборномъ, что пудами нихто покупать не хочетъ, а вѣдерку настоящая цѣна 8 зол. и полъ 8, которое важитъ меду 74 фунта, а патока 77 фунтовъ. Промеморія зъ коллекгіи отправлена въ канцелярію о томъ, что архимандритъ новгородскій подалъ чолобитную въ коллекгію о греблѣ Удайской и о перевозѣ близъ Шабалинова будучомъ. Кодинецъ старій бувъ у мене и супилѣку подалъ о Строкачахъ и о пропалихъ его волахъ, будто отъ футорнихъ моихъ. У ключника взялемъ грошей зол. 100. Надсулній горошинскій зъ супилѣкою до правителей на мене явился. Зъ Дорофѣевичомъ о полѣ его розговорувалемъ у п. Левенца.

17. Черезъ сторожа сенецкого посланни укази въ сотнѣ: 1, о виходѣ въ походъ низовій, 2, до старшинъ роменской, лохвицкой и лубенской, о торгованню инострантнихъ купцовъ товарами, гуртомъ или на роздробъ, по якому опредѣленію? 3, о висилцѣ подводъ въ Гадячъ подъ провіянтъ, для отвозу оного въ Ахтирку. Писалемъ до роменской старшини, черезъ того жъ сторожа, о присланню сюда ляха Яна Мутяшевского за крѣпкимъ карауломъ. До п. Билима и до Маценка о висилцѣ козаковъ-писалемъ. До Романа молодика о присилцѣ риби вялой, 1000, купленной, тамъ въ Ромнѣ будучой. Въ войсковую енер. канцеллярію доношенія послалемъ: 1, зъ пашпортомъ самимъ ляха Мутяшевского, въ сѣчѣ ему даннимъ, 2, отвѣтъ о виходѣ козаковъ въ низъ; 3, о Петренку лучанскомъ, ускаржаючомся на мене за побой; 4, о подводахъ въ Гадячъ, мѣвшихъ вислатись; 5, листъ за старостихою мутинскою до правителей; 6, о заводѣ хорольскомъ зъ жалобою на обозного миргородского. Былемъ въ коллекгіи и доношеніе о томъ, что денги

взять у сотники сенъчанской посталемъ указъ 20 р., подалемъ. Былемъ у п. Левенца, где и Надсулній явился. До Левенца коляску на двохъ пасахъ, въ позику. черезъ Тараса, послалемъ. Бувъ Максимъ, секретарь, у мене. Швакграмъ по штофу дано. Николай злотникъ приходилъ и приносилъ до шаблѣ едной штучки срѣбраніе.

18. Черезъ Селецкого доношеній двѣ писалемъ въ войсковую канцеллярію: 1, о томъ, что економъ печерскій, пріехавши въ Смѣлое, остановку козакамъ въ виходѣ зъ домовъ ихъ въ походъ учинилъ, розискомъ чинячимся о землѣ ихъ; 2, о Надсулного чолобитной, что оная попливая есть. Ездилемъ въ Сварковъ, где еренджерѣ (sic) дѣлать казалемъ. Оттоль въ футоръ Калюжновскій, где солодовникъ Степанъ о полѣ своемъ на 500 копъ будто мѣючомся, говорилъ, же оное за 230 зол. отбираетъ кредиторъ. Получилемъ указъ зъ канцелляріи, зъ копѣю сенатскою указа, въ якомъ предложено новіе монаршіе указы, якіе належатъ къ опредѣленію вѣчному, тѣ печатать и отдавать, а которіе къ рекглянтамъ, тѣ къ рекгляментамъ. Воску по первой рахубѣ, въ пріемѣ лишнего надъ давній, показалось 3 круги, а всѣхъ круговъ 25, между которими одинъ малій, а два маленкихъ. Зварили меду 2 бочки неповнихъ.

19. Николаю злотнику заплатилемъ за шаблѣ 10 зол., а еще приходится 40 зол. Федоръ Івановичъ Протасіевъ пріехалъ зъ Москви въ Глуховъ. Дядко зъ Ромна, а сорожъ лохвицкій отъ сотника лохвицкого, зъ писмами, пріехали. Савѣцкій писарь г. Протасіеву объ отдаленіи себе отъ правленія скаржился (зачеркнуто). Позичилемъ п. сотнику глуховскому спалнѣ своей, зъ Протасіевимъ поехавшому. Въ красногорской винницѣ приказалемъ нѣчого горѣлки не робыть.

20. Приступилъ (?) Федко зъ протчіими повернулись зъ дѣла розискного о кгрунтахъ. Михайло Надсулній приходилъ и при Бяловскомъ и прочіихъ, уступилъ претенсѣи за побытте надъ нимъ бывшое. Ездилемъ до Кошелева и простился. П. Федоръ Савичъ зъ Столповскимъ були.

21. Неделя. Надсулній Михайло, мужикъ горошинскій, до помѣркованя зо мною прійшолъ, которому далемъ грошей зол. 30

и полъ 2 носатки горѣлки. Подѣ, за давній долгъ винній, заплатилемъ рубля. Прокуроръ Михайло Семеновичъ Хрущовъ повернулся зъ Сорочинецъ. Федко зъ Василемъ и прочіими оглядали бору, за Березою будучого, и тамъ, рубавшихъ дерево, уловили человѣка 4 зъ коньми и сюда въ Глуховъ припровадили. Прокуроръ и Кошелевъ були у мене не вечоринцѣ. Получилемъ зъ Ромна писма, отъ Билима и Маценка, о виходѣ козаковъ на Артополоть. Отъ Петровского также зъ скаргою и доношеніемъ на чернуского сотника. Вѣсть прійшла, же Калнѣцкій умеръ Афанасій.

22. У ключника Клима взялемъ грошей рублей 20. Пуховиченку Івану долгу давнего заплатилемъ рублей 6, а 10 виноватъ. Зъ Іваномъ, Гетманенкомъ прозиваемимъ, мужикомъ села Гримячки, уловленнимъ въ пущѣ нашей и припроваженнимъ въ Глуховъ, зъ 4 коньми, уговоръ стался: далъ онъ карту за подписомъ руки Худолѣевой, же мѣетъ зъ прочіими шкодцами всю шкоду въ томъ лѣсѣ нагорожати. Доношеній 3 въ канцеллярію послалемъ: 1, о виходѣ козаковъ зъ домовъ на степъ артополотскій и оттоль до барабашевого байраку, въ походъ низовій; 2, о полученіи указу о печатованіи указовъ во вѣчне надлежащихъ опредѣленіе, а которіе къ регляментамъ, тѣ къ регляментамъ; 3, о ляху Яну Мутяшевскомъ, которого въ Глуховъ припроважено; тамъ же и о подводахъ, бывшихъ въ Гадячомъ и отвезшихъ въ Ахтирку провіянтъ. Черезъ сторожа лохвицкого писалемъ: 1, до сотника наказ. смѣлянского и листъ правителскій, приложенній, послалемъ о непритяганіи къ розиску козаковъ, въ походъ наряженнихъ; 2, до Билима, о ляху, якій привезенъ потимъ въ Глуховъ зосталъ; 3, до сотника лохвицкого зъ отвѣтомъ о требуемихъ имъ грошахъ товариству; особливе, о утекшихъ и укрившихся отъ походу, жеби съ ихъ имѣнія инших посилать; 4, о грошахъ же и до Григорія комисара, жеби видалъ, якъ належитъ. Куховъ 8 вимѣрили носатками и квартами и число носатокъ, такъ же и квартъ виписавши на паперахъ, оніе къ куфамъ приклеили. Остапа, бывшого господара, отправилемъ отъ себе. Шапочникови шапку далемъ шить зъ чорного оксамиту и сѣрихъ баранковъ двохъ. Виехалемъ зъ

Глухова въ Роменъ, а опроважали мене швакгрѣ и Стаховичъ. Заездилемъ въ Сварковъ. На ночъ въ футоръ Калюжновскій. Висшереченного Гетманенка мужика, по отданню отъ его мнѣ карти, отпустилемъ въ домъ его зъ конемъ еднимъ, а до учинення отъ ихъ нагороди удержалемъ у себе коней ихъ же 3.

23. Въ футорѣ Калюжновскомъ рано торгъ учинился зъ каменщикомъ нѣмцемъ: здѣлать ему каминковъ два, а коменовъ простихъ 3; за тое дать ему денегъ 8 рублей, полъ четверика жита, полчетверти пшеничного борошна, гороху мѣрокъ 2, пшона 2 и крупъ гречанихъ 2, полпуда сала и такъ же соли, барановъ 2, 5 курей, 3 гусей, 4 утятъ, 60 квартъ горѣлки, 5 квартъ оковитои, барило пива, а матерялу 3500 цегли и 12 бочокъ вапни. Ниви солодовниковой, заставленной, осмотрували. У пасѣцѣ уздицкой бувши, видѣлемъ пчоли 162 своей, а рой 1 толко. Оттуду писалемъ до Кошелева и до п. Андрѣя о куплѣ крастьянина. До п. Андрѣя приложилемъ 5 пунктовъ господареви Василю, а 4 войту сварк. Наніч пріехалемъ въ пустинку Мутинскую.

24. Черезъ сторожа лукомского писалемъ до бурмистровъ путивльскихъ, заохочуючи ихъ куповати въ Ромнѣ медъ зборній. Виехалемъ зъ пустинки Мутинской по обѣдѣ и переѣхавши черезъ Сеймъ, пріехалемъ на ночъ на Кросна.

25. Рано оттоль поехавши, стрѣтилемъ Леонтія Янковского, Сухомузкого и Василя писаря, поехавшихъ въ Глуховъ зъ солдатомъ, взглядомъ ярмарковъ, въ которихъ бивали они виижджими. Пріехалемъ на обѣдъ въ Смѣлое, где указъ послалемъ до Бондауся, Остапа, Степана, Анцибура, козака смѣловского, въ колодки забивши провадить до табору. Пріехалемъ на ночъ въ Роменъ.

26. Родителка до Бубновъ поехала. Зборщики моего шинкара за друкъ посадили. Карпа, Романа и Тараса послалемъ въ Куцупѣевщину конѣ переписать.

27. Прапорщикъ обѣдалъ у мене зъ судіевичемъ Василемъ. Указъ о меду послалемъ лубенскимъ сторожемъ во всѣ сотнѣ и о козакахъ—лохвицкимъ сторожемъ.

28. Недѣля. Доношеніе въ коллекгію о віижджихъ и писмо до Кошелева, швакгра п. Андрѣя и своей жени послалемъ черезъ сторожа Коваля. Маценко Антонъ пріехалъ зъ Яновскимъ и донесли, что 26 юня зъ Сухого Артополоту полкъ рушилъ въ походъ.

29. Петра и Павла. Праздновали до шуму. Орановскій прислалъ зъ Сухоносовки 2 фаски масла и вовни ярочой рунъ 120, а на тую жъ подводу послали туда 2 мѣри соли и 450 риби вялой. Брати зъ Кіева пріехали.

30. Доношеній 2 послалемъ въ вой. канцеллярію: 1, черезъ Соколничого о писмахъ ляха Яна Мутяшевского, а 2, черезъ Маценка, о вишедшихъ козакахъ и рушившихъ въ походъ зъ Сухого Артополоту 26 юня. Зъ Глухова отъ моей сожителници писмо принесено, въ якомъ обявляетъ о 16 рубляхъ, взятихъ у подданнихъ черничихъ, за шкоду въ бору починенную; также и о меду 16 вѣдеркахъ прѣсномъ, присланномъ туда. Соколничій, зъ Лескомъ сторожемъ, посланъ въ Глуховъ, а черезъ нихъ писано до Кошелева, Левенца, Артѣлного, которому и коня послано жъ и до моей..... (?) Указъ зъ войсковой канцелляріи принесенъ о запрѣщеніи всѣмъ дѣлать въ отиздѣ своемъ въ полскіе сторони, смалъцуги. До комиссара Вишневского писалемъ, информуючи его, якъ поступить у Гавронцяхъ, и полѣцаючи инструкцѣю, данную Григорію, отобрати.

Юль. 1. Іванъ Ющенко отправленъ къ сотнику лохвицкому, зъ листомъ и інструкцѣею объ изслѣдованіи козаковъ настоящого числа, также 73, мѣючихъ отъ Царицина повернутись и утѣкачовъ. Ігуменія Флоровская, гостивши здесь, отехала.

Капитанъ Бранчинъ, отправленній зъ Глухова въ Сорочинцѣ, заехалъ въ Роменъ и билъ у мене. П. Романовичу конь данъ. Зъ куховъ горѣлки моей трохъ, 4 меншихъ Романъ учинилъ. Сторожъ сенецкій пріехалъ зъ отвѣтами отъ всѣхъ старшинъ о подводахъ, отпроводившихъ въ Ахтирку провіянтъ и о висланнихъ въ походъ козакахъ. Сторожъ лохвицкій отъ сотника лохвицкого пріехалъ зъ писмомъ о недосталнихъ.

2. Сенецкій сторожъ, посиланній зъ указами въ сотнѣ, о висилцѣ козаковъ на низъ и о висланню подводъ въ Ахтирку, повернулся зъ отвѣтами, въ якихъ исполненіе обоихъ интерессовъ виражено *(зачеркнуто)*. Дроздъ чорнусскій, сотникъ наказний, бувъ у мене и отехалъ; бувъ зъ писмомъ сотника чорнусского, рекомендуючимъ его. Ездилемъ въ пасѣку свою, на Плавинище, где всѣхъ пчолъ показалось 28, а протчіе пропали, и роевъ 8. Принесенъ указъ въ вой. енер. канцелл. о недѣланіи смалъцуги здешними обивателми, отездомъ ихъ въ полскихъ краяхъ. Указъ послалемъ въ сотнѣ о звезенню дерева на имбари для зборного хлѣба. Ясневелможная зъ Петромъ Петровичомъ (Толстымъ) пріѣхали въ Глуховъ.

3. Указовъ 2 послалемъ въ сотнѣ: 1) о недѣланіи смалъцуги etc., противъ висшереченного; 2) о недочотѣ козаковъ до указного числа, котрий зъ вѣденія сотника лохвицкого присланного ко мнѣ, показался. Писма въ Глуховъ черезъ ямщика послани и барилце свѣжихъ огурковъ, а писма въ коллекгію объ опредѣленнихъ бревнахъ на имбари для зсипання хлѣба; 3) доношеніе Волжиново о справѣ Лукяна Свѣчки; 4) доношенія въ вой. канцел. о полученнихъ указахъ, прежде и о семъ, что о смалцузѣ; 5) о томъ въ оную жъ канц., же жиди и протчіе купци по давнему поведенію, гуртомъ и на роздробъ торгуютъ; 6) листъ до правителей, о грошахъ посланнихъ 200 зол., отъ людей лучанскихъ; 7) о томъ же до Бяловского; 8) до правителей, листъ отвѣтній о вѣденіи грошей на церковъ печерскую окладнихъ; 9 и 10) до ясневелможной писемъ двѣ. Намѣстникъ повернулся зъ Сенчи, куда за 20 р. до сотнички ездилъ и обявилъ, что противна указу учинилися и на писмѣ далъ. Сіе устроивши, поехалемъ полюючи, до Кучупѣевщини, и тамъ на ночлѣгъ пріѣхалемъ, и тамъ ночовалемъ.

4. Зъ Кучупѣевщини на обѣдъ пріѣхалемъ въ Роменъ. Писма 2 правителскіе дани: 1) о присланню коней ляха Яна Мутяшевского, 2) о протестѣ писара Савѣцкого, жеби селъ у него не отнимать и до его не интерессоватись. Сторожъ Коваль зъ Глухова повернулся.

5. Неделя. Послалемъ указъ до лукомлъского сотника о виданню коней ляховихъ посланному, а до лохвицкого, чтобъ суди ярмарковіе отправилъ и чтобъ отослалъ комисара въ Нѣжинъ, до Каратаева; Котлубаеви указъ далъ ехать въ Сенчу и привезти сюда сотниченка и Лукянця. Ему жъ данъ указъ наложачій. . . . . (?) на сотничество наказное. До Адама писали о продажѣ тютюну, хочай на базарѣ торгуючи, а если покупу не будетъ, то зложить где, а самому за масло и горѣлку покупивши полѣценніе рѣчи, вернутись.

6. Отъ лубенского атамана получилемъ отвѣтъ, что все товариство по указу въ нинѣшній походъ виправлено. Супплѣка до архиерея о отцу Іоанну. . . . . (?). Козакъ зъ Глухова пріехалъ зъ писмами п. Скоропадского и моей панеи etc.

7. Коваль посланъ въ Глуховъ зъ писмами до панеи и Янковского. Зборщикъ Алексѣй и Павелъ Прядка дали писма на себе, что нѣчого не говорили противного до мене касаючогося. Занковскій зъ указомъ до Стефана лубенского отправленъ о заплатѣ людямъ за четверти. Вишневскій, комисаръ полковій, повернувшись зъ Гавронецъ, показовалъ квѣтанціи офѣцеровъ полку Інгермоландского о взятихъ денгахъ у его за раціони, якіе во время каналной роботѣ доводились по указу коллегіи Малой Россіи.

8. Янковского и ямщиковъ, по жалобѣ баби Устѣ, судили и показался виноватъ висше всѣхъ Петруша ямщикъ. Василецъ хлопецъ и Залюбовскій пріехали отъ пана род. з . . . . (?) Архиерея кіевского архиепископа Варлаана Ванатовича стрѣтилемъ, которій не похотѣвши близъ города стати, близъ Гарасимовки сталъ. Кухву горѣлки взялъ засулскій человѣкъ за 80 зол., а покуховного половину то есть 5 зол. намъ, а 5 ему заплатить. Іванъ Юшенко повернувся отъ табору зъ писмами и зъ реестромъ козаковъ всѣхъ.

9. Сторожъ лубенскій пріехалъ зъ писмомъ и двема инквизиціями и зъ реестромъ, виправленнихъ на низъ козаковъ отъ сотника лубенского. Романъ поехалъ въ Лохвицю, Сухоносовку и Лубнѣ, и взялъ кухву горѣлки зъ собою въ Сухоносовку и 9 трубъ до казановъ направить. Отъ Занковского получилемъ писмо, въ которомъ за подписаніемъ своей и Михайла, бывшого ревизора, рукъ,

обявляетъ, что надзиратель говорили себе о мнѣ нѣчого не слишавшаго въ противности. Сторожъ лубенскій зъ указомъ въ сотнѣ ром., смѣл., глин., лохв., чор. и лубен., о присилцѣ оттуду реестровъ обстоятелнихъ, виражаючихъ особливо настоящое число товариства въ низъ висланного, особливе мѣючихъ отъ Царицина повернутись, особливе утѣкачовъ. Въ томъ же указѣ и о висилцѣ на вздогонъ осталнихъ и несущихъ до указного числа. Попи роменскіе составили чолобитную до архиерея о протопопіи . . . . . . (?) Ездилемъ до архиерея и самого не видѣвши, зъ консисторийстами просидѣлемъ. Указъ зъ коллекгіи принесенъ, если хто схочетъ вибирать денги зъ циганъ, 200 р. зъ наддачею, тотъ би явился въ коллекгіи зъ прійдучого 1725 году.

10. Сотникови наказному роменскому далемъ указ. 2, чтобъ онъ послалъ въ сотнѣ нарочнимъ кимъ: 1, о присланню реестровъ зъ сотенъ нѣкоторихъ о козакахъ, въ низовій походъ коммендерованнихъ; 2, указъ объ откупѣ атаманства циганского, якое теперъ Михайло глуховскій держитъ. Въ Глуховъ послалемъ доношеніе о сборщикахъ, обидившихъ людей. Отвѣтъ послалемъ до правителей о Савѣцкомъ. Лукянця, бывшого зборщика сенецкого, припроваженного въ Роменъ, за противность указови объ отдачѣ денегъ отъ сотниковой сенецкой 20 р. показанную, по прошенію прапорщика Волжина и Нелидова, отпустилемъ. Коваль сторожъ зъ Глухова повернулся зъ писмами отъ паней моей и п. Скоропадского. Поехалемъ въ Куцупѣевщину и оттуду позно въ Андрѣевку, хотячи на другой день бить въ Андріяшовцѣ у господина генерала Девейзбаха, которій о полуднѣ отехалъ въ полкъ прилуцкій.

11. Въ Андрѣевцѣ обѣдалемъ. До енерала писалемъ и писмо родителское послалемъ черезъ Важниченка. Тамъ же бувъ Кулиній, которій мѣлъ завести—поки онъ продалъ своего степу родителеви, где стали Андрѣяшовцѣ косить теперъ, у которихъ и коси побрати. Для того розезду пріехали Василь Дяченко, Василь сотникъ наказ. глинскій и атаманъ роменскій Василь Ѳѣня. Але приказчикъ Андрѣяшовскій не пріехалъ, и такъ нѣчого нездѣлавши отехали. Тогда жъ и перекоповчане були. Я оттуду отехавши, приехалемъ къ ар-

Въ редакціи КІЕВСКОЙ СТАРИНЫ продаются:

Монографіи по исторіи Западной и Юго-Западной Россіи. В. Б. Антоновича. Т. I. Кіевъ, 1885. Ц. 2 р.

П. И. Житецкій. Очеркъ литературной исторіи малорусскаго нарѣчія въ XVII и XVIII в., съ приложеніемъ словаря книжной малорусской рѣчи по рукописи XVII вѣка. Часть 1. Кіевъ 1889. Цѣна 2 руб. съ пересылкою.

О. И. Левицкаго. Социніанство въ Польшѣ и Югозап. Руси въ XVI—XVII вѣкахъ, съ пересылк. ц. 60 к.

— Анна-Алоиза, княжна Острожская, съ перес. 45 к.

— Внутреннее состояніе западно-русской церкви въ польско-литовскомъ государствѣ въ концѣ XVI в. и унія, съ перес. 80 к.

— Ганна Монтовтъ, историко-бытовой очеркъ изъ жизни волынскаго дворянства въ XVI вѣкѣ, съ перес. 55 к.

Н. Бѣляшевскій, Монетные клады кіевской губ. К. 1889. Ц. 1 р. 25 коп., съ пересылк. 1 р. 50 коп.

В. П. Науменко. Обзоръ фонетич. особенностей малорусской рѣчи. К. 1889. Ц. 60 коп.

Мотыжинскій Архивъ. Акты переяславскаго полка XVII—XVIII в. Изд. Савицкихъ. Кіевъ. 1890. 8° 223 + XVIII стр. Цѣна 1 р. 50 коп.

М. Грушевскій. Южнорусскіе господарскіе замки въ пол. XVI в. Кіевъ. 1890. Ц. 25 к.

Я. Шульгинъ. Очеркъ коліивщины. К. 1890. 8° 209 стр. Цѣна 1 р. съ пер. 1 р. 25 к.

Въ Историческомъ Обществѣ Нестора Лѣтописца могутъ быть пріобрѣтаемы:

Чтенія въ Историческомъ Обществѣ Нестора Лѣтописца. Кн. 1 1873—1877. Цѣна 2 руб. 2 кн. 2 руб. 25 к. За пересылку прилагается 25 к. Кн. 3, цѣна 1 руб. съ пересылкою 1 руб. 20 коп. Книга 4, цѣна 2 р. 50 к., съ пер. 2 р. 75 к. Кн. 5-я Ц. 2 р. 50 к., съ перес. 2 р. 75 к.

Труды III-го Археологическаго Съѣзда. 2 тома in 4° и атласъ. Кн. 1878. Цѣна 10 руб. (вмѣсто 25 руб.), съ пересылкою 11 руб.

Съ требованіями обращаться въ Историческое Общество Нестора Лѣтописца въ Университетъ Св. Владиміра или въ ред. „Кіев. Стар.“.

„Кіевская Старина“ выходитъ въ 1891 году, по прежней программѣ и при участіи прежнихъ сотрудниковъ, въ срединѣ каждаго мѣсяца, книжками въ 12 и болѣе листовъ. По мѣрѣ надобности прилагаются портреты и рисунки.

Открыта подписка на „Кіевскую Старину“ на 1892 г.

Цѣна за 12 книгъ, съ приложеніями и рисунками **10 р.** съ доставкою и пересылкою, на мѣстѣ **8 р. 50 к.**, за 6 книгъ **5 руб.** Разсрочка допускается по соглашенію съ редакціею.

Подписка принимается въ редакціи журнала „Кіевская Старина“, Кузнечная № 14.

Редакція отвѣчаетъ за исправную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакціи.

Въ случаѣ неполученія какой либо книжки журнала гг. подписчики благоволятъ немедленно по полученіи слѣдующей книжки присылать заявленіе о неполученіи въ редакцію съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстнаго почтоваго учрежденія.

Въ редакціи продаются полные экземпляры „Кіевской Старины“ за годы 1883, 1884, 1885, 1886, 1887, 1888, 1889, 1890 по 8 р. 50 к. за 12 книжекъ, съ пересылкою 10 р. При покупкѣ за всѣ годы 20% уступки. Отдѣльныя книги за 1882—90 г. по 1 р.

Издатель К. М. Гамалѣй. **За редактора Е. Кивлицкій.**

Дозволено Ценз. Кіевъ, 8-го октября 1891 г.